

Масками, действительно, пора перестать умиляться

Ответ на публикацию «Не будем умиляться масками» на сайте МЦР
(ТОЛЬКО ФАКТЫ)

Содержание

1. Саморазоблачительные статьи в воскресенской газете и на сайте МЦР
2. История Оптического театра, часть 2
 - 2.1. Строительство Оптического театра СМУ № 9 Мосметростроя и предложение о реставрации усадьбы Лопухиных в 1991 – 1993 гг.
 - 2.2. О строительстве Оптического театра в МЦР
 - 2.3. О спонсоре МЦР и его отношении к Оптическому театру
 - 2.4. О технической модернизации Оптического театра
3. Пути войны, а не духа...
 - 3.1. О «научном» направлении работы МЦР
 - 3.2. О кампании МЦР вокруг защиты докторской диссертации В.Росова
 - 3.3. О рериховцах и расколе рериховского движения
 - 3.4. О разрыве с Д.Энтиным, дир-ом Нью-Йоркского Музея Н.К.Рериха
 - 3.5. Идеологические коллизии руководства МЦР. «Защита имени» – кого?
 - 3.6. Бушующий натиск. О борьбе МЦР с Музеем Востока
4. Завет о единстве, или как сделать частное – общим...
 - 4.1. Что было привезено из Бангалора в 1990 году?
 - 4.2. Судьба первой половины Наследия (И.Богданова и В.Васильчик)
 - 4.3. Мотивы борьбы Л.В.Шапошниковой с Музеем Востока
 - 4.4. Духовное Солнце не должно угаснуть
 - 4.5. Ситуация вокруг квартиры Ю.Н.Рериха и наследия Рерихов
 - 4.6. О продаже дома Рерихов в Калимпонге
 - 4.7. Знамя Мира – товарный знак?!
5. Не сотвори себе кумира, или роль Л.В.Шапошниковой в становлении МЦР
 - 5.1. Книги
 - 5.2. Экспозиция Музея им. Н.К.Рериха
 - 5.3. Памятники Ю.Н. и С.Н.Рерихам
 - 5.4. Ежегодные конференции МЦР
 - 5.5. Журнал «Культура и время»
 - 5.6. Выставки современных художников
 - 5.7. Выездные выставки
 - 5.8. Музыкальные вечера
 - 5.9. Оптический театр
 - 5.10. Пожар в Оптическом театре
6. Расправа с неудобными
 - 6.1. Т.П.Григорьева и С.Ю.Житенёв – кто более Л.В.Ш. ценен?
 - 6.2. «Изгнание» В.Б.Моргачева
 - 6.3. «Изгнание» Н.С.Бондарчук из правления МЦР
 - 6.4. Попытка изгнания «врага и предателя» на заседании правления и общем собрании МЦР
 - 6.5. Я.Кротов – в МЦР: где защитники?
 - 6.6. Комиссии МЦР против Оптического театра
 - 6.7. Незаконное опечатывание Оптического театра (конец февраля 2008 г.)
 - 6.8. Некоторые выводы и отзывы зрителей о постановках театра. Работа с детьми
7. Предложение Ю.В.Линника – «триумвират музеев»
8. Комментарии к Приложениям
9. Т.П.Григорьева. Мои соображения о работе Фонда и Центра-Музея Н.К.Рериха

*Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более, когда в неё плюют...
В.Высоцкий*

Саморазоблачительные статьи в воскресенской газете и на сайте МЦР

На сайте МЦР 11.09.2008 появилась статья «Не будем умиляться масками», в которой как новость всероссийского масштаба преподносится тот факт, что на вторых Китежских чтениях, посвящённых теме «Сохранение и приумножение духовного наследия России», я выступил с обвинениями в адрес МЦР, заявив, что моё увольнение было связано с тоталитарным режимом, царящим в МЦР. Далее анонимный автор горюет до небес небылицы, стараясь стереть в порошок ненавистного руководству МЦР строптивца.

После изгнания меня и всего коллектива театра из МЦР и уничтожения нашего детища (Оптического театра) я молчу уже больше года. Пришлось погрузиться в интенсивную работу по созданию эскизов нового оптического инструментария вместо того, который сознательно уничтожило руководство МЦР, что и будет показано мною в этой статье. Честно говоря, отрывать время и энергию от творчества на ответ этим «иерархам света» не хочется, но и молчать дальше нельзя, ибо я понимаю, что моё свидетельство о происходящем в Международном Центре Рерихов (МЦР) может помочь многим людям уйти от иллюзий и мифов и **успеть** заняться реальным, нужным Родине делом, чтобы жизнь не прошла зря.

Члены руководящей «тройки» МЦР, не стыдясь и не задумываясь, *как* воспринимают их заявления нормальные люди, именуют сами себя «иерархами». Так, В.В.Фролов, ездивший по России и отлучавший отделения МЦР от головной организации, на вопросы, обращённые к нему, кто он такой и что даёт ему право вести себя столь претенциозно, отвечал, что он – *иерарх*. Даже комментировать *это* не хочется... И вот простые «иерархи» во главе с «космическим иерархом» услышали от своих осведомителей, что на вторых Китежских чтениях, которые проходили в селе Владимирское, расположенном на берегу священного озера Светлояр и в которых участвовало не более 20 человек, я сказал правду о том, что нас выгнали из МЦР, после чего в театре, перешедшем в руки новой команды, назначенной Л.В. Шапошниковой, произошёл пожар, уничтоживший практически всю уникальную аппаратуру. Ещё я сказал, что в МЦР, считающейся общественной организацией, существует жёсткое единоначалие, при котором критика в адрес руководства не приветствуется, а критикующий может быть изгнан самым жестоким образом. Такая форма правления всегда называлась авторитарной (тоталитарной), хотя сегодня найдутся и ревностные защитники именно такой формы правления (управления)... На Чтениях присутствовали две женщины – «рериховки» (хотя уже давно нужно было *после огромной работы МЦР по раздроблению и уничтожению светлого движения в России назвать подобных приверженцев Л.В.Шапошниковой «шапошниковцами»*). Услышав правду о том, что творится в МЦР, эти милые женщины раздули «из мухи слона». Будучи жителями села Владимирское, они написали возмущённую статью в местную газету «Воскресенская жизнь», не понимая того, что снова и снова треплется совершенно без надобности имя Рериха, которое они якобы защищают, хотя на самом деле они ринулись защищать своего кумира – Л.В.Шапошникову. Странно, что авторы назвали свою статью «О вторых Китежских чтениях», ведь самим чтениям посвящён лишь один абзац, очень скупо освещающий их работу, большинство же статьи занимают перечисления всех званий и наград Шапошниковой и возмущение тем, что какая-то москвичка посмела на слона («космического иерарха») что-то твякнуть.

У меня на Чтениях был доклад об Оптическом театре, о его будущем. Как я мог объяснить аудитории, куда исчез наш театр, в котором некоторые из участников Чтений бывали. Один из них, не зная ещё последних событий, перед докладом предложил мне после окончания Чтений пригласить всех собравшихся в Москву в Оптический театр. Приглашать было уже некуда, пришлось сказать об этом правду и назвать причину гибели театра... Что могло так возмутить этих преданных Л.В.Шапошниковой защитниц, я не знаю, ибо в моём сообщении не было ни слова неправды. Если бы я сказал, что наш театр и до сих пор существует, что руководство МЦР постоянно советуется с коллективом и это воистину общественная организация, – вот это была бы неправда. Эти ревностные «шапошниковцы», имея они хоть немного самостоятельности и здравого ума, могли бы подойти ко мне, высказать свои недоумения и выяснить, *почему* я так говорю, имею ли я для этого какие-то веские основания. Или же – яростно выказать своё возмущение, дать отповедь «клеветнику» – но тут же, а не за спиной. Выслушали бы сначала мои доводы и, если бы сочли их неубедительными, могли потом писать хоть в ООН. Но слепая вера в кумира толкает людей на безрассудные поступки. Они

уже запрограммированы разоблачать «врагов», обязаны «защищать имя и наследие Рерихов», хотя никто из них уже давно не может объяснить, в чём смысл этой фразы.

В результате в местной газете (см. **Приложение № 1**) появляется *ложь* о том, что рериховцы построили Зорину Оптический театр, а он теперь радуется, что театр сгорел. Под статьёй нет подписи, значит, статья анонимная, хотя вся интеллигенция села знает прекрасно эту особу... В статье есть такие перлы, которые вызовут только смех у тех, кто знает реальную ситуацию. Автор фантазирует вовсю: «Совсем недавно господин Зорин, выступая на ежегодной конференции в МЦР, со слезами на глазах благодарил свою судьбу и Л.В. Шапошникову за честь работать в коллективе, которым она руководит. И вдруг такая метаморфоза. Откуда? Ещё больше удивило, с какой радостью сообщалось о пожаре Оптического театра. Казалось бы, рыдать надо, ведь сгорел многолетний труд многих рериховцев...». Дальше больше: «Мужества не хватило бы Вам выступить в рериховских обществах, Вам и рта не дали бы открыть с такой неприкрытой ложью». Затем аноним описывает, что недавно я якобы «присутствовал на собраниях и клеймил отступников, а сейчас сам переметнулся в их стан». Думаю, процитированного вполне достаточно, чтобы понять, что автор этой статьи абсолютно не знает истинного положения дел и руководствуется лишь одним мотивом – старательно выслужиться перед Л.В. Шапошниковой. Если бы автор владел информацией о том, что происходит в МЦР, и о моих взаимоотношениях с руководством этой организации, то он бы знал, что *несколько последних лет* я сознательно не принимал участия в *ежегодных* конференциях, что в конфронтации с Шапошниковой я нахожусь уже около десяти лет, поэтому никак не мог (тем более «со слезами на глазах») благодарить на конференциях Л.В.Шапошникову за честь работать под её руководством. Не мог я клеймить и каких-то выдуманных отступников хотя бы потому, что **такowymi никогда не считал изгнанных из МЦР сотрудников.**

Итак, с этим всё ясно: «защитницы» выслужились, заработали очки, угодили руководству МЦР, отослали отчёт – получили «зачёт». Статья их настолько абсурдна, что я на них даже не обижаюсь. И зла, как говорится, на них не держу. Мне их искренне жаль... Они, видимо, не осознают, что основательно зомбированы, и что свободные люди *так* себя не ведут. Их я простил сразу, как только прочёл опус о себе в местной газете. Готов был с ними спокойно общаться, и этот инцидент в деревне сам собой сошёл бы на нет... Но вот реакция руководства МЦР на эту статейку просто поразительна. Мои слова в деревне услышали 20 человек, из которых большинство в тот же день (а на другой день точно) о них забыли. Благодаря же бдительным «защитницам», об этом узнал весь район, в котором, на самом-то деле, на эту статью обратили внимание тоже от силы несколько человек, живущих в районе рериховцев и шапошниковцев. На самом деле, перечисление на полстатьи званий и наград Л.В.Шапошниковой и возмущение тем, что я посмел против неё что-то сказать, – бесконечно далеко от повседневных забот тружеников, и никому не интересно. Но руководство МЦР решило всё это преподнести как *новость*, достойную внимания всей планеты Земля, и дало команду поместить комментарии к этой статье во Всемирной паутине: <http://www.icr.su/rus/news/icr/index.php?news=184>

«11.09.2008 Не будем умиляться масками

Из нижегородской газеты «Воскресенская жизнь» от 8 августа 2008 года нам стало известно, что бывший директор Оптического театра Международного Центра Рерихов С.М. Зорин на вторых Китежских чтениях, посвященных теме «Сохранение и приумножение духовного наследия России», выступил с обвинениями в адрес МЦР. Он, в частности, заявил о том, что его увольнение было связано с тоталитарным режимом, который якобы царит в МЦР. Ну что же, в таком случае пришла пора рассказать о том, что на самом деле явилось истинной причиной увольнения господина С.М. Зорина из Международного Центра Рерихов. Как говорится, лучше знать лики, чем умиляться масками... При строительстве Оптического театра электропроводка была проведена под руководством С.М. Зорина с нарушением всех правил безопасности. Но Сергей Михайлович скрыл данный факт, увольняясь из театра. При включении оборудования провода не выдержали нагрузки, в результате чего в театре возник пожар. Тем не менее, Оптический театр в новом составе и качестве продолжит свою деятельность в Международном Центре-Музее имени Н.К. Рериха».

Любой желающий может по сноске открыть эту статью на сайте МЦР и прочитать её полностью. Всё в ней – ложь. Есть и откровенная подлость. Не может не удивлять неадекватная,

непропорционально резкая реакция на событие микроскопического уровня. С чего бы это? Цитируя и комментируя «новость» районного масштаба, сайт МЦР сообщает, что г-н Зорин «много раз высказывал несогласие с позицией руководства МЦР. И делал это многие годы». Так-то, госпожа аноним. У меня не только хватит мужества сказать *всему рериховскому сообществу* правду об МЦР, но и администрации Центра-Музея я говорил правду не раз в лицо и, как утверждает само руководство, *не соглашался с ними многие годы. А всю правду сказал им в конце 2007 года, да ещё при многих свидетелях, что привело их в бешенство и закончилось разгромом Оптического театра...*

На эту *лживую* информацию на сайте МЦР, которую у них не хватило ни ума, ни совести снять давно (она уже больше года вводит людей в заблуждение), я и решил дать развёрнутый ответ, чтобы многие «шапошниковцы» задумались, стоит ли так безоглядно и бездумно заниматься защитой своего кумира, или правильнее будет проявить хоть немного самостоятельности. Не пора ли учиться самостоятельности. Взрослые ведь люди, а ведут себя столь несамостоятельно. Нужно думать, прежде чем что-то говорить и делать, и не забывать о личной ответственности. Может быть, «шапошниковцы» задумаются и о том, как они будут выглядеть через некоторое время, когда останутся перед всем культурным миром один на один, а кумирня, в конце концов, прекратится.

Пишу подробно о ситуации, сложившейся в МЦР, только для того, чтобы восторжествовала **справедливость** и чтобы объяснить тем, кто любил наш театр и регулярно приходил на все наши показы в течение последних 12 лет, что же было на самом деле и *что скрывает руководство МЦР* не только от общественности, но и от своих сотрудников. Даже некоторые члены руководства МЦР, спустя длительное время после случившегося, не знают не только правды о мотивах мести руководства, но даже о самом факте пожара в Оптическом театре. Так, вице-президент МЦР М.Л. Попович в разговоре со мной *через полгода после пожара* страшно удивилась, что, оказывается, в театре был пожар, выведший из строя всю аппаратуру... Ответить нужно ещё и потому, что никто из изгнанных администрацией МЦР не смог или не захотел постоять даже за себя, не говоря уже о других, а от безнаказанности рождается порочная вседозволенность.

Итак, **три человека** – **Л.В.Шапошникова, А.В.Стеценко и В.В.Фролов**, ведомые элементарной *жаждой мести*, а не какими-то высшими соображениями, несколько месяцев (с декабря 2007 по март 2008 г.) занимались травлей, пытаясь не просто изгнать меня из МЦР, но сокрушить мою нервную систему и растоптать человеческое достоинство. Это видели не только сотрудники Оптического театра, но и все сотрудники МЦР. Сначала эта «**тройка**» поручила юристу найти статью, по которой можно было бы меня уволить на «законных» основаниях. Но когда юрист сказал, что нет такой статьи и я ничего не нарушал, чтобы был повод *изгнать*, то эту задачу Л.В.Шапошникова возложила на *комиссии*, в которые входили, кроме самой руководящей «тройки», и другие сотрудники МЦР. Комиссии должны были доказать, что я **враг и предатель рериховского дела**. Ещё лучше было бы найти на меня какой-то компромат, чтобы изгнать с треском, с записью в трудовой книжке. Поисками компромата занимались два «специалиста» – А.В. Стеценко и В.В. Фролов, состряпавшие к этому времени не одно подобное «дело» и изгнавшие из МЦР много прекрасных людей. Они отправляли запросы чуть ли не в школу, в которой я учился полвека назад, рылись во всей моей жизни, но так ничего и не накопили.

Практически все сотрудники МЦР прекрасно видят деструктивную роль товарищей А.В. Стеценко и В.В. Фролова, с приходом которых в МЦР стали происходить странные явления. Мало того, что их стараниями изгнаны многие светлые люди, которых они незаслуженно очернили при этом, но они, являясь «свитой королевы» (правой и левой рукой Л.В.Шапошниковой), связали её по рукам и ногам, сыграв трагическую роль и в её судьбе. Надеяться, что она сама поймёт это когда-нибудь, уже не приходится... К тому же, никто не навязывал ей *именно эту свиту*, она сама их выбрала и оставила возле себя. Подобное притягивается подобному... Но, всё равно, думаю, что многим, кто знаком с реальной ситуацией в этой «общественной» организации, искренне жаль Людмилу Васильевну, которая, благодаря активности *таких* «помощников», выбрала весьма сомнительный курс, которым уже много лет идёт МЦР.

Настроив Л.В.Ш. против меня, они умело подливали масла в огонь, чтобы подвигнуть её к разрушению Оптического театра, *на что она сама, может быть, и не пошла бы*. Видя издевательства над людьми, изгнанными из МЦР только потому, что не угодили этой руководящей тройке, я на заседании правления в конце 2007 года высказал руководителям всё, что наболело, в присутствии не только членов правления, но и многих руководителей групп и сотрудников МЦР.

Основные моменты моей критики и реакцию «иерархов» на эту критику я приведу ниже. Если они будут утверждать, что всё это я выдумал, то хочу им напомнить, что существуют **фонограммы** всех заседаний, которые они могут ещё раз прослушать, чтобы обновить недавние события в памяти. Фонограммы эти *есть и у меня*, поэтому я не фантазирую, а опираюсь на **факты**.

На сайте Оптического театра я разместил год назад первую часть Исторической Справки, из которой посетители сайта узнали хронологию появления Оптического театра как *нового вида художественной деятельности, нового вида искусства*. Там можно прочитать, что среди тех, кто восхищался работой Оптического театра и моими авторскими композициями, была в середине 80-х гг. и Людмила Васильевна Шапошникова, а с начала 90-х гг. – и многие сотрудники МЦР, впервые увидевшие это *чудо*, как они его называли в нашей Книге отзывов (см. в **Приложении № 2** – отзывы двух сотрудников, которые сыграли свою негативную роль в истории гибели театра в МЦР). Именно они, ранее искренне восхищавшимся театром, спустя 10-12 лет приняли самое активное участие в его разрушении. Может быть, им будет интересно (или стыдно) хотя бы задним числом увидеть свои факсимильные записи в Книге отзывов.

Вторая часть Исторической Справки долго не появлялась по двум причинам. Во-первых, я занят проблемами воссоздания уничтоженного пожаром в МЦР инструментария Оптического театра, а во-вторых, хотелось посмотреть, что же будет делать руководящая «тройка» МЦР после нашего изгнания и обещания *создать Оптический театр на новых (?) принципах*, – чтобы понять, какой им дать ответ. Теперь, после появления лживой статьи на сайте МЦР, письма-доноса губернатору Нижегородской области (см. **Приложение № 3**) и превращения Оптического театра после пожара в камеру хранения и подсобные помещения (вспомним заверения руководства МЦР: «*Оптический театр в новом составе и качестве продолжит свою деятельность в Международном Центре-Музее имени Н.К. Рериха*»), пришло время ответить этим «организаторам науки» и «космическим иерархам», выкопавшим топор войны для сограждан своей страны...

В статье на сайте МЦР анонимный автор пишет: «Как говорится, лучше знать лики, чем умиляться масками». Правильно. Пришла пора снять маски с ликов правящей в МЦР администрации. Она сумела найти так много «врагов», что пора и о деятельности этих руководителей рассказать *правду, которую со стороны увидеть невозможно*. Может быть, это хоть немного отрезвит горячие головы поклонников и поможет изгнанным и отлучённым понять, что это для них не конец, а *освобождение и начало нового этапа* в их жизни. Письмо руководства МЦР губернатору Нижегородской области, в которой было принято решение построить настоящий Оптический театр, может потрясти любого культурного человека, настолько оно выдержано в духе доноса образца 1937 года. Как написал Ю.Линник: «*Пакостное письмо войдёт в историю. Оно будет перепечатываться в антологиях как образец доноса, в котором с равномошной выразительностью проявились три момента: мстительность – бесчеловечность – неумность*» (см. **Приложение № 4**. Глава 7. Росов и Зорин).

Мне же необходимо последовательно изложить, как развивались события с 1989 по 2008 год в плане сотрудничества Оптического театра, созданного мною за два десятилетия до появления СФР (Советского Фонда Рерихов) с этой организацией, именуемой сейчас МЦР. Только зная все тонкости взаимоотношений, все реальные поступки обеих сторон, можно будет сделать выводы о том, что же на самом деле произошло в МЦР, в котором руководство вдруг изгнало основателя Оптического театра, выдавило своими неумными и жестокими действиями всех его сотрудников, а театр после их ухода «нечаянно» сожгло (см. вид зала и сцены Оптического театра после пожара в **Приложении № 5**). Самое нелепое, что ещё и вину за пожар пытаются переложить на меня, вложившего огромное количество сил, времени и свою душу в его постройку. Я просто обязан рассказать, как же создавался наш театр, чтобы ретивые «шапошниковцы» тоже узнали правду и больше не писали глупостей о том, что *рериховцы построили Зорину театр, а он сделал всё, чтобы театр сгорел, и радуется*. Показать реальный пример того, как руководство МЦР пытается сбить с толку ответственных государственных руководителей, рассказывая им небылицы обо мне, так и не выполнившего за 18 лет под чутким руководством Л.В.Ш. волю последнего Рериха. Вот перл из этого письма-доноса губернатору: «...**план Оптического театра в том виде, как он задумывался С.Н.Рерихом в качестве Окна в Тонкий мир, так и не была реализована директором театра на практике**». Именно так написано в письме: «план... не была реализована».

Что должен подумать нормальный человек, руководитель высокого ранга, читая такие заумные строки из этого написанного двумя «иерархами» (Стеценко и Фроловым) письма и подписанного

академиком и Героем, чтобы напугать чиновников регалиями. Неизвестно, читали ли это письмо *академик и Герой*? Если читали, то почему не исправили грамматические ошибки. Мы не раз убеждались, что у товарищей «инквизиторов» не всё в порядке с грамотностью. А ведь возглавляют они не что-нибудь, а Международный Центр Рерихов, который, по замыслу С.Н.Рериха, должен являться многопрофильной Культурной организацией. Не верится, что это письмо читала М.Л.Попович и что *она* подписала его... Значит, письмо-донос – ещё и обман, и подлог. У лихих помощников «космического иерарха» плохо обстоит дело с порядочностью и элементарной этикой. Но они, видите ли, сражаются со всем миром за *Живую Этику*.

После такого вступления я, собственно, и вернусь к продолжению первой части Истории с биографией, опубликованной на сайте больше года назад.

История с биографией (часть 2)

На сайте Оптического театра более года назад я уже писал, что, когда в 1989 году решался вопрос о создании Советского Фонда Рерихов (СФР), Л.В.Шапошникова сама позвонила мне и пригласила принять участие в Учредительном собрании. Она предложила развернуть Оптический театр как составную часть создаваемого многопрофильного Культурного центра (сначала СФР, а через два года – МЦР). Это было, по сути, то же самое, что предлагал мне раньше сделать сам Святослав Николаевич Рерих (а может быть, она узнала о его желании), поэтому, не раздумывая, я согласился развернуть свой театр под одной крышей со столь перспективным Культурным центром. В СФР я стал работать с первого дня его создания, то есть, с начала октября 1989 года. Теперь, после 20 лет работы Центра-Музея особенно интересно и важно не упустить все те события, которые происходили в первые годы создания МЦР.

В 1990 году я начал постепенно перевозить в СФР из своей квартиры, где, кстати, мои композиции в 1986 году впервые увидела Л.В.Шапошникова, и из гаража весь немалый запас старых отечественных диапроекторов, слайд-проекторов, приборов и материалов, а позднее размонтировал дома *весь комплект оборудования Оптического театра (десятки оптических проекторов и пульта управления) и перевёз его в СФР*. На создание полного комплекта особого оптического инструментария театра у меня ушло *двадцать лет напряжённой работы (с 1969 по 1989 гг.) и практически вся моя зарплата за эти два десятилетия*. Но увлечённому человеку ничего не жаль для реализации своего детища. Невзирая на то, что вся уникальная аппаратура театра была *моей интеллектуальной и материальной собственностью*, я даже не подумал как-то обусловить перед руководством СФР (МЦР) её использование. Верил, что мы делаем одно общее дело, что мы все – соратники, исповедующие высокое Учение Живой Этики, и что мне неэтично даже заикаться о том, что я привёз *свой* «солнечный» инструментарий Оптического театра, который нужно только развернуть в помещениях ремонтируемой усадьбы Лопухиных. Всё – наше, всё – общее. Мне казалось, что при создании этого центра-музея восторжествуют высокие принципы Общины, которые изложены в Учении. Только теперь вижу, насколько ошибался, доверившись Л.В.Шапошниковой, ибо практически весь комплект моего личного уникального инструментария, с которым я пришёл в СФР, через 18 лет был уничтожен по её приказу...

Сразу развернуть театр в 1990 году было негде, так как главное здание усадьбы Лопухиных было сплошной руиной. Флигель тоже представлял собой жалкое зрелище, но именно в нём все сотрудники СФР (будущего МЦР) тогда и разместились. Вначале я решил устраивать хотя бы ознакомительные показы в двух комнатах флигеля. В маленькой комнате начал создавать аппаратную, в комнате побольше – зал. Мне нужно было также помещение для создания мастерской и для складирования в нём большого количества старой аппаратуры, которой накопилось немало за четверть века изобретательской деятельности, и разных материалов, которые я много лет подряд закупал в магазине «Пионер», будто предчувствуя, что будет твориться с цветными металлами после развала СССР. Где размещать эту гору «железа»? Решил приспособить для мастерской подвальное помещение флигеля, *на которое никто не претендовал*. Оно было настолько сырым и затхлым, что мне пришлось буквально счищать грибок лопатой со стен.

Мы долго сушили и вентилировали этот подвал, подвели туда воду, сделали канализацию. Всё это мы проделали, естественно, *сами, не требуя от руководства никаких средств и помощи*. Мы с Александром Дмитриевичем Смирновым и Сергеем Вишняковым оборудовали в отремонтированном подвале мастерскую, в которой можно было бы макетировать новый световой инструментарий и проводить регулярную профилактику имеющегося, изготовленного мною много лет назад. Наши

друзья побелили потолок, оклеили стены подвала обоями, покрасили полы, старались помочь всем, чем только могли. Входили мы в этот подвал и выходили из него зимой и летом по наклонной плоскости через окно...

Душные небольшие комнаты во флигеле были совершенно не приспособлены для показа публике, поэтому я искал в Москве подходящий зал, чтобы временно показывать в нормальных условиях свои композиции, пока не будет создан зал в нашем Центре. Судьба распорядилась в этой ситуации наилучшим образом... Однажды, ещё до перемещения аппаратуры в СФР, у меня в гостях оказался начальник СМУ № 9 Мосметростроя Олег Николаевич Зега. Приехал он с каким-то заместителем министра. Фамилию я не спрашивал, да и не знал вначале, кто эти посетители. Просто друг моей юности В.Г.Цветков (ныне председатель Исполкома межфракционного объединения «Авиация и космонавтика» Государственной думы РФ) попросил показать хорошим людям несколько композиций, и я согласился. В то время я часто проводил показы дома. Естественно, что это были бесплатные показы: от них не было никаких доходов. Скорее, наоборот, так как всех гостей мы с женой встречали чаем и всякими сладостями. Но мне было необходимо показывать зрителям то, что я создаю, поделиться радостью и восторгом от красоты и совершенства мира Природы, поделиться мыслями о том, что мы творим нечто неладное и со своей страной, и с планетой в целом. Всё это находило отражение в композициях Оптического театра. Любой творческий человек работает для других людей, вынося на их суд свои (пусть и несовершенные) произведения.

В этот раз я показал гостям три композиции: диптих «Святая Русь» и «Реквием», созданные ещё в 1969 году, а также композицию «Неисповедимы пути твои...», которая появилась в 1988 году по заказу нашего правительства (тогда ещё СССР) для показа американской группе участников **МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА "ЗА ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА"**. Насколько мог тогда судить, эти композиции произвели большое впечатление на гостей. О.Н. Зега предложил мне поехать к нему на работу, чтобы обсудить, чем он мог бы мне помочь, чтобы я показывал это чудо людям не дома, а в специальном зале. Поехали на шикарном «Вольво», что было в диковинку по тем временам.

Он спросил, не хочу ли я построить Оптический театр при его организации и работать у него. Я ответил, что работа в таком многопрофильном культурном Центре, который создаётся по воле единственного из оставшихся в живых Рерихов, – это важный этап в моей жизни. Так как я обещал С.Н.Рериху развернуть изобретённый мною Оптический театр в структуре Музея им. Н.К.Рериха, то должен своё слово сдержать, поэтому никуда переходить не собираюсь. Рассказал ему также о своей встрече и беседе со Святославом Николаевичем ещё в 1974 году. Трудности периода становления меня не пугают, ибо вся моя жизнь – это бесконечное преодоление трудностей.

Потом посетовал, что СФР, в котором я работаю, тяжело будет поднять из руин прекрасную усадьбу Лопухиных, связанную с именами Петра Первого, Екатерины Второй и многих выдающихся исторических личностей. Её довело почти до полного разрушения министерство, занимавшее это здание до того, как (с подачи М.С. Горбачёва) московское правительство передало его в ведение СФР. Спонсора у нас нет, организация мы общественная, денег государство не даёт, а фронт работ просто огромен. «Постараюсь помочь и тебе, и твоей организации», – сказал Олег Николаевич. Он предложил построить специальный зал для Оптического театра прямо в рекреационной зоне СМУ № 9 Мосметростроя, в которой были корты, медицинский центр и т.п. «В построенном зале, – сказал Олег Николаевич, – ты сможешь радовать зрителей до тех пор, пока в твоём Фонде Рерихов не построят для тебя зал лучше этого». Он сказал, что могу не волноваться и по поводу техники: он купит всю необходимую зарубежную технику, чтобы я мог сосредоточиться на том особом инструментарии, которого купить нельзя, а нужно изготовить по моим чертежам. Мне показалось, что это сон или сказка, поэтому спросил, на каких условиях будет создан им зал Оптического театра, что потребуется от меня или от СФР? «Ровно ничего я не жду взамен, – сказал О.Н.Зега, – культуре нужно помогать, не думая о выгоде, иначе страна не выживет». Олег Николаевич оказался настоящим *меценатом*, а не спонсором. Меркантильных интересов по отношению к нам у него действительно не было.

СМУ № 9 Мосметростроя – мощнейшая строительная организация, которой по плечу самые грандиозные проекты, поэтому я подумал, что реставрацию всей усадьбы Лопухиных можно провести, опираясь на мощь именно этой организации, тем более что у СФР не было средств для такой огромной и дорогостоящей работы. Обратился с этим вопросом к своему благодетелю. О.Н.Зега подтвердил, что для них это вполне решаемая задача. Я рассказал об этом Людмиле Васильевне, и мы в конце 1990 (или в начале 1991) года поехали на встречу с Олегом Николаевичем.

С нами была ещё помощница Л.В.Шапошниковой (имя её точно не помню, но, кажется, Татьяна Васильевна). В кабинете О.Н.Зеге в СМУ №9 состоялся обстоятельный разговор, который помощницей Л.В.Ш. был тайком записан на диктофон.

Олег Николаевич сказал, что он может со своим коллегой (банкиром из Сингапура) выделить на реставрацию усадьбы Лопухиных, отданной под Музей Н.К.Рериха, десять миллионов долларов. Нужно будет объявить конкурс на эту уникальную работу, и реставрационные фирмы пусть поборются за эти деньги. Таким образом, мы найдём лучших реставраторов и завершим все работы буквально за 1,5-2 года, учитывая, что и в самом СМУ №9 есть и мощнейшая строительная техника, и новые технологии, позволяющие даже поднять из земли «тонущую» в ней усадьбу Лопухиных. О.Н. Зеге сказал, что у него есть своя типография и что СФР может на неё тоже рассчитывать. Что и он постепенно вернёт вложенные деньги, участвуя в выпуске книг, альбомов, копий картин и открыток по рериховской тематике. Ещё помню, как он увлечённо говорил о том, что маленькие и недорогие марки с рериховскими картинками и символикой помогут вернуть значительную часть затраченных на реставрацию средств. (Могу посоветовать Л.В.Шапошниковой, если она забыла детали этого разговора, прослушать фонограмму той беседы, если помощница оставила её в МЦР.)

Мы ушли от О.Н. Зеге переполненные впечатлениями. Уверен, что и Людмилу Васильевну так же, как и меня, когда я впервые слушал Олега Николаевича, смутил масштаб того, что он предлагал. «Масла в огонь» подлила её помощница, сказавшая, что всё это настолько грандиозно, что, скорее всего, совершенно нереально и что лучше не связываться с таким «прожектёром». На том две тётки и сошлись, приняв государственного мужа за прожектёра... Олег Николаевич с большим удивлением говорил мне потом, что он просто не понимает, почему отказались от его предложения. Обижался, что ему даже не позвонили, чтобы объяснить причину отказа, что, мол, люди воспитанные и культурные так себя не ведут. Помню чувство неловкости и стыда за то, что я напрасно отрывал от дел серьёзного человека, но Л.В.Шапошниковой ничего доказать так и не смог. Она наотрез отказалась от помощи этого достойного человека.

А О.Н. Зеге доказал, что он – человек слова. По моим эскизам был быстро построен прекрасный зал *специально для Оптического театра* в рекреационной зоне СМУ №9 Мосметростроя недалеко от метро Свиблово. Я почти год ходил к 8 утра на стройку, так как у строителей возникало много вопросов, а архитектурного проекта у них не было, и всё строили по моим эскизам и устным указаниям. Зал этот был необыкновенным ещё и тем, что его стены походили на мерцающую Галактику. Была применена уникальная технология использования крупной корундовой крошки, которой были усеяны на тёмном фоне все стены зала. Корундовые кристаллики (как небольшие бриллианты) сверкали в лучах обыкновенных ламп накаливания. При движении по этому залу зритель видел завораживающую картину меняющегося звёздного неба. Особенно мощно этот эффект проявлялся, если погасить общий свет и зажечь одну точечную лампочку в центре зала. В потолке были вмонтированы около семидесяти люков, в которых за матовыми стёклами располагались по три лампы основных цветов. По желанию оператора можно было плавно менять колорит общего освещения. Зал поднимался амфитеатром, на широких ступенях были установлены глубокие удобные кресла. Огромный во всю стену экран бесшумно закрывался серебристым занавесом. После завершения строительства О.Н.Зеге, как и обещал, купил во Франции ту технику, которую можно было купить, а я перевёз часть своего самодельного инструментария в этот зал, и мы начали работу.

На первый же показ я пригласил весь коллектив СФР, который к тому времени превратился в МЦР. Пришла и Людмила Васильевна со своей новой помощницей Г.И. Бибиковой. Мы (сотрудники Оптического театра) приготовили не только показ, но даже фуршет (кофе и чай с бутербродами). Есть слайд, на котором виден и этот зал и сотрудники МЦР во главе с Л.В.Ш. Показ нескольких композиций коллегам прошёл вполне успешно... Зал начал действовать. В него пошли зрители...

Но вскоре обстановка резко изменилась. Начинали-то мы всю эпопею с этим залом сразу после визита в мой домашний театр О.Н. Зеге в 1990 году, но после обрушения советской власти к собственности потянулись многие желающие. В новое время появились и новые хозяева в СМУ №9, хотя О.Н. Зеге ещё несколько лет играл заметную роль и мог бы успеть осуществить реставрацию нашей усадьбы. Новые хозяева фирмы явно не были по природе своей меценатами. Они сказали, что за аренду зала нужно платить *большие* деньги. Я даже не стал говорить об этом Людмиле Васильевне, ибо всё равно на аренду деньги она тратить бы не стала. Зал хоть и был прекрасным, но располагался на окраине Москвы, в районе метро Свиблово, далеко и от станции метро, и слишком

далеко от нашего музея. Стало ясно, что нужно направить все силы для создания театра в самой усадьбе Лопухиных, тем более что у МЦР к тому времени уже появился свой спонсор-меценат Б.И.Булочник. Уникальный зал, построенный в СМУ №9 Мосметростроя специально для Оптического театра, новые хозяева превратили в казино...

Так бездарно закончился наш контакт с мощной строительной фирмой, хотя, в случае согласия Людмилы Васильевны на участие СМУ №9 Мосметростроя в реставрации усадьбы Лопухиных, всё могло бы вылиться в настоящее сотрудничество и дать потрясающий результат. И этот зал, построенный в Мосметрострое специально для Оптического театра, остался бы за нами в рамках Договора о сотрудничестве, который мы заключили бы, и отреставрированную усадьбу Лопухиных (всю, в полном объёме!) Музей им. Н.К.Рериха имел бы в своём распоряжении уже в 1993 году! Это не преувеличение, ибо мощь и техническую оснащённость этой организации трудно переоценить. Она в новое время построила потрясающие особняки в самом центре Москвы для банков и гостиниц методом «стена в грунте», т.к. копать котлован по старинке в густо застроенном центре столицы просто невозможно. Но Л.В.Ш. даже не сочла нужным позвонить О.Н. Зеге – человеку активному, деловому, готовому к сотрудничеству и вложению значительных средств в реставрацию усадьбы. Она просто пренебрегла этим спасительным предложением. Постичь её логику в данной ситуации вряд ли возможно...

Итак, до 1995 года, после ухода из зала, построенного в Свиблово, я проводил все показы в комнатах флигеля усадьбы Лопухиных. Имеются видеозаписи переполненного зальчика. Те, кто не помещался в зале, стояли в коридоре. Проводил я эти демонстрации, естественно, бесплатно. В ремонтирующемся здании усадьбы Лопухиных (будущем музее) для театра, согласно проекту, выделили самое большое помещение (ныне это зал Святослава Николаевича Рериха). Следовательно, тогда Л.В.Шапошникова действительно хотела, чтобы Оптический театр был в МЦР, иначе не дала бы своего согласия на это проектирование. Проектный институт сделал всю документацию на размещение в этом зале Оптического театра. Проект был очень интересным. Трансформирующаяся сцена, разворачивающиеся экраны, специальная аппаратная... Целый том этой документации до сих пор хранится у меня.

Конечно, было очень соблазнительно спокойно дожидаться, пока для нас сделают по этому проекту готовый зал, чтобы в нём начинать работу театра. Вот только зал музея при этом подвергнулся такой капитальной переделке, что потом трудно было бы ему вернуть прежний облик. Будучи членом правления МЦР, на одном из заседаний я сказал, что не чувствую себя вправе занимать самый большой и светлый зал музея, в котором придётся наглухо закрыть все окна, отгородить кирпичной стеной аппаратную, сделать сцену, смонтировать мощные металлоконструкции и произвести основательную перепланировку всего объёма. Не могу я отрывать такой большой зал от музея, так как картин со временем будет всё больше и больше. Так и произошло – коллекция музея значительно расширилась за счёт десятков купленных спонсором на разных аукционах картин Н.К.Рериха и С.Н.Рериха.

На вопрос, что же я предлагаю, ответил, что, по моим представлениям, театр должен располагаться в *отдельном* здании, а не быть одним из залов музея, который нужно печатывать в семь часов вечера и сдавать под охрану милиции. Театру для полноценной работы нужны ещё съёмочный павильон, механическая мастерская, монтажная и компьютерная комната, режиссёрская комната со специальным просветным столом для того, чтобы на нём можно было выложить одновременно сотни слайдов, склад для запасного оборудования и материалов и т.п. подсобные помещения. Всё это невозможно разместить в одном зале музея вместе с аппаратной и креслами для зрителей, а просить еще хотя бы один зал музея для нужд Оптического театра я, тем более, не имею права. Кроме этого, я считаю, что нельзя проводить показы среди картин, ибо мы должны беречь шедевры Рерихов. Дыхание множества людей, переполняющих залы музея, вредно сказывается на температуре, очень чуткой к колебаниям влажности, а картины со временем всё равно придётся повесить и в зале театра, так как места для них в остальных залах хватать не будет. Дыхание большого числа людей не может не влиять на температуру. Это было тоже важным соображением, по которому я не хотел располагать театр в самом музее.

Кстати, все годы МЦР проводит конференции среди картин. При этом переполнен не только зал С.Н.Рериха, но почти все залы музея, в которых *сотни людей часами* смотрят на головы докладчиков, вещающих с телеэкранов, и укорачивают своим дыханием срок жизни картин. Какая разница, в каком помещении смотреть телевизор. Можно было бы располагать всех, не вошедших в

зал, где находятся докладчики и президиум, в залах сменных экспозиций на первом этаже. Но для этого нужно любить и ценить творчество этих Художников, думать о максимальной сохранности картин. Администрации, похоже, всё равно, сколько десятилетий ещё продержатся эти шедевры, иначе она не относилась бы столь пренебрежительно к живописному наследию Рерихов. Особенно это соображение было важно в первые годы, когда только немногие картины были в рамках со стёклами. Какой вред нанесён картинам, не защищённым стёклами за эти годы, можно только догадываться.

Ещё одним доводом в пользу того, что театр должен располагаться в отдельном здании, было то, что все театры начинают работу в 19-00. Наш музей, который (как и все музеи) будет работать до 18-00, к этому времени уже будет закрыт и опечатан. Люди привыкли посещать театры именно в 19-00. Сместить начало наших спектаклей, скажем, на 16-00, абсолютно нецелесообразно, ибо в это время люди ещё работают, поэтому зрителей у нас будет очень мало. Вот почему я готов приложить все усилия, чтобы крайний гараж на заднем дворе усадьбы приспособить под Оптический театр хотя бы на несколько лет. Ясно, что это будет временное помещение. Но, может быть, когда-нибудь именно на этом месте мы выстроим настоящий прекрасный театр с планетарием... А пока я заверяю Правление, что сумею крайний гараж на заднем дворе усадьбы приспособить под Оптический театр хотя бы на какое-то время. По мере выполнения плана реставрации всей усадьбы можно будет совместить Оптический театр с драматическим театром в помещении планируемого к воссозданию каретного сарая.

Зал там по предварительным прикидкам архитекторов будет достаточно большим. Древнее искусство театра теней в соединении с волшебными возможностями динамической светоживописи даёт такой яркий и необычный синтез, что, несомненно, привлечёт массу зрителей. В этом же большом зале мы могли бы проводить и все конференции, сопровождая доклады яркими и необычными проекциями, что придаст нашим конференциям совершенно новое качество. Если это предложение чем-то не нравится руководству, то в будущем, когда будут отреставрированы *все постройки* этой замечательной усадьбы, возможно, найдётся постоянное место и для театра. А пока прошу разрешить нам своими силами построить театр из аварийного гаража.

Людмила Васильевна сказала, что мне вряд ли удастся сделать что-то приличное из этой развалюхи, что нет ни материалов, ни достаточных средств, так как эта работа не входит в утверждённые планы создания музея. В.А.Родионов, возглавлявший в МЦР все строительные работы, напомнил о категорическом запрете использовать помещение этого гаража для каких бы то ни было целей именно из-за его аварийного состояния.

Меня всё это не смущало. Я верил, что мы преодолеем любые преграды, ибо верим в свои силы, в приобретённый ранее опыт. Ещё во время учёбы в институте я ездил в начале 60-х годов на целину в составе студенческих отрядов. Мы строили тогда в степях Казахстана дома, клубы, хозяйственные постройки и т.п. В меня вселяло уверенность ещё и то, что это был уже не первый зал в Москве, который мне приходилось строить или приспособлять для работы театра в последнюю четверть века, и каждый раз получалось. Энтузиазм и огромное желание всегда побеждали. В конце концов, разрешение от Л.В.Шапошниковой было получено, хотя повторно вызванная комиссия снова дала заключение *о невозможности использования этого помещения (из-за опасно провисающего потолка) даже для склада*, не говоря уже о театре. Усугубляло проблему ещё и то, что этот крайний гараж был буквально завален огромной кучей строительного мусора, превратившейся в сплошную гору.

В то время вокруг всего основного здания усадьбы уже несколько месяцев шла работа по установке свай, проходящих сквозь фундамент. Вместо того чтобы поднять здание из земли, как это предлагал О.Н. Зега (есть такие технологии в XXI веке!), решили зафиксировать хотя бы нынешнее положение основного здания усадьбы, чтобы оно и дальше не погружалось в грунт. Оно и так напоминает со стороны Красного крыльца Пизанскую башню. Фиксацию здания решили сделать большим количеством свай, проходящих через мощный фундамент усадьбы. Бурили наклонные шахты на глубину 18 метров и в них загоняли пучки стальной арматуры. Потом закачивали туда под давлением раствор из самого прочного мостового цемента. Каждый день шланги промывали от остатков раствора на огромную кучу мусора возле крайнего гаража, что превратило её почти в монолит. Растащить и убрать эту гору оказалось делом крайне трудным, но мы в осенние месяцы справились с этой работой. Помогали друзья нашего театра. В основном, это были зрители Оптического театра, которые видели мои композиции в разное время и в разных местах. Интересно

было видеть среди команды, столь рьяно разгребающей этот мусор, профессоров, юристов-международников... Они не кичились своими званиями, а работали со всеми наравне...

Итак, предварительная работа по расчистке территории была осенью завершена. Превращение же гаража в зрительный зал я начал в марте 1995 года. Начал *буквально один*, затаскивая по снегу в гараж доски и брёвна, которые выбрасывали из окон второго этажа усадьбы. Там в советское время нагородили множество перегородок. Теперь их разбирали и выбрасывали во двор. Я затаскивал эти брёвна в гараж, вынимал гвоздодёром гвозди, чтобы использовать эту ещё вполне пригодную древесину для строительства театра. Вот и не нужно покупать материал. И на рабочих средства тоже тратить не нужно, так как ещё не перевелись в нашей стране энтузиасты. Через два месяца постепенно собралась команда всё из тех же друзей театра, готовых бесплатно работать ради осуществления интересной и нужной идеи... Хочу обязательно довести до всех, кто не знает реальной ситуации, что в постройке Оптического театра из аварийного гаража ни один штатный сотрудник МЦР не принимал участия ни одного часа, не то что дня. «Руками и ногами человеческими» строился этот уникальный театр, но это были «руки и ноги» именно друзей театра, а не рериховцев. Мне помогали те люди, которые уже давно знали наш театр, бывали и до возникновения СФР (МЦР) на наших представлениях в других залах или у меня дома. Эти люди и сейчас есть, их можно всех собрать на любой пресс-конференции. Они потом часто приходили в наш Оптический театр на протяжении 12 лет, после его открытия в январе 1996 года и до его разгрома в 2008 году.

В строительстве самого музея (усадьбы Лопухиных) рериховцы из всех районов России (и не только России) действительно принимали участие. Много тысяч человеко-часов отработали эти люди и в дождь, и в холод, выполняя порученную им работу с таким прилежанием, что иначе как святыми этих людей не назовёшь. Честь им и хвала за их огромный труд, особенно на выемке сотен тонн грунта при понижении двора усадьбы справа от Красного крыльца, который, естественно, приносил руководящей «тройке» и спонсору огромную экономию средств. Эти люди, являясь настоящими подвижниками, не ждали никакой оплаты, а приезжали в МЦР по зову сердца. Им просто очень хотелось помочь построить замечательный Центр-Музей, о котором мечтал Святослав Николаевич. Они помнили его призыв: «Медлить нельзя!». Вот они и приезжали в Москву, кто на недели, а кто и на месяцы. Я видел ежедневно их огромный труд, поражаюсь их самоотдаче и старался пригласить их после работы в Оптический театр, чтобы хоть как-то отблагодарить. Но это было уже позднее, когда театр был построен, а в строительстве самого Оптического театра, повторюсь, рериховцы участия не принимали. Помогали его строить друзья. Друзья мои, друзья театра...

Но истины ради нужно отметить, что, если не руками, то советами (и иногда очень полезными) помогали наши замечательные архитекторы и, особенно, отвечающий много лет за все строительные работы в МЦР В.А.Родионов. Конечно, я эту помощь помню, и всегда был очень благодарен «строителям пирамид», как часто называл эту замечательную команду... Вначале помогла и сама Людмила Васильевна, выделив деньги на приобретение впервые появившегося в России микрозеркального видеопроектора, который мы собирались использовать и в театре, и для проведения конференций. Этим целям и служил этот проектор много лет, пока не выработал свой ресурс.

Итак, весной 1995 года мы приступили к строительству театра. Проблемой был опасно провисающий потолок гаража, готовый обрушиться в любое время. Мне удалось достать в Мосметрострое мощные домкраты и выдавить потолок вверх. Пока его удерживали домкраты, мы собрали под потолком квадрат из деревянных брусьев (15 x 15см.), подставив по углам образовавшегося квадрата толстостенные стальные трубы. Четыре трубы-опоры стояли прямо в зале на специально созданных фундаментах. Зальчик получился небольшой, всего на 45 зрителей. Стулья для зала я купил за небольшие деньги после пожара в одном ДК. Случайно проезжал мимо этого ДК и увидел, что не меньше десятка секций по четыре стула в каждой, спасённые от огня, стоят на улице. Мне удалось не только уговорить продать эти старые стулья, но и выпросить грузовик для их перевозки.

Пишу я это только затем, чтобы не было искажения истины, ибо защитники Шапошниковой пишут в местных газетах, стараясь выслужиться перед «космическим иерархом», что Оптический театр построили Зорину рериховцы, а он теперь радуется, что театр сгорел. Этим людям простить можно - они *многого* не знают. Но то, что эту чепуху (а, по сути, ложь) повторяет руководство МЦР на своём сайте, не может не поражать. Хотя чему удивляться? Всю эту ложь и доносы составляют

неутомимые помощники генерального директора, которые пришли в МЦР через много лет после его организации, пришли на всё готовое и истинного положения дел знать не могут. Не видели они, естественно, тех, кто строил театр. Чтобы развеять сомнения и отвести домыслы о том, кто же построил Оптический театр в МЦР, привожу в доказательство отрезвляющий документ: «Распоряжение № 4-1 от 16.01.1997 года» (см. **Приложение № 6**). В этом документе сама Л.В.Шапошникова говорит недвусмысленно о том, кто строил театр и кто достоин за это поощрения...

Первые показы в созданном небольшом зале я провёл уже в начале октября этого же 1995 года для участников ежегодной Конференции, завесив неокрашенные стены шторами. После этого показа мы красили и оформляли зал ещё два месяца, а уже с начала января 1996 года пошли регулярные показы для зрителей. На этом этапе создания Оптического театра мы сэкономили для МЦР 300 миллионов рублей (в ценах 1995 года). Л.В.Шапошникова, увидев представленную ей смету и справку об экономии, которой мы добились самоотверженным трудом, отметила это специальным Распоряжением (о котором я писал выше – см. **Приложение № 6**) и премией сотрудникам Оптического театра. Смету (кстати, она сохранилась) составляла Людмила Сергеевна Тетерина, которая была посредником между МЦР и спонсором. Она была крайне недовольна нашим строительством и, мягко говоря, невзлюбила меня, затеявшего целую дополнительную стройку. Именно поэтому составленная ею смета была далеко не полной. Реально сэкономленные нами на этом строительстве средства, как минимум, в два раза превышали указанную в этой смете сумму. Это легко доказать, если дать компетентной комиссии перечень всех работ, которые нами были выполнены за 1995 год...

И вот театр готов. Столько сил было затрачено. Работали от зари до зари без выходных. Иногда по ночам. Ночи были холодные, и мы жгли около театра костры (признаюсь задним числом), но жгли с умом, складывая поленья в огромной чугунной чаше. Пели под гитару песни, работали быстро и весело. В студенческих отрядах побывали и другие участники нашей стройки, поэтому в минуты отдыха мы пели у костра песни 60-х. Такой подъём был и такая радость, что участники стройки приходили в театр и вспоминали об этом времени с удовольствием и десять лет спустя. Отделкой занимались с любовью и выдумкой, невзирая на то, что это был *временный зал*, и я знал, что рано или поздно его снесут, т.к. в генеральном плане восстановления усадьбы Лопухиных эта постройка советского периода не фигурировала. Всё это меня не пугало. Я знал, что у нас будет впереди *несколько лет* работы в этом временном зале, а этого времени (по моим расчётам) должно было хватить для создания сплочённого коллектива и воспитания последователей нового искусства Синтеза. Главное, успеть создать Команду. Это стоит любых усилий.

Оптический театр был задуман мной как своеобразный Дом Творчества. Новое искусство – особенное. *В нём гармонично соединяются и техническое творчество, и творчество художественное.* Это действительно так, и я тратил огромное количество сил и времени именно на творчество техническое, в котором достиг очевидных успехов. Уже тридцать лет (с 1978 г.) моё имя фигурирует и в отечественной Музыкальной энциклопедии, и в зарубежных энциклопедических изданиях. Более тридцати лет назад в газетных статьях меня называли Страдивари нового искусства. Это не хвастовство, а констатация фактов, которые легко проверить. И заодно уточнение, что я – не освобождённый режиссёр, который занимается созданием спектаклей и свето-звуковых композиций, а главный конструктор и «играющий тренер», на котором всегда лежала огромная дополнительная нагрузка, совершенно не учитываемая руководством МЦР.

Вся эпопея со строительством театра своими силами и созданием аппаратуры своими руками – всё это было продиктовано стремлением поменьше просить у руководства (т.е. у спонсора) средств на наше дело. Исповедуя Учение, мы полагали, что в общественной организации, каковой был объявлен МЦР, нет лишних денег, и это обстоятельство диктует жизнь и работу всем сотрудникам в условиях жёсткой экономии. Вместо того чтобы потребовать необходимых специалистов в штат театра для его модернизации и развития, я взвалил на себя почти непосильную нагрузку. Начиная с 1995 года, когда мы построили первый вариант театра, при его модернизации в 2000 году и всё время работы театра в МЦР *пришлось* совмещать многие функции в одном лице.

Сначала функции строителя, благо некоторый опыт имелся. А для запуска и работы театра я выполнял функции инженера-конструктора, оптика, механика, слесаря, токаря (многие детали сам вытачивал на токарно-винторезном станке, приобретённом мною для этой цели), монтажника (мы

все пульты дистанционного управления более чем двумястами каналами 75-ти проекторов спаяли по схемам, разработанным талантливым электронщиком В.Мишиным, своими руками вдвоём с моим сотрудником А.Ефремовым). Никто с меня не снимал и задачи художественного руководителя. Обучал молодых последователей, помогал им создавать их первые программы, озвучивал их вместе с ними, участвовал в репетициях. И ещё был директором театра, ибо никто за меня не смог бы вести и всю организационную работу. Кроме этого, был автором и исполнителем, создающим свои программы и ведущим их в театре. Они до самого конца нашего пребывания в МЦР и составляли основу репертуара театра. И совсем смешно покажется некоторым, но частенько я работал и дворником, особенно в зимнее время. На нас экономили по всем статьям, и много лет никто и не думал убирать снежные заносы возле театра. Если бы мы сами их не убрали, то к театру пройти было бы невозможно. Иногда приходили люди и спрашивали у «дворника», что такое Оптический театр. Я втыкал лопату в сугроб и отвечал на все задаваемые вопросы. Уходили эти случайные посетители музея, удивляясь, что в МЦР даже дворники неплохо подкованы...

Итак, работал я один за десятерых, а получал зарплату **в 4 раза меньше зарплаты уборщицы** в нашем музее. Это правда, которая ниже будет оказана документально! Потом Л.В.Ш. будет удивляться на заседаниях правления и общем собрании, что некогда талантливый Зорин, поразивший её воображение, почему-то сдал позиции и стал делать программы хуже и слабее, чем раньше. Во-первых, это не так, ибо она не удосужилась ни разу прийти на наши программы за все 18 лет моей работы в СФР (МЦР). Пришла только тогда, когда решила выгнать и нужно было найти повод, т.е. пришла уже с недобрый взглядом и предвзятым мнением, сопровождаемая двумя «крупными искусствоведами в штатском» (Стеценко и Фроловым). А во-вторых, подумала бы сама, почему это я стал делать более слабые композиции, *работая под её «чутким» руководством*. До работы в МЦР был чуть ли не гений (по её же высказываниям), а пришёл в «творческую» организацию, ведомую самим «космическим иерархом», и вдруг сдал... Если бы она действительно хотела улучшения качества композиций, то ей никто не мешал **помочь нам реально**, а не бросать нас один на один с накапливающимися трудностями. А проблемы, действительно, накапливались как лавина...

Проработав в созданном нашими руками зальчике пять лет (до 2000 года), мы поняли, что дальше так работать просто невозможно. Недостатки были очевидными:

1. Театр вызывал большой интерес, и маленький зал уже не вмещал всех желающих.
2. Зал был горизонтальным, и зрители, сидящие на задних рядах, видели только половину экрана. Мешали головы сидящих впереди зрителей. Мешали и трубы, подпирающие потолок.
3. В театре не было туалета, а музей уже закрывали, когда у нас начинались показы, и бежать зрителям было некуда.
4. Не было у нас и воды.
5. Нужна была и собственная мастерская, потому что техника, отработавшая к 1995 году более четверти века, часто выходила из строя. Мне негде было её ремонтировать, ибо мы переселились из отремонтированного нами подвала в театр, отдав подвал для других целей. К тому же начался капитальный ремонт флигеля, и оттуда всё равно нужно было убираться. Я долго просил отдать нам гараж, который располагался вплотную к нашему залу, а гараж МЦР переместить в пустующее рядом с ним помещение, в котором давно уже образовалась настоящая свалка, но *всё время получал отказ*. Когда в театре шёл показ, водитель возвращался в гараж после того, как отвозил Л.В.Шапошникову домой. При въезде машины в гараж в зрительном зале сильно пахло бензином. Зрители выражали неудовольствие, а мы ничего не могли сделать.
6. Вентиляции у нас практически не было никакой, поэтому запах бензина быстро удалить было невозможно. В тёплое же время года зрители в зале буквально задохнулись. Были случаи обмороков от жары и духоты, но даже после этого зрители не уходили. Они готовы были терпеть такие неудобства из-за Красоты, которую видели в театре. Но мы-то сами понимали, что должны что-то предпринимать.

Мои неоднократные обращения к руководству, к техническому отделу на протяжении пяти лет (с начала 1996 и до 2000 года) с просьбой помочь в создании нормальной вентиляции и канализации, в обновлении аппаратуры в расчёт никто не брал. Привыкли, что Зорин сам выкручивается, поэтому нечего на него деньги тратить. Если и выделялись суммы, то настолько незначительные, что на них и 10 % запланированных работ сделать было невозможно. Так было и в 2000 году, когда я *наметил увеличить вместимость зала в два раза, сделать зал амфитеатром, чтобы зрителям было комфортно, купить новые кресла, поставить приточную и вытяжную вентиляцию, пристроить*

туалет, подвести от главного здания воду и канализацию, сделать ремонтную мастерскую и съёмочный павильон. На все эти работы нам выделили всего **120 тысяч рублей (!)**. А тут ещё по вине водителя, варившего на деревянном полу решётки для своей дачи, сгорел гараж, примыкавший вплотную к зрительному залу. Охрана проспала пожар, и, когда запылало на полнеба, приехали ночью пожарные, не смогли одолеть стальную дверь, сорвали крючьями листы на крыше над гаражом, чтобы залить огонь. Машины в гараже в ту ночь не было. Водитель уехал на ней домой. До него охрана, разбуженная сиренами пожарных машин, наконец-то, дозвонилась, и он приехал в три часа ночи, когда пожар уже потушили через удалённую крышу.

Утром, придя на работу, мы почувствовали в зрительном зале удушающий запах гари и увидели рядом пожарище. Пришла Л.В.Шапошникова, посмотрела на полностью выгоревший пол гаража, на дыры в крыше, сквозь которые было видно небо, и «благосклонно» сказала, что теперь я могу взять этот гараж и сделать из него мастерскую театра. Но и то только при условии, что из соседнего со сгоревшим гаражом помещения, в котором раньше был растворный узел, а потом там устроили свалку, мы *силами сотрудников* Оптического театра и **всё за те же 120 тысяч рублей** сделаем ещё и новый гараж для МЦР. Я на всё согласился. Не выдержала и возмутилась даже представитель спонсора Л.С.Тетерина. Она сказала, что только на один новый гараж нужно в 3 раза больше (!) выделенной нам на все работы суммы и что это безумие с моей стороны братья за такой огромный объём работ, на который требуется денег в 20 раз больше, чем выделено. Но я снова понадеялся на энтузиазм, на свои руки и на моих молодых помощников...

Сделали мы из сгоревшего дотла гаража и мастерскую, и съёмочный павильон. Пришлось сделать также двухэтажную пристройку для служебного входа в мастерскую театра. Сначала удалили остатки пола, чтобы ушёл запах гари. Потом мы выкопали землю почти на метровую глубину. В образовавшемся пространстве мы зацементировали «точки опоры», а на них из белого кирпича и раствора сделали столбики нужной высоты, чтобы на них горизонтально разместить брусья 15x15см. И только потом – лаги, а на них настелили пол. Сами позднее перекрыли крышу, которая, как её ни латали после пожара, протекала в нескольких местах.

Параллельно мы занимались созданием гаража для МЦР. Я закупил стальной профиль и стальные листы для ворот гаража. Заказал более пяти тонн раствора с гранитной крошкой, который привезла и вылила внутрь этого помещения огромная вращающаяся «Улитка». Поставив на входе на ребро доски, чтобы жидкий раствор не выливался на улицу, мы вручную, утопая в этом растворе, долго его выравнивали. Получился прочный и гладкий пол гаража. Замучились, не имея опыта, но сварили огромные ворота гаража, чтобы в нём помещался не только лимузин генерального директора, но и микроавтобус, который тоже купил для МЦР спонсор. Приварили петли и навесили половинки ворот. Закрывались они нормально, что не могло нас не радовать, ибо сил и времени (отнятых у театра) было затрачено немало. Покрасили ворота и стали утеплять на зиму. Три недели приходили друзья театра, наши добровольные помощники, сверлили отверстия, нарезали резьбу, обшивали ворота досками (вагонкой), утепляя их минеральной ватой. Люди работали от зари до зари, стараясь успеть к сроку. И к сроку ворота были готовы. Мы купили специальный гаражный замок, установили его. Водители снисходительно и свысока поглядывали на этих энтузиастов, не прикоснувшись ни к чему, хотя гараж делался именно для них. Понятно, что ворота, сделанные нами, были не столь хороши, как фирменные, но вполне могли прослужить много лет. Единственный недостаток был в том, что одну половину ворот приходилось придавливать внизу ногой, когда закрывали ключом, но после этого всё прилегало плотно, и ворота полностью обеспечивали функцию защиты гаража и гарантировали сохранение тепла зимой. Спонсор видел нашу работу (и то, как мы сделали пол и ворота, как побелили стены) и счёл, что всё это вполне приемлемо *для гаража*, особенно если учесть, что все наши помещения (и гараж, и театр, и столярная мастерская) – это временные сооружения, которые, по его мнению, подлежат сносу в не столь уж далёком будущем. Закончив гараж, мы облегчённо вздохнули и принялись за работы по модернизации нашего театра, которых ещё оставалось очень много.

К сожалению, водитель пожаловался Людмиле Васильевне, что ему неудобно закрывать ворота гаража. Нужно делать усилие, вместо того, чтобы спокойно повернуть ключ... По старой советской привычке, личные водители ответственных партийных работников пользовались всегда благосклонностью своих патронов. Оно и понятно, – от водителя зависела сама бесценная жизнь партайгеноссе. Поэтому, по той же традиции, в нашем Центре водителям и зарплату платили несравненно выше, чем всем нам, и чутко реагировали на их пожелания. Л.В.Шапошникова на

следующий день устроила мне чудовищный разнос, отругав за то, что мы плохо сделали гараж. Выслушав гневный монолог Шапошниковой, я сказал ей, что гараж вполне нормальный, спонсор его одобрил, и призвал её зайти в театр, посмотреть, как мы вручную заводим под потолок 800-килограммовые двутавровые балки, какую огромную работу уже выполнили и как стараемся к сентябрю всё закончить, невзирая на нехватку материалов и средств. Она сказала, что *это её совершенно не интересует*. Если, мол, взялся, то должен был сделать не только театр, но и гараж на высочайшем уровне.

Тут же ею было отдано распоряжение – наши двери выбросить, а на их место заказать фирменную стальную дверь. Спонсор, который раньше одобрил нашу работу, не посмел восстать против воли «космического иерарха». Так было всегда. Б.И. никогда не перечил Л.В.Ш., и был на удивление послушен... Наши ворота были сняты с петель и брошены в грязь, где они и пролежали больше месяца. Мне было безумно неудобно перед добровольными помощниками, которые приходили к нам и дальше помогать в строительстве театра. Они с недоумением смотрели на втопанную в грязь их работу. «Зачем же мы так старались? Ворота-то вполне пригодны, что же в них было такого плохого, что их нужно было выбрасывать, неужели денег не жалко?» Я им сказал, что это вопросы не ко мне, а к начальству... Дорогие фирменные ворота были сделаны очень быстро, а бригада штукатуров сделала в гараже «евроремонт». Зачем было штукатурить в гараже кирпичные стены, которые мы уже побелили. Выглядело и без штукатурки *для помещения гаража* совсем неплохо. Конечно, и за эту работу, и за фирменные ворота, появившиеся по прихоти Шапошниковой, спонсор заплатил в несколько раз больше выделенной нам суммы. Мы же были вынуждены напрягаться ещё больше, ибо из 120 тысяч рублей, выделенных нам на все работы, мы уже потратили почти 30 тысяч рублей на оборудование гаража. И вот, и эти столь необходимые нам деньги, и наша работа были втопаны в грязь. Хорошо хоть наш пол не вырубили и не выбросили...

В довершение всего, когда ставили отопление в гараже, то поставили в нём пять или шесть больших батарей. Мы просили хотя бы две батареи поставить в зрительном зале, но и в этом нам отказали. Так и остался зрительный зал театра *вообще без батарей отопления!* Все батареи поставили в помещении гаража, чтобы у обожаемых водителей зимой было, как в Сочи. Странно было смотреть на эти поступки Л.В.Ш., которая иногда заявляла, что Оптический театр – это неотъемлемая часть Центра-Музея им. Н.К.Рериха...

Но, невзирая на большие трудности, мы выполнили всё намеченное к началу сезона (к 1 сентября). Сумели полностью переделать зрительный зал. Вместо деревянных брусьев завели под потолок мощные тяжёлые двутавровые стальные балки высотой 30 см. Мы их продвигали в окно на катках и поднимали под потолок *вручную* (!), построив специальный помост в зале. После укрепления потолка мы убрали стальные трубы из зала. Убрали из зала также аппаратную, вынесли её в коридор. Понизили ломами пол почти на метр, сделали широкие ступени для размещения кресел амфитеатром. Старые кресла выбросили на свалку (всё равно их было мало), а новых не было. Но в это время Химагропром (наши соседи) менял кресла в своём зрительном зале и у них освободились 90 старых, но ещё вполне пригодных кресел. Я с шампанским и конфетами пошёл к материально ответственной в этой организации Раисе Павловне и уговорил её отдать эти кресла нам. И хотя эти кресла были приобретены лично мной, их, естественно, оприходовали как собственность МЦР, написав на них инвентарные номера. Конечно, я ничего не имел против приватизации кресел, ибо всё это было для *нашего* Центра-Музея, для *нашего* театра. Зато зрительный зал приобрёл совершенно иной вид.

Оставались другие проблемы, которые требовали решения. И главная из них – духота в зале в тёплое время года и адский холод зимой. Я поехал к главному инженеру московского Киноцентра, в котором шёл капитальный ремонт, и за дорогой коньяк уговорил его отдать нам одну из демонтированных вентиляционных установок. Всё равно они им были уже абсолютно не нужны и подлежали вывозу в металлолом. Мы установили эту вентиляционную систему на заднем дворе театра тогда же в 2000 году. Со свалки он нам отдал ещё одну вентиляционную установку в придачу, которую мы тоже установили на крыше театра, и обе установки подключили. Своими руками сделали воздуховоды и *вынуждены были сделать* прямо внутри воздуховодов систему подогрева воздуха, ибо без батарей в зимнее время зал можно было окончательно заморозить ледяным воздухом. На стены зала для его обогрева мы с двух сторон установили мощные электрообогреватели, которые расходовали много электроэнергии, хотя через нашу сцену проходила вожделенная труба с горячей водой в гараж. На сцене мы сами врезали в эту трубу небольшие

батареи водяного отопления, но, перекрытые экранами, они совершенно не давали тепла в зал, обогревая только сцену. В других помещениях мы сделали самодельные батареи водяного отопления из тех толстостенных стальных труб, которые раньше подпирали потолок в зале.

Пристроили на заднем дворе театра туалет, прорубили в него дверь из гардероба. Оставалось прорыть траншею между усадьбой (музеем) и театром и проложить стальные трубы для воды и пластиковые трубы для канализации. Водопроводные трубы мы нашли на свалке, а пластиковые купили. Без разрешения соответствующих инстанций и контроля археологов рыть глубокую траншею в центре Москвы нельзя. Но я мечтал за лето закончить все работы, чтобы осенью наш театр заработал снова, поэтому не стал обращаться ни в какие инстанции, понимая, что дело растянется на многие месяцы.

Нашёл на ближайшей стройке мини-экскаватор, договорился с водителем, что он поможет отрыть траншею двухметровой глубины от главного здания усадьбы до театра (около 50 метров)... Меня, естественно, предупреждал начальник технической службы МЦР И.Г.Филатьев, что в том случае, если о моём произволе узнают соответствующие службы ЦАО, я сам вынужден буду оплатить штраф. Но так как представители этих служб *годами* у нас не появлялись, то я решил рискнуть, ибо собирался за 2-3 дня управиться и траншею зарыть...

Инспекторы ЦАО появились буквально сразу после окончания рытья траншеи, хотя до этого мы их никогда не видели. Не заметив нашего помощника из Белоруссии Сергея Дорофеева, выравнивавшего вручную дно траншеи, они, стоя рядом с траншеей, обменялись мнением, что хороша, мол, организация, которая сама «закладывает» своих сотрудников... Кто из сотрудников МЦР им позвонил и донёс на нас, – я и до сих пор не знаю. Пришлось мне лично оплатить довольно ощутимый штраф, чтобы не подводить руководство МЦР, которому пришлось бы выплатить штраф на порядок (если не на два!) больше. Заплатив штраф, я облегчённо вздохнул, так как теперь можно не торопиться и сделать, кроме воды и канализации, также и отопление. Трубы старой теплотрассы шли наискось через весь двор и подходили к нашему зданию в районе столярной мастерской. Отапливать в зимнее время нужно было не только Оптический театр, но и столярную мастерскую, и гараж.

Трубы залегали на глубине около полутора метров, поэтому неизбежно должны были оголиться при понижении двора, которое было запланировано реставраторами для освобождения первого этажа особняка после воссоздания-реставрации Красного крыльца. Я знал об этом, понимал, что через год-два начнут понижать двор и тогда дополнительных расходов на перенос теплотрассы не миновать. Прорытая же нами траншея шла по кратчайшему пути вдоль забора академической поликлиники, граничащей с нашей усадьбой, поэтому лучшего пути для теплотрассы придумать было невозможно. Решил идти к Л.В.Шапошниковой, чтобы предложить ей и теплотрассу сделать *нашими силами бесплатно*, заодно с подведением воды и прокладкой канализации.

По случаю мне удалось *купить за свои деньги* очень хороший сварочный аппарат у бригадира одной из бригад, которая, сварив все пакеты арматуры для свай, укрепляющих фундамент особняка, убиралась с нашей территории. Подойдя к бригадиру, я объяснил, как много нам самим придётся заниматься сварочными работами при постройке театра, он сжалился и продал старый, но ещё вполне рабочий аппарат. Кстати, о *покупке аппарата* знал прекрасно В.А.Родионов, которому после окончания сварочных работ в театре я, естественно, отдал этот аппарат для того, чтобы он использовал его везде, где понадобится, при реконструкции всей Усадьбы. Я сказал ему, что мне ничего не жалко для родной организации, но при необходимости я у него этот аппарат заберу. На том и порешили... К тому времени среди наших зрителей нашёлся профессиональный сварщик, поэтому мы были готовы взвалить на себя ещё и бесплатное проведение теплотрассы, ибо одновременно и за минимальные средства был бы решён весь комплекс проблем, связанных с нормальным функционированием театра, гаража и столярной мастерской круглый год.

Но напрасно я старался уговорить руководство на прокладку теплотрассы *в уже готовой* траншее. Всё бы там поместилось. Как ни странно, категорически против моего предложения была Л.С.Тетерина. Услышав, что мы готовы всю работу по переносу теплотрассы взять на себя и проделать её *бесплатно*, закупив только трубы и вентили за 900 долларов, она сказала, что её задача – стоять на страже интересов спонсора, и она не допустит больше никаких расходов, кроме выделенных нам 120 тысяч рублей. Логические доводы, что в недалёком будущем именно спонсору придётся выложить значительно большую сумму, что без переноса теплотрассы всё рано не обойтись, на неё не действовали... Пришлось зарывать траншею после укладки труб для воды и

канализации. Сделали мы также два колодца для обслуживания этой системы. Вся эта *работа* МЦР не стоила практически ни копейки. Более семи лет до самого закрытия нашего театра администрацией МЦР мы пользовались водой и канализацией – *значит, наша самоделка была вполне работоспособна!*

Когда же вскоре двор понизили, и трубы отопления вылезли, как и предполагалось, наружу то МЦР пришлось искать фирму, которая проложила прямую и обратную трубу от здания усадьбы к театру по той трассе, что и мы проложили свои трубы. Иного варианта просто не было, так как наша траншея была проложена оптимально. Фирме пришлось рыть свою траншею буквально рядом с нашей. Проложили две трубы и поставили вентили на входе. Может быть, руководство МЦР и не подумало бы перекладывать теплотрассу, если бы она нужна была только театру, но рядом с нами располагался гараж, в котором стоял личный лимузин Генерального директора, возле которого постоянно дежурил водитель. Кроме этого, нужно было отапливать и столярную мастерскую. МЦР (точнее, спонсор) заплатил за эту работу **2 700 000 рублей**, то есть (по тем временам) **более ста тысяч долларов**. Мы бы сделали эту же работу в сто раз дешевле. Вот такая получилась «экономия» средств спонсора. **Может быть, он и не знает о том, как бездарно перерасходовались его деньги!** Это только один пример неоправданного перерасхода, а таких примеров десятки...

Даже человек, далёкий от строительных вопросов, только на одном этом примере может прикинуть, сколько денег нужно было бы выделить МЦР на переоборудование помещений театра, воду, канализацию, вентиляцию и т.п., если элементарная работа по прокладке двух труб для теплотрассы обошлась МЦР 2 700 000 рублей. По объёму же эта работа была меньше одной десятой (!) того объёма работ, которые мы выполнили, имея в своём распоряжении всего 120 тысяч рублей (*или меньше 5 тыс. долларов!*). Если бы МЦР финансировал полностью все работы, которые мы проделали своими руками, то на них ушло бы *несколько миллионов рублей*. А ведь кроме стройки, забиравшей уйму времени и сил, мы ещё сделали комплект уникального инструментария, который совместно с моим инструментарием, сделанным ещё в 60 – 70-е гг., не имел аналогов в мире. В этом я убедил даже тов. Стеценко, который расспрашивал меня дотошно перед самым изгнанием, что есть что. Я продемонстрировал ему каждое оптико-механическое устройство в действии. Он изумился возможностями нашего комплекса, который мы сделали буквально своими руками.

На постройке театра в 1995 году и на капитальной его модернизации в 2000 году, которая по объёму на порядок превосходила объём работ, проделанных нами в 1995 году, **мы сэкономили для МЦР (для спонсора) не менее 500 тысяч долларов**. Когда впоследствии А.Стеценко, собирая компромат на меня, не поверил этим цифрам, я сказал, что согласен на любую *внешнюю, независимую* проверку. Если составить подробную смету на все работы, которые были выполнены нашими руками, и взять реальные расценки на строительные работы, то цифра окажется только больше, но никак не меньше... (Очевидно, понимая это, А.Стеценко не рискнул официально перепроверить эти цифры). Пример с переносом теплотрассы, за которую спонсор выложил более 100 тысяч долларов, только подтверждает реальность этой цифры... Если же приплюсовать сюда всё, что мы проделали за эти годы по обновлению аппаратуры, расписать все виды токарных, слесарных, монтажных работ, которые мы *годами* вели, чтобы модернизировать весь не имеющий аналогов в мире инструментарий театра, то смело можно приплюсовать ещё столько же. Т.о. наш суммарный вклад в копилку МЦР – не менее **одного миллиона долларов**. Наша любовь и преданность избранной музе, наш энтузиазм и молодой задор моих помощников помогли сэкономить спонсору столь значительную сумму, о чём он сам может и не догадываться. Вот почему так больно читать на сайте МЦР безответственные заявления *пришлых людей*, которые появились в МЦР, как я уже говорил выше, когда все трудности были позади. А теперь эти «следователи-инквизиторы» плетут свои интриги и утверждают на весь мир то, чего они и знать не могут. По их версии: *«Строительные материалы и оптическое оборудование были закуплены именно за счёт средств Международного Центра Рерихов, а не найдены на свалках, как часто утверждает Сергей Михайлович в своих многочисленных воспоминаниях»*. Конечно, читать *такие* заявления помощников Л.В.Ш. о том, что все работы по Оптическому театру финансировал МЦР, – больно и противно.

Именно из-за отсутствия полного нового комплекта аппаратуры для Оптического театра, которая стала бы настоящей собственностью Центра-Музея им. Н.К.Рериха, продолжались мои мучения все 18 лет моей работы в МЦР. *«Вот закончим работы по реставрации усадьбы, – сказала мне Людмила Васильевна в 1991 году, – дойдёт очередь и до театра»*. Я счёл её доводы резонными и долго не поднимал этого вопроса, решив, что 4-5 лет мы как-нибудь продержимся и на моей старой

аппаратуре. Но проходили годы, а очередь до нас всё не доходила... Я стал просить хотя бы небольшие деньги на модернизацию оборудования Оптического театра, когда увидел и узнал, какие огромные суммы выбрасываются на удовлетворение прихотей человека, который возмнил, что он всё и вся на свете знает и может. Но на аппаратуру для театра, которая и после 10 лет моей работы в МЦР на 90 % всё ещё оставалась моей, денег не находилось, а мои просьбы только вызывали раздражение у администрации.

Приведу важный эпизод, раскрывший подлинное отношение Л.В.Ш. к Оптическому театру. Связан он со спонсором МЦР. В 1996 году состоялась поездка в Непал и Индию группы из шести человек при участии спонсора и его жены. В эту группу также входили Л.В.Ш., Н.С.Бондарчук (режиссёр и знаменитая актриса), Игорь Днестрянский (оператор) и я. Конечно, никто не пригласил бы меня в эту группу, но помогла случайность. Как-то я зашёл (в чёрном рабочем халате) в кабинет Шапошниковой по делам театра и услышал окончание её разговора с Э.Крампом об оформлении виз для группы в Непал и Индию. Я шутя посетовал: «Как работать, так Зорину, а как ехать в столь интересную поездку, так другим...». Совершенно для меня неожиданно Людмила Васильевна громко окликнула Крампа, который только вышел в коридор. Он вернулся. Л.В. приказала ему взять у меня загранпаспорт и оформлять визу и на меня. Я сказал ей, что это была шутка, но Л.В. настояла на том, чтобы я тоже поехал и снимал бы для театра уникальный материал. Вся поездка была профинансирована нашим спонсором. За эту замечательную поездку и ей, и ему я, естественно, очень благодарен.

Вёл себя наш спонсор-меценат в довольно трудной поездке по Непалу и горной части Индии исключительно честно и, я бы сказал, по-мужски. Несмотря на его не очень крепкое телосложение, он хватался при многочисленных наших переездах за самые тяжёлые чемоданы и таскал их наравне со мной и Игорем (молодым здоровым парнем). Мы пытались отговорить его от этого, но он всегда был рядом с нами, хотя вес нашей поклажи всё рос и рос. Чемоданы Л.В.Ш. становились неподъёмными, так как она закупила замечательную непальскую бронзу (почти весь пантеон богов) и вообще потрясла нас бесконечными походами по магазинам. Сначала у нас была одна машина, и мы вынуждены были тоже бродить за ними, но потом, озверев от магазинов окончательно, мы попросили у российского посла в Непале А.М.Кадакина отдельный джип, который он, к радости съёмочной группы, состоящей из Н.Бондарчук, И.Днестрянского и меня, выделил в наше распоряжение. Мы тут же рванули по совершенно изумительным местам, отсняв замечательный материал. Но вскоре пришлось из этого райского места ехать дальше... При переездах на далёкие расстояния наш спонсор пытался однажды забраться в пыльный багажный отсек, потому что в салоне с кондиционером не всем хватало места. Меня это крайне изумляло.

На его месте другой миллионер, за деньги которого вся группа и путешествовала, вёл бы себя совершенно иначе, давая почувствовать, кто есть кто. Борис Ильич же, безусловно, заслуживал своей скромностью и своим поведением уважения. После Непала мы перелетели в Индию. Были и в Нагаре (в долине Кулу), и во многих других местах. Когда вылетали из Дели в Москву, наш рейс задержали, и мы с ним ходили вдвоём от одного конца огромного зала аэропорта до другого, со стаканчиками с горячим кофе в руках, и вели долгий разговор о трудностях и превратностях жизни. Борис Ильич без утайки рассказал о своём детстве и юности, о том, как ему трудно было пробыть при советской власти. Услышал я и о тяжёлом периоде его работы во Вьетнаме, где он с женой вынужден был работать в адских условиях тропических ливней, духоты, болезней, которые их там одолевали. Рассказал он и о его мгновенном старте при Горбачёве, когда разрешили кооперативы. Помню, что такая степень доверия ко мне (в общем, незнакомому ему человеку) тогда приятно удивила. Может быть, он вспомнил, что буквально тремя годами ранее я помог ему с организацией банка... Да-да, и такой эпизод был в нашей жизни.

В самом начале 90-х возникало много банков, но столь же быстро они рассыпались. Председателем правления одного из банков, который вначале очень успешно стартовал, был мой знакомый. Но вскоре и его банк попал в полосу таких трудностей, которые грозили банку крахом... К тому времени Борис Ильич был уже более чем состоятельным человеком и ему явно не хватало своего банка. Видимо, он и сам понимал это и что-то предпринимал. Вот тут я ему и рассказал, что у меня есть приятель с *огромным практическим опытом*, чего ни за какие деньги не купишь и ни в каком вузе не выучишь. Создавать банк в условиях бандитского государства, да ещё удержать его потом, было делом чрезвычайно сложным, поэтому именно реальный опыт моего многострадального

знакомому мог быть бесценным для талантливого и всё быстро схватывающего Бориса Ильича. Он, узнав о таком «кладезе» практических знаний, попросил меня познакомить с ним.

Я позвонил приятелю и сказал, что привезу к нему миллионера, и чтобы он постарался ему понравиться и *рассказать всё* о банковской системе и о реальном состоянии дел с банками в нынешней России. Тот, конечно, согласился, надеясь, что Б.И. если не спасёт его банк, то возьмёт его к себе на высокую должность. В один прекрасный день мы поехали к нему в банк. Миллионер (Б.И.) был в каком-то весьма скромном осеннем пальтишке, и мой приятель вопросительно посмотрел на меня... Мол, кого ты привёз? Я сделал знак, что это именно тот чрезвычайно умный и деловой человек, о котором я ему говорил... Оставив их вдвоём, я удалился по своим делам... Вечером приятель перезвонил мне и сказал, что он отродясь не встречал таких въедливых и дотошных собеседников. Сказал, что они проговорили несколько часов. Именно этих нескольких часов и хватило Борису Ильичу, чтобы создать мощнейший банк, который сегодня процветает, имея огромное количество филиалов в Москве и других городах... Как говорится на его сайте, «за годы работы Мастер-Банк превратился в современный и отлаженный механизм, не дающий сбоев и обладающий неограниченным потенциалом дальнейшего роста и развития».

И вот в конце 1996 года, после возвращения в Москву из совместной поездки, в которой нам пришлось много общаться, я подарил Борису Ильичу старинный самовар и обратился к нему напрямую. Спросил, не мог ли бы он на фоне миллионных затрат на музей выделить хотя бы *небольшую* сумму для обновления уникальной аппаратуры Оптического театра (тем более, что театр считается неотъемлемой частью музея!). Мы смогли бы перейти на совершенно новый уровень и сделать композиции, значительно превосходящие то, что мы делаем сейчас на отжившей свой век моей собственной аппаратуре. Всем будет лучше. Мы станем работать ярче и интереснее, чем привлечём ещё больше зрителей, а *аппаратура действительно после этого станет материальной собственностью МЦР*. Я сказал ему также, что не прошу у него ни одной копейки в руки, а всю эту сумму банк уплатит заводу по безналичному расчёту, и то только после того как завод сделает всю аппаратуру, а я приму её и проверю качество изготовления. Его ответ обескуражил и потряс меня. Он ответил, что оплатил бы заводу изготовление по моим чертежам всего комплекта аппаратуры, что сумма эта (не более 100 тыс. долл.) его не пугает, но... **Л.В.Ш. приказала ему, чтобы он Зорину денег на театр не давал (!)**, и он не может и не хочет нарушать этот запрет и идти против её желания... То есть уже в 1996 году Л.В.Ш. решила обречь театр на постепенное умирание, понимая, что без надёжного (столь необходимого нам инструментария) театр начнёт работать со сбоями, а там сам собой тихо скончается...

У апостола Павла есть замечательные слова: «Если я имею... всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви и милосердия, то я ничто». Хорошо бы и администрации МЦР запомнить слова апостола Павла о том, что любовь и милосердие – превыше всего.

К 2000 году оборудование театра практически выработало свой ресурс. Слишком много прошло времени с 1969 года. Да и аппаратура безнадёжно устарела. Дальше просто недопустимо было на ней работать даже с точки зрения техники безопасности, и я был просто обязан настаивать на переоснащении театра. На недопустимость использования старого оборудования указал и заместитель генерального директора по экономике С.А.Аникин. Придя к нам в театр и увидев, *на чём* мы работаем, он посоветовал, чтобы мы *настаивали на полной замене* старого оборудования, иначе может быть всё что угодно, – от поражения сотрудников током до пожара.

Я попросил у руководства минимальную сумму на полную модернизацию Оптического театра, просил Шапошникову выделить если не 100, которые необходимы, то хотя бы 50 тысяч долларов для заказа аппаратуры в г. Обнинске по моим чертежам, понимая, что этой суммы нам не хватит. Я запрашивал *лишь половину* той суммы, которой *тогда* хватило бы для заказа *всего* инструментария. То есть, запрашивая 50 тысяч долларов (кстати, *одну десятую* от той суммы, что мы уже к тому времени сэкономили для МЦР только на строительных работах), я знал заранее, что большую часть работы по модернизации нам всё равно придётся проделать самим.

Чтобы читатель понимал, о чём идёт речь, укажу общий объём работ по модернизации. Оборудование Оптического театра состояло из 75 независимых проекционных устройств и шести пультов дистанционного управления более чем двумястами параметрами этих проекторов. Все проекторы и пульты нужно было соединить кабелями, а для этого закупить километры специального монтажного провода (витую пару и т.п.). Кроме этого, нужно было приобрести детали для

электронной начинки пультов, компьютерные разъёмы для соединения кабелями 75 проекторов с пультами. Остро нуждались мы в токарном и сверлильном станках.

Многokrатно писал я служебные записки руководству и, наконец, нам выделили около 15 тысяч долларов, то есть *треть* от запрашиваемой суммы (или менее *одной шестой* от необходимой). На выделенные деньги (конечно же, *после разрешения* главного «иерарха», спонсор их дал нам) мы закупили, прежде всего, три станочка (токарный, сверлильный и заточной). Без них дальше уже просто невозможно было поддерживать аппаратуру в рабочем состоянии. После нашего изгнания эти прекрасные станочки остались теперь в МЦР для нужд технического отдела. Купили тогда ещё пять новых слайд-проекторов. Старые непрерывно давали сбои в работе, что требовало много времени для их профилактики и ремонта. На оставшиеся после этих закупок деньги заказали на заводе в г. Обнинске то, что можно было заказать. Производственники смогли сделать для нас только **корпуса** проекционных устройств и корпуса пультов дистанционного управления. На их начинку оптикой, механикой и электроникой уже средств не хватило. Проекционные устройства и пульта мы долго собирали и монтировали своими руками. После *двух лет* напряжённой работы (без остановки работы театра!) мы смогли хоть немного улучшить нашу техническую базу. Стало немного легче работать, но настоящей модернизации из-за скудности выделенных средств так и не получилось.

Из-за странной позиции руководства, тратившего сотни тысяч и миллионы долларов на переделку в экспозиции музея того, что вполне можно было бы сделать с первого раза при условии привлечения профессионалов (об этом пойдёт речь ниже), такая непостижимая «бережливость», когда дело касалось расходов на Оптический театр, тормозила нашу работу и крайне угнетала психологически. Со временем стало понятно, что мы не пришли к двору, что всё яркое, самобытное и самостоятельное в МЦР не приветствуется. Стало ясно, что это – не бережливость, а скрытое удушение театра. Тогда бы уже уйти, чтобы не терять драгоценные годы. Но сделать это было нелегко. Столько сил было потрачено на строительство и модернизацию театра. Благодаря нашим усилиям и помощи наших друзей, полуразрушенный гараж превратился в замечательный театрик в трёхстах метрах от Кремля! Он уже пользовался успехом. Зал был часто переполнен, что не могло нас не радовать. Значит, наше творчество востребовано, оно дарит радость людям. Мы разместили на нашем сайте **Книгу отзывов Оптического театра** за последние 14 лет работы. Она многим и на многое откроет глаза... Сдерживало меня и то, что своим добровольным уходом я нарушил бы волю Святослава Николаевича, пожелавшего иметь в составе многопрофильного культурного центра (МЦР) и Оптический театр. И я решил терпеть и работать, невзирая ни на что. Не верилось, что такое положение дел в Центре будет длиться бесконечно. Авось, что-то начнёт меняться в лучшую сторону. Но на «авось» мы понадеялись напрасно. С приходом двух «инквизиторов» небосвод над МЦР затянуло тучами окончательно...

Итак, в 2000 году намеченные планы по улучшению самого зала и его оснащению мы выполнили в срок. Вся огромная по объёму работа была проделана нами, естественно, бесплатно. Выделенных денег (после неудачи с гаражом осталось около 80 тысяч рублей) не хватило даже на самые основные материалы. Но, невзирая на все, казалось бы, непреодолимые трудности, мы получили после столь капитальной переделки прекрасный уютный театрик. Многие нам говорили, что наш самодельный театр даже лучше театра «Табакерка» Олега Табакова...

Однако перенапряжение (работали всё лето без отпуска и без выходных) и пыль сделали своё дело. Естественно, я трудился каждый день вместе со всеми от зари до зари. Не мог же я, пригласив людей работать *бесплатно*, отсиживаться в стороне. Пробивал отбойным молотком стены для дверей, ниши в стенах для закладки двутавровых балок, заглывая облака застоявшейся за многие десятилетия пыли, пилил, строгал, набрасывал «шубу» из раствора на все стены театра снаружи и т.п., и т.п. Со школьного возраста у меня слабые лёгкие. В шестом классе даже учился целый год в санаторно-лесной школе, расположенной в сосновом лесу, так как лёгкие уже тогда «не тянули». На стройке театра, стараясь выполнить огромный объём работ в сжатые сроки и перенапрягаясь *из-за отсутствия средств*, я «добил» лёгкие окончательно. У меня аллергия именно на пыль, а я её наглотался за лето выше всех норм. Прямо со стройки попал в больницу им. Семашко в отделение пульмонологии, где пролежал 35 дней, проходя интенсивное лечение... Руководители МЦР, скорее всего, даже и не знали о том, что я в больнице. Они не поинтересовались, чего мне стоила эта

основательная переделка театра *без их поддержки*. Но восемь последующих лет наши зрители находились в совершенно иных условиях. Мы сделали для них всё, что смогли.

Вот какими трудами, и нашими усилиями, и самоотверженной помощью наших друзей появился в МЦР уникальный театр. Инквизиторы ничего этого не видели, не знали, а поверить в энтузиазм в наше время категорически не могли (ибо по себе обо всём судят). Вот почему они с такой лёгкостью пишут на сайте МЦР явную ложь, вводя общественность в заблуждение. Для них отдельно повторяю, что теми деньгами, которые действительно выделял МЦР, можно было оплатить, в лучшем случае, 15-20 % всего того, что мы сделали с обновлением инструментария, хотя настоящей модернизацией аппаратуры это назвать никак нельзя. Что же касается строительных работ, то выделенные музеем средства не покрывают и 10 % того, что мы реально сделали. Такова правда! Именно поэтому всё то, на что нам денег не дали, действительно, чаще всего мы находили на свалках. Москва интенсивно перестраивалась, и таких свалок было множество. Буквально всё, – от труб, кабелей, проводов, строительных материалов и до мебели. После строительства и реконструкции театра денег на его развитие мы тоже практически не получали. Тех крох, которые всё же выделялись для обеспечения текущей работы, еле хватало на расходные материалы, но никак не могло хватать на модернизацию аппаратуры. И за свои деньги (как это я делал раньше) мы ничего не могли купить, ибо получали, как и большинство сотрудников МЦР, мизерную зарплату. В то же время (как уже было сказано выше) некоторые сотрудники, не говоря уже о руководстве, получали зарплату значительно большую, чем основная масса, так как они работали в публикаторском отделе, издавая книги Рерихов и самой Шапошниковой...

Для меня в этой ситуации самое страшное заключалось в том, что мои талантливые молодые сотрудники, получая мизерную зарплату в МЦР, вынуждены были подрабатывать где только придётся. Это почти не оставляло им времени для творческой работы в театре, которой они с удовольствием занимались бы с утра до вечера. Но они вынуждены были искать дополнительную работу, ибо одним нужно было ещё и учиться, а другим – кормить детей и оплачивать снимаемую квартиру. Все знают, что в Москве не только за две-три, но и за 20-30 тысяч рублей трудно найти отдельную квартиру для семьи...

У меня было всего четыре сотрудника. Двое из них (Р. Романов и Д. Голованова) были студентами дневных отделений вузов, что целых пять лет отбирало у них массу времени от работы в театре, а двое работали на полставки. Профессиональный фотожурналист и фотохудожник О. Рябухина, чтобы кормить семью, зарабатывала в другом месте. Четвёртый сотрудник А. Ефремов пришёл в театр, ничего не умея делать, но стал мастером на все руки. Вот с ним вдвоём мы годами таскали на себе весь груз строительных, хозяйственных и технических проблем. Но и он работал, то в охране МЦР, то на ремонтных работах, чтобы как-то сводить концы с концами... Нам нужно было просто по-человечески помочь в этой ситуации: повысить сотрудникам зарплату и дать возможность обновить технику, на ремонты которой я лично тратил массу времени. А кто ещё мог поддерживать эти оптико-механические инструменты в рабочем положении, кроме их создателя?

Если бы мы были нужны Л.В.Шапошниковой, то она легко могла бы исправить ситуацию, а не жаловаться потом губернатору Нижегородской области в письме-доносе, что я не создал Окно в Тонкий мир, как это задумывал (?) С.Н.Рерих... Отмечу, что Святослав Николаевич действительно называл ещё в 1974 году созданный мной и уже действовавший в то время Оптический театр «Окном в Тонкий мир». Но сам он театр не задумывал и никаких задач не ставил, а просто высказал своё мнение, что хорошо было бы сделать Музей и театр под одной крышей. Я в таком тандеме тоже видел и вижу большой смысл, но в МЦР это не получилось... Получится, возможно, в другом месте или в этом же музее, но с другим руководством. Эта же «тройка» сначала удавила нас *мизерными окладами*, а потом вообще от нас избавилась, отняв у нас и приватизировав уникальный инструментарий...

Возможно, кому-то покажется, что не стоит так долго описывать ситуацию с окладами (с зарплатой). Мало ли какие обстоятельства не позволяли руководству платить сотрудникам зарплату больше. МЦР – организация общественная, денег государство на зарплату не выделяет, поэтому никаких претензий к руководству МЦР вроде бы и быть не должно... Их и не было бы, если бы я своими глазами не увидел в отделе кадров приказ, в котором чёрным по белому написано, что руководящему составу МЦР зарплата устанавливается в пределах **от 20 до 40 тысяч рублей в месяц!** А.В. Стеценко (святая простота) на мой вопрос, как он может это безобразия

прокомментировать, сказал, что всё правильно и что они такую вилку зарплаты для руководства заложили сразу, *чтобы потом приказ не переделывать*. Когда я попросил прокомментировать другой приказ, скажем, приказ о зарплате смотрителей музея и других сотрудников, где совсем другая вилка – примерно **от 2-х до 4-х тысяч рублей** – он не знал, что ответить. То есть начальство безо всякого зазрения совести назначило себе зарплату, на порядок превосходящую зарплату рядовых сотрудников. Ничего себе общественная организация (да ещё и духовный центр, который должен был строиться на основе Живой Этики). Если же к этому добавить, что тем руководителям, на которых указала Л.В.Ш., спонсор ещё каждый месяц давал сумму в долларах в конвертике, которая эту, и без того высокую, зарплату превышала (!), то ясно, что верхушка МЦР не бедствовала.

Цинизм правящей администрации заключается ещё и в том, что, когда А.Стеценко слышал жалобы от сотрудников МЦР о слишком маленькой зарплате, на которую нельзя прожить, он всем повторял, что близость к «космическому иерарху» (Л.В.Шапошниковой) и возможность дышать с ним одним воздухом стоит любых лишений (!)... Вот только сами помощники Л.В.Ш. явно питались не только выдохнутым ею воздухом или травой святых отшельников – сниткой. Совершенно очевидно, что простые «иерархи» МЦР были отнюдь не святыми старцами и подвижниками. Пенсионер Стеценко заменил свои «Жигули» на серебристый «Форд», хотя *при моих сотрудниках* жаловался в феврале 2008 г., что ему-то Л.В.Ш. (т.е. спонсор) в конвертике ничего не подбрасывает ежемесячно. И такая неподдельная обида прозвучала в его голосе, когда он говорил, что другим, мол, Л.В. даёт добавку, а ему нет. Но тут же он, спохватившись, добавил, что это – её право. Почему-то жалеть его мы не стали. Пенсия у полковника – солидная, зарплата у первого помощника генерального директора – ещё больше. Как-нибудь не помрёт с голоду.

Нет, «иерархи» МЦР не бедствовали. Администрация неоднократно заказывала выездные рестораны, тратя на это огромные суммы, и разворачивала ресторан прямо в залах музея среди картин Рерихов, когда руководству МЦР нужно было завлечь нужных людей, чтобы и дальше продвигать *свои* дела. Привозились специальные столы с белоснежными скатертями и специальные стулья с белоснежными чехлами, так, чтобы с удобством могли расположиться в залах не менее ста человек. Скатерть-самобранка позволяла откусать гостям дорогие блюда, запивая их вином, водкой и коньяком... Никакое событие (торжественное или печальное) не даёт право руководству музея устраивать ресторан в залах музея среди полотен Рериха (!). Для этого в усадьбе Лопухиных есть большие залы на первом этаже, где проводятся сменные выставки. Вот там можно (если так уж необходимо) преспокойно разворачивать рестораны... Но мне кажется, что картины Рерихов не должны смотреть на водку и коньяк *ни при каких обстоятельствах*. Это всё не выдумка, а правда, но именно правды руководство МЦР не любит. Три главных руководителя готовы растоптать любого, кто посмеет им указать на их не совсем этичное поведение...

Пути войны, а не духа...

Возвращаясь к мысли о том, что в самом начале 90-х гг. был потерян уникальный шанс быстрого возрождения усадьбы Лопухиных, я очень жалею, что тогда всё *так* получилось: история МЦР могла сложиться совершенно по-другому, если бы уже в 1992-1993 году был открыт Центр-Музей Н.К.Рериха, сделанный настоящими мастерами своего дела, в полностью отреставрированной усадьбе Лопухиных. А сейчас уже 2009 год, и конца-краю ни ремонтным и строительным работам, ни переделкам экспозиции не видно. Уверен, что десяти миллионов долларов, которые *в начале 90-х* предложил О.Н. Зега, с лихвой хватило бы для реставрации всей усадьбы Лопухиных, если бы одну и ту же работу не переделывали по два-три раза и если бы за дело взялись профессионалы. СМУ №9 Мосметростроя – это мощнейшая организация, которая быстро уладила бы любые трудности. Нужно учесть не только *наличие мощной и уникальной техники*, которой владеет эта организация, но и *её вес, и авторитет в Москве*. И с перекладкой кабелей она бы разобралась за полтора месяца, а не за 15 лет. Сейчас же под мудрым руководством Л.В.Шапошниковой на долгострой и бесконечные переделки экспозиции ушло уже более 20-ти лет и *более двадцати пяти миллионов долларов* (!), и сколько будет в итоге – никто не знает... Так она (весьма своеобразно) выполняет наказ С.Н.Рериха: **«Медлить нельзя!»**

Понимаю, что для реальной истории сослагательное наклонение неприменимо, но «всё же, всё же, всё же»... Если бы мы тогда быстро и качественно отреставрировали усадьбу, пригласили бы настоящих специалистов музейного дела, чтобы сделать достойный великого художника музей,

занимались бы культурной, созидательной деятельностью, а не войной с рериховскими организациями, Музеем Востока и самостоятельными лидерами (В.М. Сидоровым, Н.Д. Спириной и др.), то вполне возможно, что никто бы и с Л.В. Шапошниковой не воевал, и никакой анафемы в 1994 году от РПЦ в адрес Блаватской и Рерихов не последовало бы.

Сейчас Л.В.Ш. обвиняет правительство Черномырдина, недалёких учёных, которые никак не дорастут до понимания метанауки, министерство культуры, церковников. Но давайте мысленно вернёмся в самое начало 1990-х годов. Какое дело было тогда церковникам, которые сами ошалели от такого поворота в их судьбе и от свалившихся на них денег и привилегий? Какое им было дело до Е.П. Блаватской или семьи Рерихов, если все они давно ушли с земного плана, а Теософия и Агни Йога представляли интерес для небольшой группы соотечественников? Подавляющее большинство россиян в то время занимались кто выживанием, кто ограблением страны. Все были при деле. Рериховцев, объединённых в соответствующие общества, насчитывалось тогда в стране чуть более *трёх тысяч* человек (данные М.П. Бекрицкой, которая в то время в МЦР отвечала за связь с рериховскими организациями), а остальных граждан было около 145 миллионов. Если бы не суды и громкие скандалы, затеянные МЦР в среде рериховцев, если бы не было бесконечных претензий со стороны МЦР к Музею Востока о передаче 288 картин (реально там было и есть 282 картины Рерихов), если бы не эхо на всю страну от этих судов и скандалов, то и имя Рерихов, пожалуй, *не раздражало бы слух* тех, кто ничего раньше о них не знал и кто не знаком с Учением Живой Этики. «Защитники» имени Рерихов добились, к сожалению, обратного результата.

Эти «защитники» не были стратегами, иначе учли бы реальную обстановку в переломный период жизни страны. В начале 90-х гг. в России был всплеск массового интереса к эзотерике, психоэнергетике, лозоходству, ясновидению – можно вспомнить хотя бы сеансы Чумака, Кашпировского и Лонго. В эти годы (после информационного голода в советское время) выходило огромное количество разной псевдоэзотерической литературы, молниеносно сметаемой с прилавков. Она могла только внести сумятицу в умы тех, кто по-своему жаждал найти Истину. Возникали кружки, различные секты, группы, где активно обсуждалось необычное, ранее запретное. РПЦ потому и ополчилась против этих новых веяний, что *они были масштабны...* Церковники испугались, ибо не хотели делить власть над умами соотечественников ни с кем. Ни с католиками, ни с протестантами, ни с дианетикой, ни с нью-эйдж, ни с инопланетянами, которые многим не очень здоровым людям диктовали свои приказы, ни с многочисленными сектами, которые сотнями возникали в стране – ни с кем. Но если против католиков (тоже мощной церкви) они не могут в открытую выступить, то против более мелких организаций – могут... Вот они и предали анафеме всех скопом.

Как же можно было вести себя солидному Международному культурному Центру таким образом, чтобы попасть в эту кучу полусумасшедших псевдоэзотериков? Как можно было огульно критиковать церковь (хотя церковники тогда этого вполне заслуживали), не отделяя зёрна от плевел, не показывая высоту и чистоту истинного православия. Временщики бывают и в церкви. Пена потом сойдёт, а истинная Церковь Христова пребудет всегда. Своим поведением наши самозванные «иерархи» подставляли под удар Учение Живой Этики, которое идейно противостоит всем искажениям и извращениям в православной церкви, но не противостоит христианству и православию. **Это** нужно было транслировать в мир, а не устраивать склоки, скандалы, судебные процессы и бесконечные «боевые действия».

Людмила Васильевна доблестно сражается с «врагами» – и нашла их уже немало – и Сидоров, и Спирина, и Рыбаков, и Пиотровский, и Румянцева, и Росов, и Бондарчук, и Тоотс, и Линник, и художник знаменитой «Амаравеллы» Б.А. Смирнов-Русецкий, который был в начале 90-х в МЦР и не сумел разглядеть в ней избранника Иерархии. А ещё с самими Рерихами встречался в 1926 году. Мог бы почти за семь десятилетий развить чутьё и распознать, *кто* перед ним... Здесь названа только малая часть несметной рати «врагов», которых смогли разглядеть зоркие очи Л.В.Шапошниковой. А что было бы, если бы с такими известными и замечательными людьми она не воевала бы, а дружила. Разве плохо было бы Музею им. Н.К. Рериха сотрудничать с Эрмитажем и с тем же Музеем Востока? Но нет. Вокруг – одни враги! Зато она же углядела и самых верных *рериховцев*, самых преданных своих друзей-соратников в таких «титанах духа», как А.В. Стеценко и В.В. Фролов, которых настолько приблизила к себе, что почти слилась с ними в нераздельную «троицу». Думаю, что у многих, кто ознакомится с перечнем тех, кого она назвала «врагами», и кто (не дай Бог!) пообщается

с избранниками и ближайшими соратниками Л.В.Ш., вопросов, с кем вести дела и дружить, не будет...

Давно начало нарастать в стране отрицательное отношение к воинственной «тройке». А в последние годы неистовая борьба Л.В.Шапошниковой за «правое дело» достигла кульминации. Громкие скандалы, затеянные руководством МЦР против В. Росова, а затем ещё и против Н. Самохиной (Ковалёвой), посмеявших защищать докторские диссертации по рериховской тематике, не спросив разрешения и благословения у Л.В.Шапошниковой, вызвали такой резонанс, что сегодня многие в России (мягко говоря) неоднозначно относятся к имени Рериха, которое Л.В.Ш. и её помощники так рьяно «защищают»...

Кучка льстецов в придворном журнале «Культура и время» называют Л.В.Шапошникову великим организатором науки. Любой здравомыслящий человек понимает, что *организатор науки должен организовывать научные исследования, а не... преследование учёных*. Я всегда был уверен, что борьба Шапошниковой с В.Росовым – это трагическое заблуждение Л.В.Ш., продиктованное её гордыней, что эта борьба не сулит МЦР ничего хорошего. Так и получилось. Борьба (война) отняла огромное количество сил, средств и времени, но не принесла никаких положительных результатов. А потерь много. И потерь невозможных... Не доказывай, что некто написал плохую диссертацию, возьми и напиши лучше. «*Однажды великий Акбар провёл черту и попросил своего мудреца Бирбала, чтобы тот сократил её, не урезая и не касаясь концов её. Бирбал параллельно провёл более длинную линию, и тем самым линия Акбара была умалена. Мудрость заключалась в проведении более длинной линии*» (Н.К.Рерих. «Пути Благословения»). Не войю с Росовым, который провёл свою линию, проведи более длинную (если, конечно, сможешь) и тем самым укороти линию Росова.

У Людмилы Васильевны была полная возможность за свою большую жизнь сделать многое именно *в науке*. И если бы эта возможность по-настоящему была воплощена, то, может быть, тогда не пришлось бы так беспощадно воевать с другими учёными. Однако Л.В.Ш. выбрала свой путь – путь борьбы со всеми, кто не принимает её точку зрения, то есть, воюет с *инако-мыслящими*. Но история давно показала нам, что войны с инакомыслящими имеют в основе своей чаще всего материальную подоплёку. Разве не тем же занимался веками Ватикан, сам давно уже предавший Заповеди Христа? Папы с кардиналами, обеспечив себе сладкую и безбедную жизнь, жесточайшим образом расправлялись с теми, кто посмел им намекнуть, что они живут несправедливо, не по Заповедям Христовым. Еретиков пытали на дыбах, убивали, сжигали в кострах, выступая тем самым *против самого Христа*, которого тоже в своё время пытали и казнили точно такие же «святоши». Но при этом папы и кардиналы без устали славил Христа, *прикрываясь им как щитом* и продолжая творить чудовищный произвол. Так, история нам уже показала, кто и зачем выслеживает инакомыслящих и организует поиск «врагов», превращая жизнь в кошмар. И в XX веке мы в нашей стране видели инквизиторов, загубивших миллионы ни в чём не повинных людей. Явление не новое. Может быть, хотя бы в XXI веке мы уже будем выстраивать отношения с учётом богатого исторического опыта?

Если Людмила Васильевна действительно учёный и, тем более, организатор науки, то кто ей мешал сразу же после привоза архива из Бангалора *организовать* вокруг себя целую плеяду молодых учёных для изучения и этого архива, и всей многогранной деятельности уникальной семьи? Кто мешал ей, получившей вскоре в своё распоряжение огромные деньги, посылать этих молодых учёных во всевозможные архивы (которые почему-то смог объехать тот же В.Росов) в других странах? Кто ей мешал самой написать *научный* труд на основании всех собранных этими молодыми учёными и *тщательно проверенных* материалов? Всем хватило бы, – и ей на мощную *настоящую* докторскую диссертацию (которая перекрыла бы её весьма сомнительную кандидатскую), и её ученикам на целую серию кандидатских... Многие из них за 19 лет после привоза архивов уже и докторские диссертации написали бы. И была бы всему миру известна школа Л.В. Шапошниковой, труды этой школы, на фоне которых даже «неудачная» диссертация В. Росова просто потерялась бы. И докторов наук было бы рядом с ней предостаточно, чтобы организовать свой учёный совет, о котором она так мечтает.

Её художественные произведения, в том числе и её трилогия о Рерихе, строго говоря, не обладают исторической достоверностью, поэтому *научными трудами* никак считаться не могут. Пока проанализирована только первая книга этой трилогии «Великое путешествие. Кн.І. Мастер», изданная в 1998 году в МЦР. «Историческую достоверность» вышеуказанной книги проанализировала в своей критической работе Ольга Ешалова (см. «Сказочница от рериховедения»

Путешествие по книге Шапошниковой "Мастер"»). Всё, что читатель, жадно припавший к роману Л.В.Ш., там прочёл, оказалось не ново. Многие факты известны из исторической литературы или работ самого Н.К.Рериха. Кое-что в романе из области легенд и домыслов. Но Ольга Ешалова призывает не быть чрезмерно строгими по отношению к этому труду Л.В.Шапошниковой. Она справедливо замечает: «Для художественной и популярной литературы некоторые гиперболы простительны, однако, вот беда! – для научной они неприемлемы. Если бы автор книги была романисткой, эссеисткой или, на худой конец, сказочницей (устаами Ромена Роллана она сама в эпиграфе к Прологу говорит: "Я начну этот рассказ, как волшебную сказку"), то цены бы её книгам не было. Ведь и Рерих писал сказки, правда, научной литературой их не выставлял. И уж тем более не выдвигал оппонирующей торпеды против чьей-то диссертации».

О.Ешалова доказывает последовательно и убедительно, что не совсем бережно отнеслась Л.В.Шапошникова к архивным материалам. Она спрашивает, неужели сама Л.В.Ш. никогда не работала в архивах и не понимает, что исследователь обязан нести полную (если не уголовную, то, по крайней мере, моральную) ответственность за точность воспроизведения текстов архивных документов и цитирование исторических материалов. Она обращает внимание на то, что Л.В.Шапошникова очень мало использует в своей работе первоисточников, а больше налегает на второисточники, то есть на использованные ранее другими авторами и уже опубликованные архивные документы. Эти второисточники цитируются Л.В.Шапошниковой весьма обильно, но с большим количеством ошибок, сокращений, перестановок и добавлений, впрочем, как и процитированные ею немногочисленные первоисточники. Небрежное обращение с архивными материалами чести автору, конечно, не делает. Если ссылаешься на какую-то цитату, взятую другим автором в каком-то архиве 30-40 лет назад, то пошли хотя бы сотрудников своего архива в тот же Санкт-Петербург и перепроверь... Такого «сотворчества» в романе Л.В.Ш. оказывается так много, что о научности этого произведения вообще говорить не приходится. Это чисто журналистский стиль. И журналистка Л.В.Шапошникова, действительно, неплохая. Только при чём здесь её претензии на некую научность романа? Тем более при чём здесь учёные, действительно работающие с архивами?

Кстати, книга «Великое путешествие. Кн. I. Мастер», о которой идёт речь, издана в 1998 году, а критический анализ О. Ешаловой появился только в 2007-м. Почему же почти 10 лет никто не взялся за столь подробный анализ произведений историка Л.В.Шапошниковой? Полагаю, что это произошло по двум причинам. Никто и не думал (кроме, разве что, самого автора и обожающих «придворных») считать роман научным трудом, а для художественной литературы существуют совершенно иные критерии оценки. И вторая причина заключается в доверии социума к Л.В. Зачем проверять книгу о Рерихе, написанную самой Шапошниковой, если она является историком, считается главным знатоком жизни великой семьи Рерихов, сама прошла часть маршрута Трансгималайской экспедиции. Именно поэтому доверие к её труду у большинства рериховцев было полное. Его никто вообще никогда не стал бы анализировать, если бы не настойчивое требование самого автора и её «помощников», призывающих «слишком» пытливых Росова, Самохину, Аблеева и других претендентов, прежде написания диссертаций по рериховской тематике, окунуться в глубины этого романа и там найти все ответы на волнующие их вопросы. Так как это повторялось слишком часто, пришлось засесть знающим людям за анализ этого «научного» труда. Как говорится, сами напросились, теперь не взыщите... На очереди беспристрастный и объективный анализ всех трудов Л.В.Ш., ибо слишком многих она задела, унизила, оболгала, чтобы не вызвать и к себе пристального внимания. Когда стреляешь, учитывай отдачу...

Последние годы на всех заседаниях и правления МЦР, и ОН ЦКМ (Центра космического мышления) я слышал только одно – нужно срочно создать специальный учёный совет при МЦР, который (единственный в стране!) давал бы разрешение заниматься рериховской тематикой, утверждал бы темы диссертантов, давал бы рецензии и заключения и допускал бы к защите или отказывал в зависимости от того, как диссертант сотрудничает с МЦР. Очень хочется этого Л.В.Шапошниковой. Хотеть-то можно, но, видимо, не будет никогда в МЦР своего учёного совета, хотя бы потому, что необходимого числа докторов наук нет в штате МЦР, а теперь и не будет, ибо вряд ли кто захочет рисковать своей репутацией в научном мире... Даже «ручные» доктора наук, уже имевшиеся в штате МЦР, взбунтовались перед защитой Н. Самохиной (Ковалёвой) и перестали выполнять приказы руководства. Тогда Л.В. Шапошникова ринулась с кандидатами наук добивать Самохину (которая, кстати, тоже работала в МЦР и давно уже была изгнана Шапошниковой) и...

добилась обратного результата. Она *помогла* Самохиной (Ковалёвой) защитить докторскую диссертацию, ибо скандирующая группа, приведённая в Институт философии, сбила рабочий настрой защиты. Учёный совет вполне мог взять в крепкий оборот диссертанта, но тут прибежали скандальные соседи и, слава Богу, помогли этим боевым наскоком Н. Самохиной прорваться.

Давать советы «тройке» уже поздно. Я пытался это сделать, когда разгоралась кампания против В.А. Росова. Но меня тут же отнесли к «врагам» и сказали, что я пою в унисон с Ю.В. Линником. И в своей статье от 11 сентября 2008 года «тройка» разместила на сайте МЦР информацию о том, что *«С.М. Зорин полностью разделял точку зрения профессора Ю. Линника, прославившегося своей поддержкой докторской диссертации сотрудника Государственного музея Востока В. Росова»*. Должен заметить, что профессор Ю.В. Линник прославился не только этим, а ещё десятками книг и сотнями статей, которые действительно имеют отношение к мировой философии и мировой культуре, в отличие от того, что пишут «иерархи» из МЦР. Он просто умён, прекрасно образован и, действительно, талантлив. Он – поэт от Бога. Я с ним дружу уже более трёх десятилетий и во многом *(но не во всём!)* разделяю его точку зрения. Более того, д. филос. н. Ю.В. Линник по моему приглашению *годами* читал лекции в Оптическом театре в МЦР. Им, в частности, был прочитан в течение двух лет (!) цикл лекций «Мистерии всех времён и народов в рамках мистерии бытия Вселенной». Завидуйте, кто не слышал этих лекций! Да, его лекции были иногда достаточно сложными, рассчитанными не на профанов. Но для людей ищущих, образованных (или усиленно занимающихся самообразованием) эти лекции были истинным пиршеством духа.

Хочу высказать соображение простое и очевидное не только для меня, но, полагаю, и для многих. Если бы руководство МЦР поменьше писало статей о В. Росове, то о том, *что* он написал в своей докторской диссертации, практически никто бы не узнал, кроме нескольких специалистов, которые когда-нибудь обратились бы к его диссертации, создавая свою работу на эту тему. Кстати, диссертацию В. Росова дал почитать руководству МЦР тот самый Ю. Линник, которого они потом назвали «врагом», и не просто врагом, а... «лютым врагом». Диссертация оказалась у него потому, что он был официальным оппонентом В. Росова и взял её для ознакомления. Давая эту диссертацию руководству МЦР Линник считал, что имеет дело с культурными и порядочными людьми, руководителями Международного культурного Центра, на территории которого он столько лет читал лекции в Оптическом театре. Как же можно не пойти навстречу уважаемым людям, если они просят ознакомиться с диссертацией. Ведь им же должно быть интересно всё, что касается Рериха. Кроме этого, сама Л.В. Шапошникова в своих книгах *неоднократно* ссылалась на «лютого врага» Ю. Линника, признавая в нём крупного специалиста не только в философии, но и в искусствоведении.

Что сделала «тройка», прочитав диссертацию, – теперь известно всему миру. Затеяла шумную кампанию против защиты В. Росовым диссертации, в результате которой он не один раз, а трижды эту самую диссертацию защитил. То, что это неэтично по отношению к Ю. Линнику, давшему им диссертацию, об этом уже и говорить не приходится. *А ведь он пошёл навстречу людям, которые по долгу службы должны внедрять в жизнь не просто этику, а Живую Этику*. И это их деяние вряд ли способствовало возвышению имени Рериха, которое они защищают. Ещё раз повторю, что без рекламы, которую за миллионы рублей организовали В. Росову эти «борцы за справедливость», никто бы и не знал, кроме нескольких десятков специалистов, что он что-то там написал не так, как хотелось бы Л.В. Шапошниковой. Благодаря же шуму, поднятому «тройкой», о диссертации узнала вся страна. Но мало того, что они разрекламировали эту диссертацию, они ещё исказили всё, что смогли там вычитать.

Читать, как и писать, тоже надо уметь. В.В. Фролов (кстати, тоже доктор философских наук и профессор!) в написанной по заданию Л.В. Шапошниковой статье «Культура, не политика» показал интеллектуальный потенциал этой «тройки». Они же должны были прочитать всё, написанное Фроловым, прежде чем отправить в редакцию. Мало того, что она написана, мягко говоря, не очень грамотно, так он позволил себе к имени Рериха добавить слова, которых в диссертации В. Росова не было вообще. Это именно В.Фролов назвал в своей статье Н.К.Рериха *«авантюристом от политики»*. Да, этим он хотел продемонстрировать читателям, как *он* понял диссертацию. Но в диссертации В. Росова нет таких слов о Рерихе! Этого Фролову показалось мало и он добавляет, ругая В.Росова, что «в его диссертации Н.К.Рерих представлен как *банальный путешественник и коммивояжёр неких коммерческих проектов*». И опять уточним, что у В. Росова нет таких слов о Рерихе в его диссертации.

А на сайте МЦР вы можете прочитать, что в диссертации В. Росова «Н.К. Рерих был представлен в совершенно искажённом свете, в качестве *врага СССР*». И опять повторяю, что у В. Росова нет таких слов о Рерихе в его диссертации. Зачем же вы, господа, к высокому и светлому имени приставили эти слова? Интернет-сайт будут читать сотни тысяч граждан России, которые ничего о Рерихе не знают. Для многих он – только художник, писавший необычные картины. Немало есть и таких людей, которые вообще ничего о нём не знают. Вот руководство Международного центра **Рерихов** и помогает гражданам разобраться, кто такой Рерих... Известно, как люди читают газеты и сайты – по диагонали. Вот тысячи людей, не вчитываясь в текст, выхватят эти ложные, негативные характеристики деятельности Н.К.Рериха. Спасибо тов. В.В. Фролову и иже с ним за просвещение масс... Именно это вбрасывание в информационное поле недостойных слов, приставленных к имени Рериха, и возмутило меня больше всего при первом прочтении этой статьи. Подумали бы, обидевшись на Росова, кто больше вреда принесёт имени Рериха, – Росов с его диссертацией или они с их кампанией. Мудрецы только улыбнулись бы, прочитав неверную, с их точки зрения, диссертацию. Подумаешь, сумасшедшие решили забросать лик Солнца грязью. Не боритесь с ними, пусть бросают, – не долетит. А если бы даже долетела, то любая грязь мгновенно испарилась бы. Сейчас многие пишут всё, что им вздумается. Пусть упражняются. Свобода слова, свобода печати – куда денешься. Солнечным ликам это не страшно...

Никто и саму Л.В. Шапошникову огульно унижать и дискредитировать не собирается. Этим она сама и её помощники занимаются по отношению к другим людям, с которыми они расправляются, *не думая о последствиях*. То, что успела сделать Людмила Васильевна достойного и интересного, безусловно, зачтётся. Все это знают, и за это многие её уважают. Но ведь и за несправедливые поступки необходимо отвечать. Преследование и изгнание сотрудников, травля учёных, огульное охаивание не разделяющих *их точку зрения* академиков и вообще всех, кто не принимает *их* видения проблемы, – все эти деяния руководства МЦР слабо согласуются с идеями Живой Этики. Историю рериховского движения кандидат исторических наук Л.В. Шапошникова решила развернуть по-своему. Она трудолюбиво создаёт миф о своей выдающейся роли в жизни планеты Земля, в развитии мировой культуры. И только ей подвластна «мудрость веков».

Люди, поверившие в этот миф, готовы сражаться за Шапошникову со всем остальным миром. Рериховцы разделились на два лагеря. Одни («защитники», «шапошниковцы») готовы растоптать любого, кто посмеет хоть слово сказать против «космического иерарха» Шапошниковой (**вот чьё имя они на самом деле защищают, а не имя Рериха**). Другие (и таких день ото дня становится всё больше) начинают всё больше понимать, что их вовлекли в *позорную войну*, что они в этой бесконечной войне уже позабыли, как мечтали когда-то творить светлый мир, развивать идеи Учения, принесённого в мир удивительной семьёй Рерихов. В результате войны «не на жизнь, а на смерть», как любит повторять сама Л.В.Ш., рериховское движение дискредитировано в глазах граждан России, которые с изумлением (а многие уже с отвращением) взирают на это драчливое племя и *вздрагивают при имени Рериха*.

Для человека, далёкого от рериховского движения, непонятна сама терминология. Они могут спросить, а кто же такие *рериховцы*? Я всегда раньше считал, что люди, которые открыли для себя Учение Живой Этики (пришедшее в наш мир благодаря семье Рерихов) и вступили (или хотели бы вступить) на путь борьбы за столь желанное светлое будущее, объединившись в соответствующие общества, назывались *рериховцами*. Никогда не входил я ни в одну рериховскую организацию и, следовательно, рериховцем никогда не был, тем более, никогда не делал из Рерихов непогрешимых кумиров. Кумирня не только говорит о невысоком уровне развития тех, кто кумирню организует, но и отдаляет Рерихов от нас, направляя тех, кто полюбил эту уникальную семью, к религиозному почитанию и фанатизму, вместо сердечной проникновенности. Просто, открыв для себя более четырёх десятилетий назад удивительную семью Рерихов, их творчество, я с тех пор с интересом изучаю огромное культурное и духовное наследие, которое они все вместе оставили миру.

Но не меньший восторг вызывают у меня и другие выдающиеся личности, жившие до них или в одно с ними время. С величайшей благодарностью и почтением я отношусь также к таким их современникам, как В.И. Вернадский, Н.И. Вавилов, А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский, а в недалёком прошлом – великий врач и мыслитель Н.И.Пирогов. Перечислять дальше не буду, ибо придётся вспомнить многих деятелей Серебряного века, русских философов-космистов, писавших о космической эволюции человечества, и, конечно же, нельзя не вспомнить Е.П. Блаватскую. А если мы двинемся в глубь веков через эпоху Возрождения к искусству древней Эллады, то вспомним ещё

много выдающихся творцов великой планетарной Культуры. Изучение духовного наследия всех этих творцов так же интересно и важно для каждого культурного человека, как и изучение наследия Рерихов. Если человек будет иметь широкий кругозор, тогда и его взгляд на принесённое Рерихами в XX веке Учение будет более объективным и, несомненно, более глубоким. Рериховцы, которые ограничились только книгами Живой Этики (да ещё книгами Л.В. Шапошниковой), сами себя отрезают от океана философской мысли, от истинных сокровищ планетарной Культуры.

Все светочи и подвижники духа дороги мне ничуть не меньше, чем Рерихи. Поэтому я всегда воспринимал эту замечательную семью именно в контексте мировой культуры, в которую они внесли свой огромный и неповторимый вклад. Данное через них Учение Живой Этики для многих людей играет важную роль в их духовном становлении. Но хором оно изучаться не может, как в своё время учили труды Маркса в кружках. Учение (каждому своё) приходит в жизнь человека тогда, когда он готов в своём восхождении подниматься выше. Работа с книгами Учения для каждого человека – дело сугубо личное. Устраивать вокруг этого суету – негоже. Что же касается всех религиозных институтов, то реальная история показывает, что за две тысячи лет европейская цивилизация, имея и Старый Завет, и Евангелия, и Новый Завет, и труды отцов церкви, – не смогла построить мирную жизнь, не смогла преодолеть «ненавистную рознь мира сего». Поэтому и было дано Новое Провозвестие в виде Живой Этики. Оно отнюдь не отменяет прежние духовные учения (и не отменяет их изучения – несомненно), но помогает раскрыть Знание на новом уровне многим людям, способным его постигать. Церковники (особенно католическая церковь) прилежно трудились веками не столько над богословскими трактатами, сколько над удержанием своей поистине безграничной власти. Церковь короновала монархов, если они ей были угодны, трактовала истину, владела земельными угодьями... И претендовала на... всезнание. Религиозные догмы подменили законы, что сделало власть духовенства абсолютной. Призванная не погружаться в мирское, а вести паству духовным путём к Отцу Небесному, церковь пустилась во все тяжкие, сосредоточив в своих руках несметные материальные сокровища (вместо духовных).

Те, кто пытались робко намекнуть церковникам, что ведут они себя не совсем правильно, становились объектом гонений, преследовались и часто уничтожались церковью физически. Николай Коперник в XVI веке рискнул нарушить церковные догмы и опубликовал книгу, в которой в центр мироздания поставил Солнце вместо Земли. Что сделала церковь? Запретила верующим читать эту «богомерзкую книгу». Труд Коперника попал в «Индекс запрещённых книг», оставаясь в нём до... 1835 года! Копернику повезло... Он успел умереть своей смертью прежде, чем до него добралась инквизиция.

Но зато в случае с Джордано Бруно такого везения уже не было. Его «богохульство» не знало границ. И впрямь, он пошёл дальше Коперника и предположил, что и само Солнце – рядовая звезда, и зашвырнул наш (сотворённый Богом за шесть дней мир) вообще на окраину галактики. Его обвинили в ереси и сожгли на костре. Галилео Галилей за поддержку идей Коперника предстал перед судом Инквизиции и чудом избежал смерти из-за дружбы с Папой. Его на всю оставшуюся жизнь заключили под домашний арест. Галилея называют «отцом современной науки», т.к. он ввёл понятие двух столпов *научного* поиска: эмпирическое наблюдение и математическую обработку результатов наблюдения. Благодаря ему, с начала XVII века Знание освободилось от приватизаторов – духовенства.

Сегодня те, кто «обожествляет Рерихов», завтра перенесут своё обожествление на новоявленных «иерархов». Это неизбежно, хотя «иерархи», вполне возможно, такого преклонения не заслуживают. Посмотрите на их дела, а не верьте безоглядно их словам. Они даже Знамя Мира приватизировали, превратив его в *товарный знак* со своим порядковым номером. Это деяние вызвало шок у всех культурных людей. Особенно когда «иерархи» стали грозить судом всем, кто этот символ использует. Воюя со всем миром, «иерархи», видимо, забыли, что само Учение не может быть по-настоящему понято без глубокого знания мировой Культуры, постижение которой особенно необходимо для духовного и интеллектуального развития человека. Живая Этика, будучи новым мощным духовным Учением, при правильном к ней подходе может и должна была бы заменить (добровольно, а не по принуждению!) в будущем для большого числа людей, доросших до понимания вселенских законов, т.н. «религии наших предков». Живая Этика, будучи новым витком спирали приобщения землян к духовной Истине, несёт в себе знания, необходимые людям в новых космопланетарных условиях для выживания, как человечества, так и самой планеты. А строить жизнь и дальше на мифах о шести днях творения, о создании женщины из ребра Адама и т.п. –

сегодня трудновато, так как выглядит уже наивно, если не бессмысленно. Небольшие же книжечки Нового Завета, содержащие немногие замечательные слова самого Христа, к сожалению, порой затемнённые временем и переводами, хотя и одухотворяют человека, но уже не могут вполне ответить на новые вопросы и вызовы современной жизни, не дают «мостиков» к их реализации на практике...

Вот почему намного перспективнее, взяв всё лучшее из прежних духовных учений (и не только православного), устремляться дальше, постигать новое, чтобы быть способными грамотно решать совершенно новые задачи, отвечать на вызовы, которые ставит жизнь, – эвтания, аборт, одержание, распад семей, миллионы беспризорных детей, экологический кризис, техногенный фактор цивилизации, который может явиться гвоздём в крышку гроба, и т.п. Ещё в начале XX века Н.А. Бердяев уже понимал, что тотальное наступление техносферы – это восстание на Бога, это «распятие плоти мира, вознесение на крест благоухающих цветов и поющих птиц. Это Голгофа природы». Жить по-старому мы долго не сможем. Слишком близок уже край пропасти небытия. Вот почему роль Учения Живой Этики столь велика. Это Учение дано для шестой Расы, т.е. рассчитано на тысячелетия... Но не как окоченевшая догма, а как живой огонь вечного поиска. Кичиться тем, что ты имеешь какое-то отношение к Учению Живой Этики, не нужно. Во-первых, твоё понимание этого Учения может быть неверным или неполным. А во-вторых, помимо немногочисленной когорты рериховцев, в России есть люди, которые желают счастья и процветания своей Родине и всему миру. Российские христиане, мусульмане, люди других верований и атеисты не меньше рериховцев мечтают о возрождении России и любят её всем сердцем.

И всё же, по моим представлениям, рериховцы – это люди, которые, прочитав книги Учения Живой Этики, страстно захотели воплощать в жизнь высокие идеи, которые несёт миру это Учение. То есть рериховцы по природе своей жаждут строить светлый справедливый мир, заниматься самосовершенствованием. Если бы они в своей жизни встретились с другим высоким и зовущим Учением, то они исповедовали бы его. Этим я хочу сказать, что главная черта истинных и искренних последователей Учения Живой Этики – это *имманентно присутствующее им чувство справедливости, жажда совершенства* и огромное желание светлого преобразования мира и, прежде всего, любимой ими России. Что же здесь плохого? Ничего. Замечательно, что есть такие люди. Они – опора и надежда нашего отечества на истинное духовное возрождение.

Так я думал до тех пор, пока не стал работать в СФР-МЦР. Увидев, как с рериховцами круто расправляется «головная организация», я понял, что для руководства МЦР есть рериховцы разных сортов. Одних оно обласкивало и прикармливало, других гнало в шею. За 20 лет такой сортировки единые когда-то в своём устремлении к совершенствованию люди, после деления их на касты, стали кто шудрами (неприкасаемыми и в МЦР не выпускаемыми), кто – «высшей кастой», сплотившейся вокруг «космического иерарха». Эти последние стали выслуживаться перед руководством МЦР и свысока поглядывать на всех остальных, будто им, и вправду, открылась высшая Истина...

Но давайте задумаемся. Россия (не говоря уже об отпавших республиках) сегодня переживает труднейшие времена. Перед нами во весь рост поднимается вопрос: «Быть или не быть?» Против нашей страны ведётся чудовищных масштабов информационная война. В её разрушительной мощи мы уже убедились, проиграв эту войну совсем недавно, когда мы были ещё в границах великого Советского Союза. Всё разлетелось вдребезги. И теперь бывшие части одной огромной страны уже... воюют друг с другом. Всем мыслящим людям ясно, что с Россией Запад хочет поступить точно по такому же сценарию. Раздробить её, разорвать на части и натравить потом эти «княжества» друг на друга, как это уже было в истории нашей страны. Россия вымирает. Население бывшей великой Империи уменьшается ежегодно чуть ли не на миллион человек. Просторы России – бескрайние. Богатства – неизмеримые. А у «золотого» миллиарда руки загребушие. Совершенно ясно, что удержать огромную территорию, не дать рассыпаться нашему государству, которое является Сердцем Мира, можно только, *если мы все* (независимо от того, исповедует ли кто-то какую-то веру, играет во всякие «эзотерические» игры или является атеистом) будем сплочёнными, сознательными гражданами, не только желающими своей Родине процветания, *но и всё делающими для этого*.

И вот в это грозное время, когда решается судьба страны, в ней находятся люди, которые ради своих амбиций, ведомые жаждой славы земной, *делают всё для разобщения светлых сил, а не для их консолидации*. Не разобщение ли светлых сил и есть главный итог двадцатилетней деятельности руководства СФР-МЦР? «По плодам их узнаете их...» Плоды разрушительной деятельности этих

«иерархов» очевидны. Пришло время пробуждаться. Если «защитники имени и наследия», защитники Шапошниковой скажут мне, что это – голословные обвинения и клевета на «светлых иерархов», то я попрошу включить хотя бы элементарную логику, если им ничего не говорит их сердце и их чутьё.

Выше мы уже выяснили, что те, кто, открыв для себя Учение Живой Этики, решили посвятить свою жизнь борьбе за светлый и справедливый мир, кто любит Россию всем сердцем и желает ей процветания, назывались ещё лет двадцать назад рериховцами. Эти люди, объединившись в рериховские общества, страстно мечтали о светлом и справедливом мире, который они были готовы строить своими руками, опираясь на Учение и на яркий пример подвижнической жизни семьи Рерихов. По крайней мере, таковыми были их первые побуждения и желания после встречи с Учением.

Как же можно было посягнуть на это желание тысяч людей спасти Россию – Сердце Мира? Какое право имели эти самозванные «иерархи» делить людей на «своих и чужих», натравливать их друг на друга? Но ведь именно это они и сделали. Считая себя непорочными и совершенными воинами Света (это уже диагноз), они ринулись отделять «чистых» от «нечистых». Критерий прост до предела. Кто за Шапошникову и избранных ею помощников, тот – свой, чистый. Кто усомнился в их непорочности, тот – враг и предатель. Как всё просто... Разделяй и властвуй... Трагично, что многие им поверили. Искренне жаль заблудших людей. Не сомневаюсь, что и они со временем очнутся от наваждения. Пока же им кажется, что это именно они сделали правильный выбор и что под предводительством «избранных» они ведут бой с «силами тьмы».

Это момент настолько важный, что на нём я остановлюсь отдельно. Жонглирование понятиями «силы света» и «силы тьмы» стало главным занятием и самих нынешних «иерархов», и тех, кто сотворил себе кумиров из этих вполне земных людей. «Не сотвори себе кумира!» Неужели самозванные «иерархи» никогда не слышали этот мудрый призыв? А если слышали, то зачем же сотворили себе кумиров из семьи Рерихов? Почему сами исповедуют и другим насаждают квазирелигиозное отношение к членам этой действительно замечательной семьи? Я сам поднимал с колен во дворе МЦР женщин, у которых «съехала крыша» от бесконечного обожания любимых кумиров. Действительно, были случаи, когда на памятник Рерихам крестились и опускались перед ним на колени. Но кто довёл рериховцев до такого состояния?

Может быть, церковь права, когда спрашивает, не новую ли религию стараются принести на российские просторы новоявленные «космические иерархии»? Конечно, вы услышите от руководства МЦР часто и слово «наука», и даже «метанаука», но два десятилетия кумирни завели их последователей в тупик... *Только невежественное сознание творит кумиров.* Считать же и называть самих себя людьми какой-то высшей касты, «иерархами» – это, действительно, уже из области особого раздела медицины, но никак не из мира Культуры. В этом главная методологическая (а, проще, – человеческая) ошибка тех, кто подрядился сортировать и отлучать от МЦР неугодных и «врагов», которых *особая «тройка»* выявляет среди последователей Учения Живой Этики и которых стремится уничтожить (если не физически, то психологически).

Все мы несовершенны: и пишущий эти строки, и вообще любой живущий на планете человек. Несовершенны мы принципиально, ибо абсолютно совершенен только Бог (Абсолют). У всех на внутреннем плане происходит борьба, у кого-то более напряжённая и ярко выраженная, у кого-то – менее. Гремит вечный бой между Светом и Тьмой, между Добром и Злом. «А поле битвы – сердце человека», – сказал ещё в позапрошлом веке Ф.М.Достоевский. Борьба эта, эта битва, есть великое испытание для каждого из нас. Идёт она с переменным успехом, но у людей ищущих и устремлённых – идёт непрерывно. Нравственное начало в человеке, так поразившее (наряду со звёздным небом) И.Канта, – это, действительно, божественный дар. Подкреплённое угрызениями совести, это Начало творит свою великую созидательную работу в человеке, делящуюся не одно воплощение. Ход этой борьбы, темп, результаты на каждом этапе – это глубоко личное дело каждого, в которое *никому не позволено вмешиваться, давать какие-то оценки и навешивать ярлыки.* Культурный, чуткий и сострадающий человек никогда в душу к другому человеку не полезет. Только бесчувственные, возомнившие себя «совершенными» люди, будут требовать от других немедленного и окончательного совершенства.

Таковыми были большевики, создавшие уже в 1918 году концлагеря. Им тоже чудились со всех сторон одни «враги». *А вокруг них были русские люди!* Так начал своё существование ГУЛАГ. Ретивые чекисты находили вокруг себя неисчислимое количество «врагов». Расстрельные «тройки»

еле успевали оформлять документы, приговаривая светлых и чистых людей к смерти только потому, что власть и сила была в руках этих фанатиков... Только бессердечные комиссары позабыли или не понимали, что эсеры, меньшевики, интеллигенция, дворянское сословие, белые офицеры, зажиточные «кулаки» и ещё многие выявленные бдительными чекистами «враги народа» не меньше их любили *единую для всех нас родину – матушку Россию*, готовы были отдать за неё жизнь. И отдавали, защищая Родину от любого внешнего нашествия.

Насколько же страшнее *нашествие внутреннее*, когда фанатики начинают с пеной у рта воевать со всеми вокруг за светлую идею, *понятую ими превратно*. В идеях социализма и коммунизма тоже было много светлого и справедливого, но невежественные люди, взявшиеся внедрять их в жизнь, низвели эти идеи до уровня своего понимания, исказили их до неузнаваемости и... результат мы знаем. Обратите внимание на то, что в общественном сознании стали нарицательными, а для многих отвратительными, сами слова «социализм» и «коммунизм». Но это всего лишь слова, почему же *они* вызывают такую негативную реакцию, а не те, кто, прикрываясь высокими понятиями, творил произвол, уничтожал людей и извращал светлую идею?

Присмотритесь повнимательнее к самозванным «иерархам» и увидите нечто поразительное. В своём глазу они бревно не видят, зато других готовы гнать и преследовать за малейшую соринку, выявленную бдительными «светоносцами» в чужом глазу... Каждый раз, когда мы сталкиваемся с кумирней и фанатизмом, нужно ждать беды. Тем, кто попал в атмосферу кумирни, остаётся потом переносить своё обожание на следующих кумиров. Многие начали фанатично преклоняться перед Рерихами, а потом и сами не заметили, как стали буквально поклоняться Шапошниковой. Бесконечное возвеличивание одного человека, ставшего из простого парторга... «космическим иерархом», – это и есть настоящая *кумирня*, которую сами заигравшиеся «иерархи» уже не способны увидеть со стороны. Для них вся эта игра – уже сама жизнь. Посмотреть на себя со стороны чуть иронично, отбросить всё ненужное, наносное и действительно поработать на будущее страны они уже не могут и, видимо, не смогут. Тут без остановки и искреннего покаяния уже не обойтись. Но они слишком много возомнили о себе, слишком заигрались...

Помощники главного «иерарха» выискивают «врагов» с настоящей страстью. Тут можно вспомнить «Собачье сердце». Михаил Афанасьевич давно заметил страсть особой породы людей выявлять и выкорчёвывать врагов: «Уж мы котов душили, душили...». Откуда же набралось столько врагов у руководителей скромной *общественной (по юридическому статусу и Уставу)* организации? И с каждым годом «врагов» у руководящей верхушки становится всё больше и больше. Чем же занимается эта *общественная (?)* организация, и почему у неё «враги» множатся в геометрической прогрессии? Если присмотреться внимательно, то окажется, что «врагов» придумывает и в большом количестве плодит сама эта «тройка». За 18 лет работы в этой организации (из них более 10 лет я был членом правления МЦР) я насмотрелся вдоволь на конвейер по производству «врагов». Привести можно было бы множество убедительных примеров, но ограничусь одним.

В 1996 году МЦР проводил очередную ежегодную конференцию. В этом году она называлась «Духовный образ России в философско-художественном наследии Н.К.Рериха и Е.И.Рерих» и проходила в Московском Политехническом музее с 9 по 11 октября, так как своего помещения МЦР тогда ещё не имел. На второй день конференции я (как старый работник и член правления) был ведущим, сидел на сцене за столом и приглашал докладчиков на трибуну. Взяв в руки программу конференции, я объявил очередного выступающего – директора Нью-Йоркского Музея Н.К.Рериха Даниила Энтина. Признаюсь, что название его доклада я зачитывал с некоторым удивлением в голосе. Доклад назывался, насколько я помню, «Что такое духовность? Что такое русская духовность?» Помню, что, приглашая на сцену господина Энтина, я ещё сказал, что нам будет очень интересно узнать, что же *о русской духовности* скажет нам директор музея *из Америки*. Он выступил со своим докладом и завершил его под гром аплодисментов. Этот шквал аплодисментов перешёл в овацию. Весь зал встал в каком-то едином порыве и продолжал долго аплодировать смутившемуся от такой реакции Энтину.

Помню, что меня удивила столь бурная реакция зала, ибо ничего особенного в докладе Энтина не прозвучало. Более того, подчёркивание им того, что Рерихи были гражданами всей планеты, всей вселенной, немного резало слух, ибо если это и так, то, прежде всего, они были (и оставались!) гражданами России, которую бесконечно любили. Но в это время я обратил внимание на сидящую в зале на первом ряду Л.В. Шапошникову. Со сцены открывалась удивительная картина происходящего. Сначала Л.В.Ш. будто окаменела, а потом медленно поднялась, повернулась к залу и

стала внимательно осматривать это собрание рериховцев, устроивших *такой* приём не ей, а кому-то другому. Сама она днём раньше почему-то не услышала *таких* оваций с вставаниями после своего доклада, поэтому её не мог не привести в ярость такой горячий приём «конкурента». Зал, будто не замечая гипнотизирующего взгляда Л.В.Ш., ещё долго продолжал эту странную овацию.

Когда Д. Энтина в зале уже не было, Шапошникова вышла на трибуну и показала всем «кузькину мать». И рериховцам, «столь примитивно» понимающим Учение, и Энтину досталось по первое число. Это было просто незтично в его отсутствие, я уже не говорю о презрительно-пренебрежительном отношении к сотням людей, приехавших на эту конференцию... Естественно, что с этого дня он числится в МЦР «заклятым врагом и предателем». Сведения об этом разное дошли до Энтина. За сим весьма недружественным актом, естественно, последовал разрыв отношений с Нью-Йоркским Музеем. Война и противостояние длится уже 13 лет... Непонятно, зачем с таким упорством, так последовательно и методично Л.В.Ш. превращает всех в своих врагов! Совершенно не нужно было превращать во врага и Энтина. Да и не заслуживал он такого разгрома с её стороны. Если бы ею руководили высшие соображения, то сразу же после доклада Энтина и этой непостижимой овации она могла бы спокойно подняться на трибуну (кто бы посмел *ей* не дать слово) и выразить свою позицию *в присутствии американца* тактично и доброжелательно. А наедине с ним потом высказалась бы более открыто и откровенно...

Но на трибуне при всех она могла бы облечь свою отповедь во вполне приемлемую форму. Мол, мы с уважением относимся к нашему американскому коллеге, но в данном случае он не совсем прав. Это вполне простительно, ибо он, не являясь русским человеком, о русской духовности судит умозрительно. Чтобы её постичь, нужно выстрадать с наше... И в таком духе, подбирая выражения, чтобы соблюсти дипломатичность, спокойно и чётко поставить всё на свои места и сказать всё, что она хотела сказать. Тогда всем участникам конференции было бы понятно, о чём идёт речь, все оценили бы не только её принципиальность и мудрость, но также её благородство и такт. Может быть, и рериховцы, услышав мудрую и спокойную речь Л.В.Ш., произнесённую ею *по горячим следам*, глубоко бы задумались, с какой такой радости они устроили этому добродушному на вид человеку столь горячую овацию? И сам Д. Энтин увидел бы в выступлении Шапошниковой не желание его унижить, а естественное желание носителя русской культуры и духовности пояснить и уточнить развиваемые им идеи. Он был бы ещё и благодарен Л.В.Ш. за тактичное и дружеское уточнение его мыслей и поисков...

Перед всем миром члены «тройки» пытаются предстать самыми яростными защитниками дела Рерихов, защитниками Культуры. Пресловутая кампания, которую они раздувают уже несколько лет и из-за которой они развалили рериховское движение и выгнали из МЦР много хороших творческих людей, названа ими «Защита имени и наследия Рерихов». Когда только затевалась эта кампания, я был против неё, о чём ясно высказался на круглом столе. Мне казалась странной сама постановка вопроса. Как мы можем защищать имя Рерихов, которые, проделав огромную духовную и практическую работу, ушли в вечность. Там сияют имена этих Тружеников, оставивших нам грандиозное духовное и культурное Наследие. Конечно, вполне могут найтись невежественные люди, которые будут отзываться о Рерихах не так, как хотелось бы «иерархам» из МЦР или тем, кто любит Рерихов. Но ведь «на чужой роток не накинешь платок». Затевать полемику, а тем более, войну «не на жизнь, а на смерть» с тем, кто не разделяет твоих взглядов на замечательного Человека, не просто бессмысленно, но и глупо. Ибо этим ты никому ничего не докажешь. К сожалению, то, что имена Рерихов слились с Вечностью и Красотой, – ещё **не служит основанием** для того, чтобы все поголовно их правильно понимали, почитали и ценили их духовное Наследие...

Но так было не только с Рерихами, поэтому тратить силы, время и деньги, гоняясь за каждым, кто не так понимает Рерихов, – это неразумно. Лучше силы эти потратить на созидание Красоты и Гармонии, которую почувствуют многие и потянутся к ней. А так как эта Красота и Свет исходили бы из Центра Рерихов, то тем самым все, работающие в этом Центре, наилучшим образом защитили бы имена Рерихов даже в глазах тех, кто к ним относился ранее отрицательно. Это всё я и высказал тогда, и сказал, что считаю ошибкой предлагаемую кампанию по «защите», чем вызвал гневную реплику Шапошниковой, что некоторые, мол, хотят в окопах отсидеться. Попытался тогда обратить внимание на то, что Рерихи, прежде всего, думали о Культуре, возделывали Ниву Культуры, выращивая на ней новые прекрасные цветы Духа (литературное творчество и замечательные картины Н.К. и С.Н. Рерихов), защищали эту Ниву от посягательств (пакт Рериха). Всей своей жизнью Рерихи утверждали Культуру, Красоту, Творчество. Вот и мы должны заниматься *этим же*

в меру отпущенных нам Богом способностей... Если же мы будем на выжженном поле современной культуры сражаться с «неверными» рериховцами, отлучая их от МЦР, и со всеми, кто нам кажется врагами, то вряд ли это укрепит наши позиции и привлечёт к идеям Учения новых последователей... Тогда, под натиском Л.В.Ш., мой призыв не был услышан, а был выкопан «топор войны».

Рассказывать обо всём, что происходило за почти два десятилетия моей работы в МЦР, очень непросто. Парадоксальность ситуации заключается в том, что чем *правдивее* и подробнее опишешь все неблагоприятные дела, которые реально творит в последние годы Л.В. Шапошникова со своими помощниками, тем большее недоверие это вызовет у тех, кто, начитавшись мифов, ею созданных, имеет о ней *своё* представление. Такие люди *именно правде не поверят*, скажут, что такого просто быть не может, что это – клевета на их кумира, а сказавшего эту правду будут травить и преследовать. Но такова природа тех, кто не может жить без кумиров... Может быть, я и сам не поверил бы правде о Шапошниковой, услышав её от других. Но я знаю её уже четверть века, наблюдал все деяния этого человека изнутри СФР-МЦР более 18 лет подряд, поэтому у меня есть больше *конкретных фактов*, чем у почитателей, сотворивших себе очередного кумира, о котором они знают понаслышке, из её книг да из хвалебных статей, которые пишут придворные сладкопевцы.

Возьмите только факты. Интерпретацию им можно дать любую. Парторг Л.В. Шапошникова, не написавшая ни одного слова протеста против безобразий, творимых верхушкой её партии до переворота 1991 года, разразилась потоками критики в адрес марксизма после переворота. Теперь, когда тебя не вызовут в идеологический отдел ЦК КПСС, не вкатают выговор, не отнимут партбилет, что сразу же обрушит карьеру, можно продемонстрировать свою «принципиальность». Можно громить ту идеологию, которой ты ещё вчера служил верой и правдой. Разве не такую позицию Л.В.Ш. демонстрирует её книга «Дни и годы Мадраса»? Если бы её с детства вели Учителя, разве смогла бы она в таком тоне, столь пренебрежительно писать о Е.П. Блаватской в этой своей книге? Но она написала именно так, как требовали тогда карьерные или иные конформистские соображения. Да и парторгам не все тогда становились. Можете себе представить парторгом А.Сахарова или А.Солженицына? Они в те времена, когда Л.В. удобно мостила свою карьеру, выступали против ортодоксальной партийной верхушки, превратившей страну в тюрьму народов. Но вот пришли новые времена, и Л.В.Ш. уже в первых рядах борцов с проклятым наследием большевиков. Она теперь стала «защищать» Блаватскую, а критиковать марксизм...

Я всегда поражался её заявлениям, которые мы часто слышали из её уст и в частных беседах, и с трибуны ежегодных конференций, проводимых в МЦР: «Когда мне впервые попали в руки книги Живой Этики, то произошло странное явление. Читаю, *ничего* не понимаю, а оторваться не могу». А когда же попали ей в руки эти книги? Может быть, в школьные годы, тогда и неудивительно. Несмышлёная девчонка, естественно, не смогла бы сразу понять столь возвышенные идеи. Но, оказывается, впервые книги Живой Этики попали в руки вполне взрослому человеку, кандидату исторических наук, члену Союза писателей СССР, разменявшему уже пятый десяток лет.

Что ни говори, такое заявление – нонсенс. Я был студентом в середине 1960-х, когда впервые взял в руки те же книги, и хорошо помню свою первую реакцию. *Удивление и радость*. Действительно, оторваться было трудно, тут я вполне согласен с Людмилой Васильевной. Может быть, и я не всё понимал с первого прочтения, но тексты Живой Этики, невзирая на весьма своеобразный язык, были так необыкновенно *созвучны* всему строю моих мыслей, всему тому, о чём мечталось, что уже вынес из литературы, которую читал до этого, что назвать их *непонятными* никак не могу. Особенно много дали мне для понимания этих текстов романы русского писателя-фантаста И. Ефремова, которые я к тому времени все перечитал, а также труды русских философов-космистов. Кстати, в архивах И.Ефремова нашли тетради, где его рукой выписаны основные идеи Живой Этики, которые он гениально вплетал в ткань своих романов, не ссылаясь при этом на Рерихов. Это было мудро и правильно. Главное, чтобы идеи окрыляли молодёжь, зажигали сердца жаждой подвига, а кто высказал эти идеи, было не столь важно на фоне Вечности. Тем более что при упоминании в то время имени Рериха и книги самого Ефремова не увидели бы свет...

Что бы ни делали такие люди, как Фролов и Стеценко, гоняясь за мнимыми врагами, увеличить, преумножить этим великое наследие Рерихов они не в состоянии. Следовательно, и защитить имена этих Творцов они не в силах, ибо, ещё раз повторю, не их это дело, не их масштаб. А вот навредить делу, которому Рерихи посвятили всю свою жизнь, они могут вполне. Причём максимально навредить можно, именно «защищая» Рерихов таким образом, как они это делают. Создаётся такое ощущение, что они действуют по формуле: «чтобы уничтожить какое-нибудь

светлое дело, нужно его возглавить». Иван Сусанин таким способом *врагов* завёл в болото, а эти «проводники» стараются *светлых людей* утопить в болоте. Если бы я не сталкивался с этими «защитниками» на протяжении тех лет, когда они на рубеже веков и тысячелетий появились в МЦР, как вынырнувшие из прошлого тени инквизиторов, то, может быть, и меня бы их демагогия сбила с толку, как она подействовала на некоторых рериховцев, принявших их призыв к «защите имени» за чистую монету. Но так как я очень хорошо знаком с истинной деятельностью этих двух «помощников», то и обмануть меня невозможно. Их многие в МЦР называли «кукушатами» за то, что, придя в МЦР в тот период, когда уже все реальные трудности были позади, эти два субъекта (как кукушата) начали из уютного «гнезда» в центре столицы выталкивать всех «птенцов», освобождая для себя жизненное пространство. Бесконечное собирание компромата и проведение с иезуитской жестокостью операций по изгнанию многих творческих людей и разгрому отделений МЦР в разных городах – вот чем они занимаются все эти годы. Конечно, для них важно избавиться от всех, кто работал в СФР-МЦР с первого дня. Эти люди им точно не нужны. Никого не должно остаться, кто помнил бы истоки...

Я-то помню, как всё это начиналось. Помню времена, когда Л.В. Шапошникова могла вдруг весело и искренне рассмеяться. Помню времена, когда хитрый комсомолец С. Житенёв, притесняя «старушку» (это он посмел *тогда* так называть Л.В.Ш.), забрал себе под кабинет самое большое помещение во флигеле, а Л.В.Ш. ютилась в комнатухе площадью шесть квадратных метров. Я помню времена, когда она приезжала на работу (как и все мы) на метро и бодро шла от станции метро «Кропоткинская» в СФР, размахивая своим портфелем... Помню даже эпизод, когда Л.В.Шапошникова однажды была заправским... «телохранителем». Когда создавали музей, она поручила мне найти в специальных магазинах люстры, максимально приближенные по виду если не к XVII, то хотя бы к XIX веку. Заказывать люстры в стиле настоящего XIX века было слишком дорого, поэтому я неоднократно объехал многие магазины в Москве, пока не нашёл люстры и для десяти залов, и огромную люстру для фойе. Прикинули общую стоимость. Она оказалась около семидесяти миллионов рублей в ценах того времени. После звонка Л.В.Ш. я поехал в банк к нашему спонсору и получил эту сумму наличными. Деньги еле влезли в большую сумку. Мне пришлось настоять, чтобы Л.В.Ш. поехала вместе со мной закупать люстры. Доводы мои были убедительными, и она согласилась. В самом деле, – сумма огромная, люстр много... А вдруг они ей не понравятся, когда мы их уже привезём в музей. Что же, везти их обратно? Пусть лучше она сама оценит их в магазине и там же даст согласие на покупку. Никогда не забуду уникальную сцену перед кассой в магазине, когда я, отсчитывая деньги за очередную люстру, доставал пачки купюр из сумки, а Людмила Васильевна, как верный телохранитель, зорко посматривая по сторонам, отгораживала меня от стоящей позади очереди своей внушительной фигурой... Все тогда купленные нами люстры висят в музее и до сих пор.

Сейчас, глядя на всё происходящее в МЦР, можно только горько улыбнуться, вспоминая энтузиазм первых месяцев и лет... Куда всё подевалось... С. Житенёв хотел почти в открытом сражении, как он выражался, «урить бабушку». Ему это не удалось. Слишком много было вокруг Людмилы Васильевны людей, которые тогда относились к ней искренне и с *непритворной* любовью, поэтому и не дали приткким комсомольцам перехватить ситуацию. А было это вполне возможно. Вон, они всю страну захватили и сумели приватизировать всё, что создавалось огромным трудом нескольких поколений. Так что и у Житенёва был шанс на захват усадьбы в самом центре столицы, так как он фигурировал в Завещании, подписанном С.Н. Рерихом, точно на таких же правах, что и Шапошникова. Но на страже были друзья Л.В. Шапошниковой, которые бдительно следили за действиями притккого комсомольца и предупреждали Л.В. о готовящемся перевороте, что позволило ей устоять, а Житенёву пришлось убраться из приглянувшейся ему дворянской усадьбы.

Сегодня открытым горячим войнам предпочитают скрытые, информационные, психологические войны. Вот и пришедшие в МЦР «иезуиты» тихой сапой добились своего. Им вполне удалось то, что не смог сделать Житенёв, хотя сама Шапошникова так и не поняла этого. И защитить теперь её некому, потому что своих настоящих друзей она объявила врагами и изгнала, а те, кто ещё остаются рядом, боятся даже пикнуть, не то что озвучить свои догадки. Вот она и осталась с «инквизиторами» один на один. В этом трагедия Людмилы Васильевны. Очень исполнительные «помощники» точно знают, чего они хотят. Нашупали слабые места «космического иерарха». Прикинулись послушными, исполнительными и инициативными. Зная, что главный «иерарх» любит лезть, утопили её в патоке славословий. И давно развернули «корабль» туда, куда

нужно им или тем, кто их курирует. А Л.В.Ш. сама стала вполне управляемой в их руках, хотя они ещё дают ей возможность потешиться, покуражиться. Став свитой королевы, они сделали эту королеву такой, как им нужно. Но кто же теперь посмеет сказать ей об этом? А свита эта вместе с хором сладкопевцев всё делает для раздувания авторитета «космического иерарха»...

«По делам их узнаете их», по результатам их усилий. С «защитой» **Имени** всё понятно, защищают они не имя Рерихов, а имя Шапошниковой, но делают это не столько для неё, сколько для себя. И это тоже понятно. Шапошникова так и не сумела воспитать или разыскать себе смену. Вскоре, как полагают её нынешние «помощники», именно они останутся у руля «корабля». Одно дело, если они предстанут перед рериховцами как военный пенсионер и преподаватель из Института леса, а другое – как верные соратники «космического иерарха», которые за время преданного служения сами стали «иерархами». Если её избрали «Учителя», а она избрала их, то не без утверждения же «Иерархии». И все рериховцы должны понять, что это *им* самой «Иерархией» оставлен и «ключ от врат во вселенную Мастера», и бразды правления Международным Центром Рерихов. Именно поэтому, мол, не будет никакого смысла собирать Учредительное собрание, брать в руки Устав, призывать рериховцев решать дальнейшую судьбу Центра-Музея, о котором мечтал С.Н. Рерих.

Да и остались ли рериховцы в рериховских обществах, особенно в официально оформленных и поддерживаемых МЦР (ведь именно им участвовать в решении дальнейшей судьбы Центра)? Общеизвестно, что в России и ближнем зарубежье практически не осталось обществ, которых бы не коснулся *великий раскол*, спровоцированный деятельностью МЦР. После чисток, которые провела эта «тройка», в подавляющем большинстве рериховских организаций остались верноподданные МЦР, те, которых можно назвать «шапошниковцами», наивно полагающие, что служат великому делу. Сами того не заметив, оставшись лояльными к этой «тройке», они стали служить ей, а не высоким идеалам Учения. Преданных ей «тройка» поощряет, подкупает. Как приятно приехать из периферии в столицу, если тебе оплатят и дорогу, и гостиницу. Посмотреть преданно в глаза «космическому иерарху», млея от восторга, что *такое* вообще возможно, а ещё хоть на время окунуться в бурную столичную жизнь после скуки и монотонности провинциальной жизни... Да, за это можно загрызть «неверных рериховцев», на которых укажут сами «иерархи».

Таковы главные причины, из-за которых вся кампания была задумана и проводится уже несколько лет для защиты имени и усиления позиций самой Л.В.Шапошниковой и её верных помощников, для раздувания мифа о её исключительности и избранности.

А что же с защитой **наследия**? Здесь, как уже это правильно отметил Р.Б.Рыбаков, «тройка» перепутала понятия – «наследие» и «наследство». Наследие – понятие духовное, а наследство – материальное. Картина великого художника имеет и духовную, и материальную ценность. Мы знаем примеры, когда на аукционах картины отдельных мастеров продавались за миллионы и десятки миллионов долларов. А может быть, «тройка» ничего не перепутала, а точно знает, за что сражается? Для меня, например, очевидно, что руководство МЦР сражается за материальное наследство, мечтая прибрать к рукам 282 картины, привезённые в СССР из Индии Святославом Рерихом. Ещё тогда, более трёх десятилетий назад, не особенно желая увозить их обратно, он делал всё, чтобы картины как можно дольше оставались на родине, чтобы их увидели зрители в разных городах и чтобы они, в конце концов, остались в России навсегда. Так и произошло. Картины осели в Музее Востока, пользующемся неизменной любовью у россиян.

Я сам часто ходил в этот великолепный музей, когда он находился ещё на улице Обуха. И Шапошникова ещё при советской власти читала *там* годами свои лекции для небольшого (избранного ею) круга людей. Там работали и работают компетентные искусствоведы. Картины Рерихов и сегодня содержатся в полном порядке, хотя ценителям живописи Рерихов они многие годы были доступны не часто. Но периодически люди имели возможность видеть эти шедевры. Теперь, когда Музей Востока нашёл возможность и сделал два прекрасных зала для *постоянной* экспозиции картин Н.К. и С.Н. Рерихов, – мечта Святослава Николаевича воплощена в жизнь: **картины в России и они доступны зрителям**. Если в эти два зала не помещаются все имеющиеся в Музее Востока картины Рерихов, то можно постепенно экспозицию обновлять. Такая циркуляция полотен и даст возможность видеть их все. Может быть, музей найдёт возможность со временем ещё и третий зал отдать для постоянной экспозиции картин Рерихов. Это было бы замечательно и снизило бы остроту проблемы.

Зачем же с таким упорством «тройка» осуществляет много лет бесконечные нападки на прекрасный музей? Зачем нужно распространять заведомую ложь о подделках и продаже картин, нанося урон престижу музея? Понятно зачем... Столько лет старались отобрать это богатство, размахивая Завещанием, в котором действительно фигурируют 288 картин. Как они добились того, чтобы такая строка появилась в Завещании, никто кроме Л.В.Ш. не знает. Возможно ли, чтобы Святослав Николаевич, который любил и ценил Музей Востока, *сам* вдруг решил отобрать у них картины и непременно передать их Шапошниковой? В этой многолетней войне МЦР против Музея Востока, в этом натиске на прекрасный музей, в желании забрать у него, во что бы то ни стало, картины Рерихов проявляются амбиции главного «иерарха». Музей Востока *много лет отбивается, а не нападает*.

Бесконечные атаки «тройки» заставили Музей Востока, не имеющий миллионов долларов, заговорить о том, что не лучше ли этот по названию общественный, а, по сути, частный музей сделать государственным и прекратить многолетние разборки и бесконечные суды и судилища... Ни о каком отъёме усадьбы Лопухиных и выбрасывании оттуда общественного Музея им. Н.К. Рериха никто никогда не говорил, кроме самой «тройки». Это и есть – подтасовка. Речь шла только о том, чтобы поменять статус музея и *оставить его там же*, где он сейчас и находится. Но тогда может оказаться, что в услугах таких «искусствоведов», как А.В. Стеценко и В.В. Фролов, нужды больше не будет. Вот почему так усердствует тов. А.Стеценко, описывая ужасы о «фальшаках» (стиль-то каков!), о подменах, пропажах и продажах картин Рерихов, якобы происходящих в Музее Востока. *Абсолютный непрофессионализм и абсолютная некомпетентность* первого помощника Л.В.Ш. видны уже не только знатокам искусства. Это было прекрасно доказано на пресс-конференции, которая проходила в Музее Востока (она есть в Интернете), где зачитывался изумительный документ, *присланный в Музей Востока самим Стеценко*. Если бы он понимал хоть что-нибудь в музейном деле, то никогда не отослал своим «врагам» этот документ. Он прислал им копию акта получения этих картин Русским музеем, куда они возвращались в нашу страну из-за рубежа. В этом акте поименованы **все 296 картин**, привезённые в нашу страну из Болгарии, где они были долгое время на выставке. Имея на руках этот потрясающий документ, Стеценко не смог разобраться в нём. Ничего удивительного, ведь он по своей основной специальности слишком далёк от искусствоведения.

Там же поименованы 14 картин, которые должны были быть отправлены обратно в Болгарию, потому что Святослав Николаевич решил их подарить болгарским друзьям. Они все поименованы в этом общем списке. Кроме того, там было указано, что сам художник три картины заменяет на другие. Картина «Дева снегов» заменялась на «Холм Тары». Картина «Александр Невский» заменялась на «О, грядущий» («О грядущем»). Картина «Рассказ о Шамбале» заменялась на картину «Серафим» («Терафим»). Так в этом акте ясно сказано, что картина «Дева снегов» должна быть заменена на другую. Однако в своих публикациях МЦР настойчиво спрашивал, куда Музей Востока подевал «Деву снегов»? Из документа, *пришедшего из...* МЦР (!) в Музей Востока, становится ясно, что и «Дева снегов», и «Александр Невский» были изъяты из состава выставки самим Святославом Николаевичем. Уже в Бангалоре он продал их крупному индийскому коллекционеру Кеджривалу, с которым знакомы многие российские рериховеды, в том числе и специалисты из Музея Востока. Только в МЦР этого не знают или *не хотят знать*. Какое-то время все эти 296 картин (как единая выставка) путешествовали по городам СССР; а когда она приехала в Москву, то в ВПХО необходимые 14 картин из 296 были отобраны и отправлены в Болгарию. В результате осталось 282 произведения. Эта коллекция долго путешествовала по другим городам и потом была передана на хранение в Музей Востока. И вот в этом списке из Болгарии (на английском языке) и затем в следующем акте о передаче в Одессу О.Румянцева проставила инвентарные номера Музея Востока. Всё вновь сошлось и подтвердилось, что всё находится на месте, ни одна картина никуда не пропала.

И разница в названии картин, как мы видим, вполне естественна. Так, в Русском музее название одной из картин Николая Константиновича перевели с английского (это можно прочитать в списке из Болгарии) как «Та, которая ведёт». Но её авторское название – «Ведущая» и потому именно под ним она значится в Музее Востока. Или же «Тирон получает послание», авторское название – «Весть Тирону» и т.д. То есть, проделана работа по сверке и уточнению авторских названий произведений. Причём это не только работа искусствоведов из Музея Востока, но коллективный труд, в котором участвовали рериховеды и почитатели творчества Николая Константиновича из тех городов, по которым проехала эта выставка... В результате большой исследовательской работы сотрудники ГМВ

выяснили точные названия многих картин, что было утверждено фондовой комиссией. Например, более 40 маленьких горных пейзажей имели по списку название «Гималаи» без каких-либо ещё сведений. Но сотрудники музея обратили внимание на то, что если посмотреть на обороте, то там стоит геометрический значок с неким номером в середине. Затем Владимир Васильевич Соколовский (составитель каталога художественного наследия Николая Рериха) обнаружил на квартире Юрия Николаевича Рериха списки картин, сделанные самим Николаем Константиновичем. В результате он-то и раскрыл тайну загадочных значков с номерами на оборотной стороне картин. Оказалось, что геометрический значок означает год написания картины, а номер соответствует названию картины по авторскому списку этого года. В итоге в Музее Востока смогли обозначить картины их правильными изначальными названиями, которые им дал сам автор. Так, у одной картины из серии «Гималаи» оказалось название «Серебряное царство», а у другой – «Гималаи. Розовый восход» и т.д. Таким образом, Музей Востока проделал большую и очень нужную работу. Позднее известный рериховед из Русского музея Валентина Павловна Князева опубликовала в музейном сборнике специальную статью на эту тему. На пресс-конференции обратили внимание на то, что «наследие, оставленное нам семьёй Рерихов, столь обширно и многопланово, что до сих пор остаётся ещё недостаточно изученным и оцененным, а потому нуждается в самом разностороннем научном изучении без всяких ограничений и предвзятости. Это огромное поле для научной работы, где достаточно места для всех заинтересованных исследователей».

Сотрудники Музея Востока на этой пресс-конференции выглядели неизмеримо спокойнее и увереннее, чем присутствовавшие там же представители МЦР. Они говорили, что имиджу музея Востока МЦР своими происками наносит тяжёлый урон, что им просто невозможно и дальше терпеть многолетние обвинения в адрес музея в том, что десятки картин заменены подделками. И они бы хотели, чтобы собравшиеся представители прессы, наконец, рассказали людям о том, что все эти обвинения – неправда и что в ГМВ все картины находятся на своих местах и в прекрасном состоянии. С этой пресс-конференцией и её стенограммой может ознакомиться и сегодня любой желающий, заглянув в Интернет...

Итак, именно Стеценко передал Музею Востока перечень 296 картин, которые привёз в 1974 году С.Н.Рерих, чтобы в год столетия его великого отца устроить в СССР мощные выставки и ознакомить с творчеством Рерихов как можно больше своих соотечественников... Лично мне тоже есть что сказать по поводу этих картин. Благодаря знакомству с П.Ф. Беликовым (см. **Приложение № 7**) я попал в Академию художеств и в Третьяковскую галерею в 1974 году в тот момент, когда картины были только привезены, поэтому имел счастье видеть все эти шедевры. Я был в числе гостей, специально приглашённых на эти выставки после их монтажа ещё до их официального открытия, и мог вполне насладиться, часами рассматривая все 296 шедевров. Там же мне удалось сделать много снимков самого С.Н. Рериха на фоне этих картин, который давал интервью на английском языке, видимо, для иностранных тележурналистов. Чуть позднее, благодаря помощи того же П.Ф.Беликова, я принёс около сорока больших фотографий в гостиницу «Советская» на Ленинградском проспекте, где остановилась чета Рерихов, и подарил этот репортаж с открытия выставок С.Н.Рериху. Он долго и с интересом рассматривал все фотографии вместе с Девикой Рани, после чего у меня состоялась более чем двухчасовая беседа с великим Художником. Когда я уходил, Святослав Николаевич подарил мне свой фотопортрет с дарственной надписью, сделанной его красивым почерком, а также на обратной стороне бланка Международной телеграммы он написал свой адрес в Бангалоре, приглашая обязательно приезжать к нему. И портрет, и этот бланк с адресом я храню как драгоценные реликвии (см. **Приложение № 7**).

Итак, чем же обусловлен такой напор «иерархов» МЦР, такая лютая злоба, такая беспощадная война «не на жизнь, а на смерть» с Музеем Востока? Почему «тройка» продолжает натиск, вводя в заблуждение общественность и надеясь, что натиск и деньги помогут отобрать картины?

Завет о единстве, или как сделать частное – общим...

Что было привезено из Бангалора в 1990 году?

Если бы я не был причастен ко всему, о чём здесь пойдёт речь, то и не писал бы эти соображения-воспоминания. Но мне кажется, что я имею право высказать *свою точку зрения* именно

потому, что достаточно хорошо знаю проблему изнутри. Во-первых, я видел всю коллекцию картин в тот момент, когда их привезли из Индии в нашу страну в 1974 году. Во-вторых, с самого начала 70-х гг. я часто бывал в квартире Ю.Н.Рериха и хорошо знаю, что значит «**половина** Наследия старших Рерихов». Этого, к сожалению, не знает практически никто в Москве и в России за исключением умершей Ираиды Михайловны Богдановой и, присосавшегося к наследию подобно вампиру, Васильчика Виктора Юлиановича. Не знают потому, что так и не был составлен список (перечень) всех сокровищ, привезённых на родину великим востоковедом. Пока был жив хозяин квартиры, вроде и не нужно было составлять какие-то списки. Слишком молод он был, когда вернулся на родину (56 лет), чтобы составлять завещания и списки, а когда внезапно умер, то уже Ираида Михайловна (под влиянием Вити) не захотела допустить специалистов. Они сами возжелали всё приватизировать... Мне же повезло увидеть практически все артефакты, которые тогда ещё хранились в этой квартире.

Так получилось, что накануне приезда в Советский Союз Святослава Николаевича на празднование 100-летнего юбилея Н.К. Рериха И.М. Богданова попросила меня отснять на слайды *всё, что привёз Ю.Н. Рерих из Индии*. Имелись в виду, конечно, произведения искусства (картины, древние танки, тибетская бронза, археологические находки и другие раритеты). Я с радостью согласился, так как самому было интересно увидеть (да ещё и подержать в руках) эту богатейшую коллекцию. Полагаю, что она (возможно, под давлением Васильчика) попросила меня это сделать потому, что у них были замыслы писать статьи и книги (особенно в юбилейный год), а для книг нужны были иллюстрации. Вот они, узнав, что в своей художественной практике я отснял уже многие тысячи слайдов и имею опыт в пересъёмке, решили этим воспользоваться. Тогда я не знал, что нигде нет списков всего того, что привёз на родину этот великий учёный. Может быть, я бы по-другому отнёсся к представившейся мне уникальной возможности и как-то тайком смог бы записать всё, что увидел. Много дней снимал прямо на балконе этой квартиры при солнечном свете (для наилучшей цветопередачи) один за другим прекрасные экспонаты, которые приносили и уносили Витя с Ираидой Михайловной. Ни о какой фиксации всего, что отснял, я даже не думал.

Кроме этого, они поставили условие – не выносить плёнки для проявки из квартиры, видимо, чтобы я не смог сделать для себя копии отснятых слайдов. Пришлось разворачивать прямо в ванной комнате квартиры Юрия Николаевича лабораторию для проявки слайдов. В то время я снимал на цветную обрабатываемую фотоплёнку Орвохром УТ18 и УТ21 и всегда обрабатывал эту плёнку сам. Более тысячи слайдов было отснято тогда мною в квартире Юрия Николаевича, проявлено и оставлено Богдановой и Васильчику. Конечно, я никогда не пожалею, что тогда потратил много дней на эту работу (да ещё сам покупал и плёнку и химикаты), так это позволило мне увидеть и подержать в руках действительно бесценные сокровища. Много было и предметов, добытых из-под земли руками Н.К. и Ю.Н.Рерихов (настоящих археологов). И Н.К. Рерих с юности страстно увлекался археологией, и Юрий Николаевич, ещё будучи студентом Гарварда, писал в своих письмах о том, что по его глубокому убеждению «Средняя Азия – это Египет будущего, в смысле археологических открытий». Конечно, Юрий Николаевич привёз с собой в Москву то, что было так дорого ему, как учёному, что напоминало о радости открытий, которую они многократно переживали вместе с отцом, находя бронзовые статуэтки Кришны или других божеств, пролежавших в земле не одно тысячелетие. Где сейчас эти бесценные во всех отношениях раритеты?

Теперь и читателю становится ясно, почему я утверждаю, что знаю, как выглядит первая *половина* Наследия. Поэтому, когда я увидел то, что привезла Л.В. Шапошникова из Бангалора в 1990 году, был весьма удивлён, насколько же скуднее оказалась эта вторая «половина». Судите сами: в 1990 году Л.В.Ш. привезла более четырёхсот небольших гималайских этюдов, хранившихся в имени Татгуни в чулане в сундуке без рам. Многие этюды за десятилетия слиплись между собой, поэтому требовали реставрации. Кроме этих этюдов было привезено несколько больших картин Н.К. и С.Н.Рерихов, немного личных вещей Рерихов, некоторые украшения Елены Ивановны да небольшие статуэтки тибетской бронзы и библиотека, явно уступающая библиотеке Юрия Николаевича, которую я хорошо знаю, так как Ираида Михайловна Богданова разрешала мне работать с этой библиотекой в кабинете Ю.Н. еще в самом начале 70-х годов. Глядя на привезённое Л.В., я с удивлением отметил про себя, что это всё и до «четвертинки» не дотягивает, не то что до *половины*. А где же те великолепные полотна Николая Константиновича, которые я видел на видеосъёмках Н.Бондарчук, отснявшей в имени Татгуни всё подробнейшим образом? Где хотя бы одна картина Тонкого мира, которых более полутора десятков написал сам Святослав Николаевич в

последний период своего творчества и о которых с восторгом рассказывали и сама Л.Шапошникова, и Н.Бондарчук? Где уникальная тибетская бронза? Вопросов много, ответа нет. Почему многое из того, что *предназначалось для передачи на Родину*, не было привезено в Россию, а было **украдено** из имени Татгуни после смерти С.Н. Рериха!

Вот как сама Л.В.Ш. описывает пропажу бесценного Наследия, украденного Мэри Пунача из имени С.Н. Рериха после его смерти: «Большинство картин некогда богатой рериховской коллекции отсутствует. Не обнаружено 80 процентов коллекции древней тибетской и монгольской бронзы, насчитывавшей 2500 экземпляров, собранной Николаем и Еленой Рерих во время их Центральноазиатской экспедиции в 1925–1928 годах. Когда в конце апреля производилась опись в присутствии Мэри и давних друзей Рерихов, знакомых с их коллекцией, была обнаружена пропажа многих бесценных экземпляров. 80 процентов утвари, хранившейся в коробках и кладовке, отсутствует. Это включает порядка 50 тибетских икон-танок, собранных братом С.Н.Рериха Юрием Рерихом в начале 40-х годов и привезённых в Бангалор Святославом из России в 1960 г. Они считались самой лучшей коллекцией танок в мире. Именно эта коллекция и другие бесценные предметы похищены. Это преступление против человечества».

Написанное Л.В.Шапошниковой требует комментария. Итак, по порядку: «Большинство картин некогда богатой рериховской коллекции отсутствует». Значит, не только видеосъёмка Н.С.Бондарчук, но и сама Л.В.Ш. подтверждает, что в имении младшего сына была богатая коллекция картин Н.К.Рериха. Почему же по завещанию родителей С.Н.Рерих в 1990 г. *не отдаёт* большинство этой богатой коллекции в создаваемый в России музей? Ведь он должен был выполнить их волю и отдать вторую *половину* Наследия. С.Н.Рерих прекрасно знал, что и в каком объёме привёз на родину его старший брат. Но он по каким-то причинам отдаёт Шапошниковой и Житенёву, кроме гималайских этюдов, только несколько картин Н.К., оставляя львиную долю в имении, хотя не мог не понимать, что после их с Девикой ухода из жизни имение вполне может быть разграблено (что и произошло на самом деле).

О богатейшей коллекции древней тибетской и монгольской бронзы Л.В.Ш. рассказывала нам ещё до отъезда в Бангалор за Наследием. Прекрасно помню, как мы, думая о том, где же брать большие средства на реставрацию усадьбы Лопухиных, строили планы выпуска, скажем, ста наборов копий тех уникальных *больших* тибетских и монгольских бронзовых скульптур, которые должны были прибыть в СФР в составе Наследия. Искали даже исполнителей, кто мог бы качественно сделать эти копии из бронзы. Всего сто наборов с соответствующими сертификатами были бы очень привлекательным приобретением для новых русских. Вот на вырученные деньги (тогда ещё спонсора не было) и можно будет начинать ремонт-реставрацию усадьбы Лопухиных для размещения в ней Музея им. Н.К. Рериха. Но из 2500 экземпляров уникальной коллекции Л.В.Ш. не получила ни одного экземпляра из многочисленных *больших по размеру* древних изделий бронзы. Большой позолоченный Будда стоял в углу спальни Юрия Николаевича в его московской квартире. Но Шапошникова не получила ни одной скульптуры, подобной скульптуре Будды. Привезла только немного маленьких статуэток, подобные которым и сегодня легко можно купить в Индии и Непале. Кто бывал в этих странах – прекрасно знает, что в комиссионных магазинах вполне реально купить достаточно уникальные бронзовые изделия прошлых веков, не говоря уже о тысячах подделок, которые неспециалист на глаз не отличит от подлинных.

«80 процентов утвари, хранившейся в коробках и кладовке, отсутствует». Наверное, Л.В.Ш. и сама прекрасно знает, что хранилось в кладовке, так как за три месяца, проведённые ею в имении в 1990 году, у неё была возможность увидеть и перебрать своими руками всё. Знает она, что там хранились «порядка 50 тибетских икон-танок, собранных братом С.Н.Рериха Юрием Рерихом в начале 40-х годов и привезённых в Бангалор Святославом из России в 1960 г. Они считались самой лучшей коллекцией танок в мире». Это была действительно *самая лучшая* коллекция танок, так как Юрий Николаевич был непревзойдённым знатоком тибетской живописи. Его большой *научный* труд на эту тему появился, когда автору было всего... 21 год. Комментарии нужны ещё и потому, что не все поймут, почему С.Н. привёз их *из России в Индию* в 1960 году. Эти танки были тем немногим, что забрал «на временное хранение» младший брат из половины Наследия, привезённого на родину в 1957 году Юрием Николаевичем. Почему же из этой уникальнейшей коллекции С.Н.Рерих не отдал Шапошниковой если не все эти танки, то хотя бы малую толику? Ведь вся коллекция уже побывала в России. Её в своё время уже привёз старший брат. Значит, *все эти танки, по завещанию старших Рерихов, принадлежат России*. Нет, он *не отдаёт их Шапошниковой*, оставляет в Бангалоре... И всю

эту бесценную коллекцию украла Мэри Пунача. Конечно, нельзя не согласиться с Л.В.Ш., что это воровство – «преступление против человечества», но что же произошло в имени Татгуни, если из второй половины Наследия С.Н. Рерих не отдал слишком многое, предназначенное ранее для передачи на родину?

Почему Людмила Васильевна с гордостью говорила нам, что она намотала на палки скомканные и выброшенные художником неудачные холсты, которые она нашла в углу мастерской? Имела ли она право их привозить для показа в музее, если сам Мастер их выбросил? Что же произошло там, в Бангалоре, раз эта вторая «половина» явно не идёт ни в какое сравнение с первой, увиденной мною за 16 лет до привоза второй «половины» в квартире Юрия Николаевича? С собой на родину старший брат привёз бесценное наследие – более 400 (!) картин отца и библиотеку семьи: более пяти тысяч томов. Кроме этого, великий учёный привёз ещё огромное количество прекрасных танок и множество бронзовых статуэток, многие из которых он вместе с отцом своими руками извлекал из земли при раскопках (всем известно, как бесконечно любил археологию Н.К.Рерих).

Мы знаем также, что из этой огромной половины Наследия Юрий Николаевич отдал много картин, книг и раритетов в Институт востоковедения и в Музей Востока, где они и находятся с тех пор в Мемориальном кабинете Н.К.Рериха. Обратите внимание, он, прежде всего, отдаёт значительную долю Наследия не куда-нибудь, а именно в тот *Музей Востока*, с которым «не на жизнь, а на смерть» потом начнёт войну Шапошникова. Юрий Николаевич не ищет по всему земному шару Людмилу Васильевну, чтобы именно ей как «посланнице Иерархии» отдать часть Наследия, а сразу отдаёт туда, куда нужно, – в Институт востоковедения и в Музей Востока. Л.В. Шапошникова (считаясь специалистом по Индии и живя там) даже не удосужилась познакомиться с Юрием Николаевичем – великим учёным-востоковедом. Оно и понятно. Не те жизненные планы были у неё. Да и о миссии Рерихов и об Иерархии она тогда ещё не знала.

Юрий Николаевич подарил также 60 (!) работ Н.К.Рериха Новосибирской картинной галерее, хотя об этой коллекции мечтали многие музеи Москвы и Ленинграда. Ю.Н.Рерих был очень неравнодушен к Сибири, её столице и даже планировал перебраться в известный всему миру Академгородок. Если бы не внезапная смерть выдающегося востоковеда, может быть, так бы и случилось. Надышавшись столичным смрадом, он вполне мог переехать поближе к Алтаю и к любимому Востоку...

Даже человеку, далёкому от проблем рериховского движения, из вышесказанного становится ясно, сколь весомой была *половина* Наследия, которую привёз на родину старший сын. Вот почему меня не могла не удивить вторая «половина». Картин слишком мало, да и библиотеку, привезённую из Бангалора, нельзя сравнить с библиотекой Юрия Николаевича... Всё привезённое в 1990 году выглядело бедно и бледно при сравнении с первой половиной. Может быть, Л.В.Шапошникова привезла огромное количество новых, никому не известных рукописей Рерихов? Не знаю. Но, судя по всему, и здесь не приходится говорить об абсолютной новизне. Думаю, что и рукописный архив МЦР содержит массу рукописей, которые есть и в других архивах. По всей видимости, уникальных рукописей слишком мало. Иначе, почему так болезненно реагирует Л.В. Шапошникова на публикации «Сферой» в России тех материалов, которые есть и в архиве МЦР. Рерихи (к их чести) позаботились о том, чтобы их труды не пропали, и сумели раздать копии основных архивных материалов в разные страны. Есть эти архивы и у г-на Энтина в Музее Рериха в Нью-Йорке. Я был в этом музее дважды и просто обомлел от этой настоящей сокровищницы. Весь трёхэтажный особняк в Нью-Йорке буквально забит великолепными картинами Н.К. Рериха, которые висят даже на лестничных маршах, так как для них не хватает места в залах американского музея.

Итак, привезённая из Бангалора вторая «половина» Наследия заметно уступает первой. Позднее, узнав, что Мэри Пунача вывезла из Бангалора после смерти Святослава Николаевича *пять грузовиков* с картинами, бронзой и другими ценностями, которые она просто выкрала из имения Рерихов, я про себя подумал: «Вот где многое из Наследия, что по каким-то причинам не было отдано Л.В. Шапошниковой». О том, что на самом деле произошло в Бангалоре, правду от самой Л.В.Ш. мы никогда не услышим. Она творит свой миф, и все события под этот миф подгоняет. Её напарник по отбору Наследия С.Ю.Житенёв тоже вряд ли поведаёт миру правду...

Зато теперь становится понятной война Л.В.Ш. «не на жизнь, а на смерть» с Музеем Востока за 282 полотна Рерихов. Те, кто хорошо знают Л.В.Ш., говорят, что, не получив то, на что она рассчитывала, и понимая, что привезённая ею «половина» до настоящей половины Наследия не дотягивает, Л.В.Ш. и затеяла эту войну, надеясь, что в случае её победы экспозиция музея будет

выглядеть достойно, и ни у кого тогда в будущем не возникнет вопроса, *почему же Святослав Николаевич не отдал в её руки всё, что было завещано его родителями* и предназначалось для доставки в Россию. Так как оба «миссионера» молчат, то мы можем только попытаться реконструировать реальную обстановку и ту борьбу вокруг Наследия, которая завязалась тогда и продолжается до сих пор...

Детей и родственников, которым супруги Рерихи могли бы передать столь грандиозное Наследие (не только старших Рерихов, но и своё), у них не было. Оба супруга подошли к 90-летнему рубежу, за которым явно оставалось немного времени до ухода на другой план Бытия. Неужели они (и особенно Святослав Николаевич) не понимали, что с оставшимися в имении художественными ценностями может произойти непоправимое, тем более зная, что собой представляет Мэри Пунача, нависшая над состарившимися супругами как злой дух? Думаю, что Святослав Николаевич понимал. Тогда почему же вторая половина Наследия, привезённая в Москву Л.В. Шапошниковой и С.Ю. Житенёвым, оказалась более чем скромной?

Возникает следующее предположение. Может быть, *поведение* наших героев в имении Татгуни было настолько недопустимым, что Святослав Николаевич резко ограничил число картин и других раритетов, которые ранее планировал отдать в Россию? Зная характер Л.В.Ш., я вполне допускаю, что она могла повести себя не совсем так, как должен вести себя человек воспитанный. На протяжении долгих лет работы с Л.В.Ш. видел проявления грубости, которые сама героиня рассматривает как великие достоинства, которыми и должен обладать настоящий воин.

Кстати, сразу после приезда в Москву Л.В.Ш. говорила нам, что Девика, видите ли, мешала их работе, но она *умела с ней справиться*. Как она с ней справлялась, мы тоже узнаем не скоро... Вполне можно и Девике Рани понять. Приехали двое малознакомых ей субъектов (особенно, шустрый комсомолец), ведут себя *в их имении* вызывающе, как у себя дома... Девике Рани было уже около 90 лет (а, возможно, и больше). Абсолютной адекватности от неё уже трудно было ожидать. У пожилого человека вполне могло сложиться впечатление, что пришлые люди «грабят» её дом... Кстати, оба супруга жили большую часть времени пребывания гостей в их имении в гостинице, а не дома. Почему? Может быть, когда-нибудь мы услышим объяснения от второго участника отбора Наследия С.Ю.Житенёва. Говорят, что он вёл там дневник, записывая всё, что происходило изо дня в день. Только вряд ли мы и от него услышим правду. Этот бывший работник ЦК ВЛКСМ только усугубил обстановку. Мне до сих пор больно и непонятно, почему в Бангалор Шапошникова взяла с собой именно Житенёва, хотя вполне могла взять кого-то другого (в том числе, и меня). Не гордыня, а боль заставляют меня делать такие заявления после реальной оценки привезенного из Бангалора и попытки понять, почему так всё получилось. Абсолютно уверен, что можно было бы привезти другое по составу наследие (несравненно богаче привезённого). У меня, кстати, уже был опыт общения со Святославом Николаевичем. Он запомнил наше знакомство в конце 1974 года и нашу беседу в январе 1975 г. Более того, уже была позади третья встреча, на которой он сам предложил развернуть Оптический театр под одной крышей с музеем Рериха. То есть я хочу сказать, что на меня С.Н.Рерих реагировал положительно и относился с интересом к тому, что я делаю, т.к. вопросы Синтеза искусств интересовали и его и Н.К.Рериха.

Не уверен, что ему был столь же интересен С. Житенёв. К тому же можно предположить, что развращённый властью С.Ю. Житенёв вёл себя с точки зрения С.Н. Рериха достаточно заносчиво и без должного пиетета перед великим художником. Полагаю, что и помощник Людмиле Васильевне в той огромной работе, которую нужно было проделать в имении Татгуни, был из Сергея Юрьевича не самый лучший. Вот почему я уверен, что моё искреннее восхищение талантом Святослава Николаевича, уважительное отношение к нему и Девике Рани, заинтересованная ежедневная помощь Людмиле Васильевне, создали бы тогда другую атмосферу, в которой и Шапошниковой, возможно, не нужно было бы так нервничать и грубить хозяевам. Уверен и в том, что мне удалось бы в разговорах с С.Н. Рерихом рассказать ему, что *я видел и знаю всё Наследие*, которое привёз его брат Юрий Николаевич (этого, конечно же, не мог знать Житенёв). Я точно знал от Ираиды Михайловны, что С.Н. забрал после смерти Ю.Н. почти всю коллекцию бесподобных танок, которые собрал выдающийся востоковед. Думаю, что уговорил бы его вернуть эту коллекцию в Россию, раз она уже была туда привезена и входила в первую часть Наследия. Кроме этого я попытался бы показать ему, что и мы понимаем сколь велика роль этих двух половин Наследия старших Рерихов в судьбе России. Уверен, что он бы пошёл навстречу и отдал бы иное по количеству и качеству Наследие. Нет в моих предположениях ничего нереального. Это никакое не самомнение, а глубинное ощущение,

что так бы и произошло. Но Л.В.Ш. разыграла (как всегда) партию по своему усмотрению и своему пониманию...

Духовное Солнце не должно угаснуть

Как я это понимаю, по великому замыслу старших Рерихов соединение двух половин Духовного Наследия в России, переживающей столь грандиозные перемены в XX веке (и, добавим, находящейся в начале XXI века буквально над пропастью небытия), должно было сыграть огромную роль в восстановлении великой суверенной Державы. Но для этого обе половины Наследия должны были дойти до России *в должном объёме*, а на родине ответственные (горящие идеей возрождения страны) люди должны были сделать всё, чтобы эти **ПОЛОВИНЫ** соединились в одно **ЦЕЛОЕ**. Тогда можно было бы ожидать того, что происходит при соединении двух половин ядерного вещества. Эти половины Наследия, соединившись, составили бы «критическую массу» Духовного заряда, что привело бы к выделению огромной Энергии, столь важной для пассионариев, ещё живущих на просторах России, и для подпитки нашего национального Эгрегора. Это появление нового Светила на духовном небосклоне нашей Родины было бы чрезвычайно важно для спасения России – Сердца Мира. Вот каков был, по всей видимости, замысел старших Рерихов. Именно на этом я бы и попытался в Бангалоре сконцентрировать внимание С.Н. Рериха. А теперь сами посмотрите, что сделано с этими двумя половинами Наследия... Ни Васильчиков, ни «тройка» из МЦР не сделали нужных шагов, чтобы выполнить столь судьбоносное и важное задание. Эти субъекты, как всем теперь очевидно, утонули в эгоистической борьбе за собственное возвеличивание, а не за будущее России.

Давайте задумаемся в суть происходящего. Великий человек (Ю.Н. Рерих) привозит на родину духовное сокровище (*половину Наследия, призванную сыграть очень важную роль в жизни народа*). Приезжает в страну (вместе с прислугой: Людмилой и Ираидой) и размещает это сокровище сначала на частной квартире. К сёстрам Богдановым он, естественно, относится *как к родным людям*. Люди такой высочайшей культуры и такой скромности, как Юрий Николаевич, никогда не будут тыкать прислуге и унижать её человеческое достоинство, поэтому в квартире, которую они получили, царили родственные отношения. Но суть дела от этого не меняется. Никто из Рерихов никогда сестёр не удочерял и каких-либо иных попыток сделать (юридически) их членами семьи не предпринимал. Это важное замечание, чтобы потом не было путаницы. Я сам много общался с Ираидой Михайловной, оставшейся в квартире наедине с Сокровищем после ухода с земного плана и Юрия Николаевича, и её сестры Людмилы. Около пятнадцати лет я был в прекрасных отношениях с Ираидой Михайловной, пока «Витюня» не завладел всем и не прекратил доступ в квартиру Ю.Н.Рериха тем, кого *он считал «врагами»*. И у Вити тот же приём, что и у «тройки» из МЦР, – искать и находить врагов в несметных количествах и прекращать им доступ к архивам документам и другим духовным сокровищам. Дальше он стал впускать в квартиру тех, с кем он разговаривал уже языком цифр. Что сколько стоит... Есть и такие видеозаписи.

В.Ю.Васильчик уже давно усиленно корчил из себя... реинкарнацию Н.К.Рериха, хотя это было жалкое зрелище. Вот такое наваждение у человека, далёкого не только от Рерихов, но и от Культуры вообще. Когда человек утверждает, что он Василий Иванович Чапаев, то его помещают в специальное лечебное заведение. Но когда Витя твердил, что он – Николай Константинович Рерих, то его почему-то не изолировали, а оставили в квартире великого учёного для её разграбления... Этот человек с таким странным воображением почувствовал себя полноправным хозяином не только московской квартиры, но и всего привезённого Ю.Н.Рерихом Наследия...

Меня просто поражает в этой истории то, что в своё время в огромной стране не нашлось силы, которая решительно поставила бы всё на свои места. Понятно, что власти страны виноваты в первую очередь. Но власть – понятие почти абстрактное. И никогда чиновники не были оплотом духовности, особенно в нашей стране. Значит, не нашлось таких организаций и таких деятелей Культуры, которые показали бы и доказали властям, что нужно решительно пресечь поползновения какого-то фанатика завладеть этим *бесценным наследием*. Всегда недоумевал, почему тот же Музей Востока не бил во все колокола или Институт востоковедения не сделал всё возможное, чтобы забрать из частных рук то, что принадлежит народу. С обеими этими организациями напрямую был связан Юрий Николаевич. Его там не просто знали и любили. Только там и могли по-настоящему понять и оценить всё значение привезённого из Индии в Россию духовного Наследия и активно

воздействовать на власть, чтобы забрать это сокровище у случайного человека, к тому же ещё и неадекватного.

Для того чтобы показать, что это было абсолютно выполнимо, приведу только один пример. Я хорошо знал в 70-е годы Эдуарда Наумова, который возглавлял в СССР направление парапсихологии, явно тогда не приветствуемое властью. В его квартире тоже хранилось наследие, которое, конечно, по значимости не шло ни в какое сравнение с тем, что хранилось в квартире Юрия Николаевича. Э. Наумов за многие годы собрал массу кинофрагментов, на которых были запечатлены самые поразительные случаи врачевания людей и вообще нетрадиционного воздействия человека на окружающий мир. Там были и бескровные операции филиппинских хилеров, и мексиканские врачеватели, и опыты с Кулагиной и Розой Кулешовой, и другие уникальные факты. Многие Э.Наумову присылали из-за рубежа, но кое-что он снимал сам или участвовал в съёмках. Я ему тоже иногда помогал в этом. В частности, в 1980 году я помогал ему снимать фильм о феномене Джуны Давиташвили.

Его кинонаследие заинтересовало власть (органы КГБ). Наумову предложили по-братски поделиться тем, что он накопил. Он отказался. Тогда власть показала, как она может поступать, *если ей что-то нужно*. Наумов просто не дошёл до своего дома и оказался в тюрьме, в общей камере на 40 человек с одной парашей, рядом с которой его и определили. Вся камера курила махорку, а он вообще не курил и дыма не переносил. Посидев в адских условиях, Наумов готов был всё отдать. Но его там продержали долго. Дома у него сделали обыск, нашли всё, что хотели, сделали со всего копии. И *года через два* его, наконец-то, выпустили.

Итак, в России не нашлось людей, которые смогли бы отстоять великий дар Рерихов, и он *до сих пор* (!) остаётся в руках не совсем адекватного человека, который не ведает, что творит. Зная всё ухудшающуюся ситуацию с духовным Наследием, я уже давно пытался обращаться к тем, кто имел власть или обладал достаточной харизмой, чтобы повлиять на власть, но всегда сталкивался с необъяснимой нерешительностью и даже каким-то страхом. Это меня просто поражало. Да что же это за Тараканище такой, что все его боятся? Не стала, к сожалению, исключением и такая всегда напористая и храбрая Тигро-Львица Л.В.Шапошникова (Л.В.Ш. – Тигр по году рождения и Лев по месяцу).

В 2003 году я раздобыл неопровержимые доказательства того, что Васильчик превратил квартиру великого учёного (особенно его кабинет) в настоящий склад, в перевалочную базу китайских челноков, забив всё до отказа разной электронной аппаратурой, предназначенной для продажи. Имея на руках видеозапись и фотографии этого кошмара, я пришёл к Л.В.Ш., чтобы она от имени МЦР дала бой этому выжившему из ума типу. Я уже заранее предвкушал, как она, имея на руках такой козырь, наконец-то расправится с узурпатором первой половины Наследия. Представлял, как Витя вылетит из квартиры учёного и будет, наконец, сделана опись хотя бы того, что осталось.

Но радовался я напрасно. Реакция Л.В.Ш. меня поразила. Она перешла чуть ли не на шёпот, когда я заговорил об этом и положил разоблачающую Васильчика видеокассету ей на стол. Я спросил, в чём дело, ведь мы сидим вдвоём в кабинете, в приёмной ничего не слышно. Но Шапошникова выразительно показала на телефоны и стала потихоньку рассказывать, что за этим типом стоят какие-то страшные силы. «ФСБ, что ли?», – спросил я её. Но она начала говорить о том, что есть силы пострашнее КГБ или ФСБ и что мы в этой ситуации ничего не можем сделать. Я не верил своим ушам и смотрел с изумлением на бесстрашного «посланника Иерархии». Куда подевались бойцовские качества, когда дошло до настоящего, действительно архиважного дела. Своих подданных могла разорвать пополам из-за критики в свой адрес, а когда потребовалось мужество и решимость для *спасения Наследия*, – ничего сделать не смогла. ***А разве не для этого создавался Международный Центр Рерихов, чтобы сделать реальностью соединение двух половин Наследия?***

Судя по тому, что спустя шесть лет ничего не изменилось и «тройка» так и не предприняла реальных шагов по спасению Наследия, привезённого в страну Ю.Н.Рерихом, можно попытаться сделать уже некоторые выводы... Факты говорят о том, что «тройка» сознательно допустила разворовывание квартиры Юрия Николаевича дальше. Дошло до того, что по ТВ показали сюжет, как некие грабители приставили лестницу (это к ЧЕТВЁРТОМУ-то этажу), украли много ценнейших картин из музея-квартиры великого учёного-востоковеда. Квартиры, в которой Витюня, воображающий себя реинкарнацией Н.К., живёт, спит и «сторожит» её... Надо полагать – от всех

порядочных людей, но только не от воров. Нет сомнения, что была разыграна инсценировка ограбления, автором которой является всё тот же бессменный «страж» сокровищ первой половины Наследия. Почти СОРОК лет этот «страж» находится в святом месте, и нет силы, которая могла бы его оттуда изгнать.

Не странно ли, что, объявив войну «не на жизнь, а на смерть» Музею Востока, в котором картины находятся на законном основании и сохранены в прекрасном виде для потомков, «тройка» не объявила войну этому узурпатору сокровищ? Очевидно нежелание руководства МЦР спасти первую половину Наследия, ибо кроме жалких заявлений о том, что, дескать, сидит там какое-то вредоносное существо, на практике НИЧЕГО не сделано, чтобы разворовываемое на глазах у всех Сокровище спасти. К этому можно добавить и другие очень красноречивые факты.

Так получилось, что 27 февраля 2000 года я попал в тот дом в Калимпонге, в котором жили Е.И. Рерих и Ю.Н. Рерих до самого ухода Е.И. с земного плана. Попал я туда не случайно, а помчался после того, как услышал, что этот дом продаётся, что есть уже покупатель и что скоро этот дом будет переделан под гостиницу. Попасть в него уже в 2000 году было очень трудно, но нам помогла Барбара, возглавляющая Институт тибетской медицины, расположенный совсем недалеко от дома Рерихов. С особым чувством мы обошли весь этот дом, узнав, что буквально на другой день, 28 февраля, туда въезжает новый хозяин, который сразу же начнёт ремонт, перепланировку и рытьё бассейна. Опоздай мы всего на один день, и уже ничего бы не увидели. Я отснял подробнейшим образом всё внутри и снаружи этого дорогого всем, кто любит Рерихов, дома. Грустно было при мысли, что никто из почитателей великой семьи не увидит больше этого дома в том виде, в каком его видели Е.И. и Ю.Н. Рерихи.

Особенно огорчал тот факт, что рериховцы России пытались собрать соответствующую сумму для того, чтобы выкупить этот дом, не отдать его на поругание, – но выкупить так и не смогли. За дом была назначена цена в сто тысяч долларов, и почти половину этой суммы удалось собрать. В Москву из Санкт-Петербурга приехал хорошо известный всем рериховцам вице-президент Международной лиги защиты культуры М.Н. Чирятьев. Он сказал Л.В. Шапошниковой, что собрана почти половина суммы, не попросит ли она у спонсора недостающую сумму, чтобы срочно выкупить этот дом в Калимпонге. Наверное, он тоже тогда почти не сомневался, что Л.В.Ш. поможет спасти памятный всем дом. Но и тут произошло то, что я до сих пор не могу понять. Шапошникова, которая на удовлетворение своих прихотей по бесконечным переделкам экспозиции музея тратит суммы в десятки (!) раз больше требующейся для спасения дома Рерихов, отказалась помочь, и дом был продан. Его уже начали переделывать в отель, когда я приехал в коммуны Живой Этики в Италии по приглашению её руководителя Серджи Бартоли. Там рассказал об увиденном в Калимпонге, посетовал, что так и не удалось спасти дом Рерихов. Они уже слышали об этом, но толчком к принятию окончательного решения, возможно, оказалось большое количество фотографий дома Рерихов – все интерьеры и экстерьер, которые я привёз им в подарок. Там, где я как раз и ожидать не мог, всё решилось мгновенно. Итальянцы дом Рерихов тут же выкупили, и теперь постепенно возвращают ему прежний облик. Отныне дом всегда доступен тем, кому дороги Рерихи. Думайте, господа, думайте, вместо того, чтобы катить вал кумирни в будущее...

Именно факты заставляют задуматься над многим.

Не выдержала Л.В. Шапошникова (как теперь становится очевидным) испытания ни властью, ни деньгами, ни «медными трубами». Важно разъезжает она последние семнадцать лет на персональной машине. Начинала с чёрной «Волги». Было это давно. Я как-то сказал ей в шутку, что чёрная «Волга» у нас, точно как в обкоме партии. Л.В.Ш. разозлилась, но чёрную «Волгу» сразу же заменили на серую. После чего спонсор покупает ей всё более и более дорогие иномарки. Личный шофёр привозит её изредка в музей, ставя этим на дыбы всю охрану. При въезде Л.В.Ш. на территорию «режимного объекта» охрана наполняет эфир тревожно-торжественной вестью: «Генеральный директор прибыл на территорию объекта». Когда она уезжает, то всегда звучит в эфире другая стратегически важная весть: «Генеральный директор покинул территорию охраняемого объекта».

Музей стал режимным объектом, подобным воинской части или ракетному дивизиону, а Знамя Мира стараниями «тройки» стало товарным знаком. Теперь только вымолив (или выкупив?) у МЦР разрешение, другие смогут пользоваться этим знаком, который, по замыслу Н.К. Рериха, предназначался для использования любым культурным учреждением. Напомню также, что в основе знака Знамени Мира лежит символ, известный людям много тысячелетий. Когда я впервые услышал

на заседании правления, что МЦР сумел запатентовать Знамя Мира, то сначала опешил от неожиданности, а потом, чтобы заставить задуматься Л.В.Ш., сказал: «Давайте подсуетимся, может быть, нам звезду и свастику удастся запатентовать, если ещё никто не додумался». Шапошникова посоветовала мне не умничать, и была очень довольна, что этот **товарный знак** теперь в её руках.

Приведу только один пример позорных деяний руководства МЦР после такой важной для них приватизации. Не успели запатентовать этот знак, как сразу же нашлась работа для исполнительных «помощничков». А. Стеценко взял в руки большой список «врагов» и начал писать письма, приказывая немедленно прекратить пользование знаком Знамени Мира, ибо отныне он – собственность МЦР. Такое письмо получила и редакция журнала «Дельфис», который создала изгнанная талантливая журналистка Н.А.Тоотс, работавшая в МЦР в первые годы его становления. Стеценко грозил ей санкциями, если она немедленно не снимет или не изменит этот знак на обложке журнала. Тоотс вынужденно изменила знак на обложке журнала, прекрасно понимая, что *эти* не отступятся, а суд она никогда не выиграет. Сотрудники «Дельфиса» создают журнал буквально за собственные деньги. Наталья Александровна решила до суда не доводить, ибо в судах эти иезуиты поднаторели. Деньги на суды МЦР истратил уже огромные, и на все будущие суды имеется большой запас, так что держитесь и трепещите все, кому этот знак понравился. Отберут его эти приватизаторы духосферы непременно. Переписка между МЦР и журналом «Дельфис» была опубликована в юбилейном номере журнала (№3 за 2008 год), который праздновал своё 15-летие. За 15 лет самоотверженной работы небольшого коллектива, выпускающего этот журнал под руководством Н.А.Тоотс, которую 16 лет назад Шапошникова тоже выгнала из МЦР, заслужил признание у многих его читателей-почитателей. Я и сам все 15 лет с большим интересом читаю этот журнал. Все эти годы дружил с коллективом, издающим уникальный журнал. Неоднократно сам публиковался в этом журнале. Полагаю, что далеко не все смогли прочитать этот юбилейный номер и не все смогли насладиться перепиской и дивным стилем товарищей из МЦР. Поэтому я даю эту переписку как **Приложение № 8**. Не удержусь, чтобы не процитировать полковника Стеценко: «В соответствии с пунктом 1 статьи 4 Закона РФ от 23.09.1992 3520-1 "О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров" Вам подлежит прекратить использование принадлежащих Международной общественной организации "Международный Центр Рерихов" товарных знаков и сообщить нам об этом. *Первый заместитель генерального директора Музея им. Н.К. Рериха А.В. Стеценко*». Вот такие орлы помогают Шапошниковой в святом деле борьбы со всеми, кто посмеет использовать их **личный товарный знак** без их на то соизволения...

Не сотвори себе кумира, или роль Л.В.Шапошниковой в становлении МЦР

Понимаю, как дорог шапошниковцам облик Л.В.Ш., который сложился в их восприятии на основе рукотворного мифа, созданного ею самой и её «придворными». Понимаю, как трудно пересилить себя и рискнуть посмотреть правде в глаза. Но тогда задайте *ей* вопросы, которые освещены выше. Или попробуйте сами ответить на них. Пробудите вашу собственную мысль. Поймите, вокруг вас мир, в котором пролегает и ваш *неповторимый* путь (желательно, к высокой цели). И никто его за вас не пройдёт. И обожаемая вами Л.В.Ш. *вам лично* идти по этому пути помогать не будет. Поэтому нужно надеяться *на себя* и много трудиться. Нужно стараться реально меняться к лучшему, а не болтать об этом и млеть, взирая на кумиров. «Пытайтесь», – часто повторяла Е.П. Блаватская...

Никто у Шапошниковой не отнимет её реальные заслуги, никто не станет отрицать её незаурядную энергию, её бойцовские качества. Но разве не важно, на что именно направлена её энергия, для чего используются её бойцовские качества? «По делам их узнаете их!» Вот и давайте спокойно посмотрим на дела Шапошниковой, на её отношение к людям, на ту атмосферу в рериховском движении, которая сложилась из-за бесконечных войн, организуемых ею и её «оруженосцами». Отнюдь не преувеличение, что *войны эти нанесли огромный урон отечественной культуре, поломали много судеб, оттолкнули от Рерихов многих потенциальных последователей Учения*. Это тоже – правда, которую вижу не только я, но и многие, соприкасавшиеся с МЦР. Трудно не увидеть огромный ущерб от деятельности Л.В.Ш. и её сторонников. Ущерб этот, возможно, превышает то положительное, что за те же годы сделано в МЦР под руководством Л.В.Ш.

Реставрацию имени Лопухиных я не отношу к заслугам Шапошниковой, как это ни покажется странным для многих. Объясню почему. У неё был шанс отреставрировать усадьбу буквально за

полтора-два года и запустить Центр-Музей *на полную мощность* ещё в 1993 году. Вот если бы она использовала *тогда* реальную возможность быстрой и качественной реставрации и сделала это, тогда это было бы выполнение наказа С.Н. Рериха «Медлить нельзя» и тогда это была бы её заслуга. Кстати, все, нападающие на Л.В.Ш. в начале 90-х гг., использовали тот факт, что усадьба Лопухиных долго ещё стояла в руинах, как главный козырь против неё. Этот козырь был бы выбит из рук противников быстрой и качественной реставрацией. Время показало, что О.Н.Зеге, предложивший свою помощь Л.В.Ш. ещё в 1991 году, – не прожектёр, как подумали две тётки, а человек слова. Уже при новой власти то СМУ №9, которым он руководил некоторое время и после распада Союза, как я уже писал выше, проявило просто чудеса при строительстве многочисленных банков и гостиниц, втискивая их между стоящими домами без рытья котлованов, а применяя метод «стена в грунте». Он и здание усадьбы сумел бы поднять из земли и полную реставрацию осуществил бы молниеносно. Согласись с его предложением – она проявила бы смелость, дальновидность и мудрость, сберегла бы большой потенциал, который был у её сторонников в самом начале 90-х гг., сохранила бы друзей, которые в самом начале ещё окружали её.

Сегодня в 2009 году главное здание усадьбы в основном отремонтировано. Архитекторы провели замечательную реставрацию. С огромным чувством такта, невероятно бережно восстановлено Красное крыльцо усадьбы. Только Л.В.Шапошникова здесь, по сути, ни при чём. Все эти годы над воссозданием облика усадьбы Лопухиных трудится команда из трёх настоящих профессионалов, любящих своё дело. Это – главный архитектор проекта Ирина Давыдовна Любимова, архитектор Ирина Рудольфовна Байда-Красавцева и отвечающий за все строительные дела Владимир Анатольевич Родионов. Уверен, что так же тщательно и профессионально была бы проведена реставрация и в 1991–1993 годы. Потому что архитекторы были бы *те же*, только им в помощь была бы придана тогда большая команда **профессионалов-реставраторов и мощнейшая строительная техника**. Уже 15 лет великолепная многопрофильная культурная организация, каковым по замыслу и должен быть МЦР, выполнив наказ Святослава Николаевича «Медлить нельзя!», могла бы радовать всех огромным количеством культурных акций, от которых в нашей столице было бы намного светлее. А так черепашьями темпами, страшно медленно и долго идёт стройка веков и тысячелетий под руководством Л.В.Ш. Это – очень своеобразный ответ Л.В. Шапошниковой на столь однозначный призыв С.Н.Рериха.

Правда жизни в том, что все годы существования СФР-МЦР идёт война. МЦР генерирует не столько свет, сколько сумерки сознания... Тут меня поклонник Л.В.Ш. схватит за руку и возмутится: «А кто же тогда все эти годы выпускает книги, кто создал необычную экспозицию музея, кто установил памятники всем Рерихам во дворе музея, кто проводит ежегодные конференции, кто создал прекрасный журнал "Культура и время", кто проводит выставки современных художников и передвижные выставки, которые видели жители десятков (если не сотен) городов, кто организует музыкальные вечера, кто организовал в МЦР Оптический театр? Разве это не культурная жизнь, разве это не заслуга Шапошниковой?» Дорогие защитники обожаемого вами кумира, успокойтесь. Это – культурная жизнь, и это – заслуга Шапошниковой. Но только для тех, кто знает ситуацию извне, всё это – героические усилия и подвиги самой Л.В.Шапошниковой, а для тех, кто знает её изнутри, выглядит всё совсем иначе...

Кратко объясню всё по порядку...

Книги выпускает Шапошникова, но, в основном, свои, очень дорогие, не пользующиеся особым спросом. Ими забиты складские помещения... И они отнюдь не широко и не быстро расходятся... Конечно же, выпускаются и книги Рерихов, но сравните сами выпущенные публикаторским отделом МЦР за последние десять лет книги Шапошниковой и книги Рерихов. Качество, тираж и прочие параметры. Вы увидите непропорционально большой процент книг Л.В.Шапошниковой в общем перечне всего опубликованного Центром РЕРИХОВ. С количеством всё понятно. Что же касается качества трудов Л.В.Ш., посвящённых жизни великой семьи, и особенно её трилогии о Мастере, – смотрите критический анализ О.Ешаловой «Сказочница от рериховедения. Путешествие по книге Л.В.Шапошниковой "Мастер"» (см. также в этой статье выше).

Экспозицию музея вымучивают почти 12 лет... Я уже рассказывал, как сложилась ситуация с созданием музея. Л.В.Ш. отвергла предложение О.Н. Зеге, упустив из-за своего упрямства потрясающий шанс быстрой и качественной реставрации усадьбы. Так же получилось и с созданием экспозиции...

Примерно в 1996 году Л.В. Шапошникова вызвала меня и сказала, чтобы я брался за разработку экспозиции музея. В усадьбе Лопухиных на втором этаже есть десять залов, вот в них и будет развёрнута экспозиция. Я отказывался, говоря, что только что завершил строительство театра, что театр уже работает и все программы в нём веду лично сам. Доказывал, что мне необходимо заниматься обновлением всего инструментария театра. Не менее важно работать и над обновлением репертуара, и над повышением качества программ, которыми я сам был очень недоволен, но времени на это не хватало. Убеждал её, что дополнительная нагрузка будет мне просто не под силу и не лучше ли поручить эту работу кому-нибудь другому. Но Людмила Васильевна настаивала, чтобы за создание экспозиции Музея Рериха отвечал именно я.

Делать было нечего. Но я не просто подчинился её приказу. Скажу честно, что меня самого внутренне увлекала мысль поработать над экспозицией, тем более что, работая шесть лет в МПСС (Министерстве промышленности средств связи), я принимал участие в оформлении ответственных выставок за рубежом, в которых участвовал Советский Союз. К тому же, у меня было много связей в художественном мире...

Помню, что принялся за эту задачу с большим энтузиазмом и желанием. Конечно, я не собирался (и не мог) делать эту экспозицию сам, поэтому обратился к профессионалам, в мастерстве которых не сомневался. Остановил свой выбор на двух опытных художниках, у которых за плечами был уже не один музей. Пригласил В.В. Надёжина и П.Б. Пророкова (сына известного художника Пророкова Бориса Ивановича).

Вместе облазили всю усадьбу Лопухиных, в которой шли ремонтно-восстановительные работы. Обмерили все десять залов. Долго сидели над эскизами. Они предложили единый строгий, элегантный стиль оформления всех залов. Это было вполне в духе Рериха: сурово, сдержано, красиво и очень профессионально. Они показали эскизы в организации, через которую выполняли бы этот заказ. Там сделали предварительный расчёт стоимости всех работ. Художники предупредили, что их эскизы будет обсуждать и утверждать художественный совет. Стало ясно, что музей получится на славу.

Окрылённый, я пошёл к Л.В. Шапошниковой доложить, что мы готовы представить ей все наработки. Но когда мы втроём вошли в её кабинет, последовало то, с чем я и до этого и позже многократно сталкивался, но к чему были совершенно не готовы приглашённые специалисты. Людмила Васильевна строго спросила, сколько будет стоить этот проект. Художники намеревались вначале показать ей эскизы и рассказать, какие идеи родились, но она остановила их и снова спросила ледяным тоном: «Сколько это будет стоить?» Пришлось начинать с ответа на этот вопрос, хотя Л.В.Ш. даже не взглянула на эскизы.

«Все десять залов с полностью готовой экспозицией, с витринами и всем, что будет необходимо для каждого зала, по предварительным расчётам, обойдётся около 200 тысяч долларов, то есть по 20 тысяч долларов за каждый зал. Но мы подчёркиваем, что выполним работу, как говорится, под ключ. Вам останется только пригласить журналистов и открыть музей...» Но Людмила Васильевна не дала им договорить. Она просто зашла от негодования, что они посмели назвать такую несуразную цифру. «Дорого, – сказала она, – меня это не устраивает. До свидания». Я пытался её переубедить, просил хотя бы взглянуть на эскизы, но она была непреклонной и, по сути, выставила нас в коридор. Я готов был сквозь землю провалиться. Было крайне неудобно перед солидными людьми, профессионалами, которых удалось уговорить разработать эскизы будущей экспозиции. Я уже не говорю, что и эта работа должна быть оплачена, но выгнать мастеров своего дела – это и есть стиль общения Л.В.Ш. с людьми. Уговорил я этих настоящих мастеров своего дела только потому, что знал В. Надёжина к тому времени уже более 25 лет. Они были удивлены, посочувствовали, что я имею «счастье» работать с таким руководителем, и ушли. Позднее я пригласил художника А. Григорьева, но и с ним Шапошникова разговаривать не стала, хотя он просидел над эскизами не один день. Поражённые её грубостью, художники говорили, что они не понимают, как я могу работать под руководством такого человека и мириться с таким отношением...

Порученную мне экспозицию делать было невозможно, ибо Шапошникова сама стала вмешиваться во все детали ежедневно и ежечасно. Понимая, что это не изменится и что она при её авторитарности всё равно не отстанет и не успокоится, я сказал ей, что раз она сама за всё берётся и не даёт мне сделать порученную ею же работу так, как я это вижу, то и смысла никакого нет в моём присутствии. Или отдайте эту работу под мою ответственность, или я самоустраняюсь. После этого я перестал искать художников и думать над экспозицией, так как все мои усилия были напрасны, а

найденных мною профессионалов она даже не соизволила выслушать. Зато она сама с небольшой когортой доверенных лиц чуть ли не ежедневно обходила реставрируемую усадьбу, во всё вникала, всем давала указания. Казалось бы, что же здесь плохого? Редкий руководитель будет так себя нагружать и лично контролировать каждый шаг специалистов. Но я постараюсь на одном, но ярком примере показать, насколько «полезным» было такое её дотошное вмешательство во все детали. Таких примеров можно было бы привести много. Именно они затянули реставрацию до бесконечности и привели к огромному ничем не оправданному перерасходу денег спонсора, а потом и денег из Фонда Е.И. Рерих.

Пример этот, думаю, многие запомнили. По крайней мере, свидетели того, что произошло. Както в очередной раз обходя усадьбу, Л.В.Ш. спустилась в подвал, в котором должен был расположиться после реставрации гардероб. За ней спустились и сопровождающие её лица, – спонсор Б.И. Булочник, главный архитектор проекта реставрации усадьбы Лопухиных И.Д. Любимова, архитектор И.Р. Красавцева, зам. Л.В.Ш. В. Макаренко, ещё несколько человек, – всех и не запомнил ваш покорный слуга. Тогда я ещё принимал участие в таких обходах, хотя позднее с огромным облегчением от этой чести сам отказался. Когда мы спустились в подвал, то рабочие уже наклеили там линолеум (он в первые годы применялся во многих местах, т.к. сразу паркет или другие дорогие материалы спонсор, видимо, не мог оплатить). Л.В., увидев наклеенный линолеум, просто зашлась от ярости. Кто посмел без её утверждения наклеить такой плохой (с её точки зрения) линолеум? Рабочие, которые уже готовились прибивать плинтуса, с изумлением слушали весь этот спектакль-фарс. На суровый вопрос нужно было отвечать, и главный архитектор, смущаясь, ответила, что это она выбрала такой именно линолеум и по её распоряжению его уже наклеили. Повисла тягостная тишина.

С моей точки зрения выбор Ирины Любимовой был идеален. Лучшего варианта просто не найти. Линолеум замечательно подходил для подвального помещения. На нём очень реалистично были изображены большие куски плоских камней неправильной формы, которые были подогнаны друг к другу. Создавалось впечатление, что пол подвала вымощен этими каменными плитами. Что могло лучше подходить для подвала особняка? К тому же, там должен быть гардероб, следовательно, всё пространство будет заставлено вешалками с одеждой, поэтому его почти не будет видно. Именно поэтому я решил разрядить затянувшуюся паузу и сказал, обращаясь к Л.В., что, по-моему, линолеум подобран со вкусом и вполне подходит для подвала. Кроме этого, его УЖЕ приклеили и оторвать будет трудно. Жалко и денег и труда... Но тут меня Шапошникова прервала и обратилась к спонсору, спросив его довольно резко, неужто ему будет жалко денег, чтобы закупить другой линолеум, более соответствующий с её точки зрения для помещения гардероба. Борис Ильич поспешно заверил, что денег ему не жалко.

– Вот и хорошо, – сказала Л.В. Тут же она приказала сорвать, так задевший её *эстетическое чувство*, линолеум. Рабочие с огромным трудом, чертыхаясь, начали отрывать по небольшому куску, т.к. за два дня всё основательно присохло. Раньше бы осенило мадам, любой из них с удовольствием забрал бы этот линолеум себе на дачу... Сорвать-то сорвали, но что делать дальше? Как купить такой линолеум, который устроил бы привередливого «иерарха»? Принести образцы из магазинов невозможно. Никто этого не делает. Нужно было объехать много магазинов и выбрать нечто особенное. Кто будет ездить? Не сама же Шапошникова... Заместителем у неё тогда был другой полковник запаса – Макаренко (не путать с полковником Стеценко). Макаренко, понимая, что деваться ему некуда, решил послать по магазинам... фотографов МЦР. Они должны были снимать все образцы имеющихся в продаже сортов линолеума, потом вечером проявлять плёнки и печатать цветные фотографии, чтобы утром положить их на стол Л.В.Ш. Тогда ещё не было цифровой техники и цветных принтеров. По крайней мере, в МЦР.

Долго тянулась эта история, пока не надоела всем, даже самой Шапошниковой. Видимо, она ткнула на первый попавшийся на глаза образец, чтобы покончить с этим. Купили и наклеили новый линолеум, утверждённый самим «иерархом». Естественно, он оказался намного хуже того, что уже был выбран специалистом – главным архитектором проекта. Но Л.В. была довольна, что и в этот раз вышло так, как *она* хотела. Сегодня этот линолеум заменили на ламинат. Этот пластмассовый пол, видимо, наиболее соответствует тому, что было в усадьбе Лопухиных несколько веков назад. И так было всегда и во всём. Именно поэтому я решил самоустраниться. Логичнее было не путаться под ногами «начальства», раз оно само за всех всё решает. Вот пусть оно и покажет, на что оно способно, раз никого слушать не желает...

Оценить усилия «космического иерарха» вы можете сами. Столько мишуры набито в музей за 12 лет, что самому рериховскому наследию места остаётся всё меньше и меньше... Профессионалы могли бы сделать экспозицию Музея им. Н.К.Рериха за два месяца несравненно лучше и качественнее, чем сделала сама Л.В.Ш. за двадцать лет. Мало того, что *это было бы лучше*, но и обошлось бы МЦР (точнее, спонсору) *в десять раз* дешевле. Это цифра достаточно точная, а не написанная для красного словца. Вместо двухсот тысяч долларов, которые просили за свою работу профессионалы, на бесконечные переделки залов и экспозиции потрачено уже *не менее двух миллионов* долларов. Упрямство и гордыня Л.В.Ш. все эти годы брали верх... Тогда она была намного активнее, чем сейчас. Это и понятно. В то время, когда постепенно ремонтировали один за другим залы будущего музея, ей было 69-70 лет, а не 83, как сегодня.

Никогда не забуду штурма накануне назначенного дня открытия музея в 1997 году, когда срок этот, почему-то, уже отодвинуть было нельзя. Штурмовщину советских времён молодые увидели воочию. Падая с ног от усталости, мы создали экспозицию в страшной спешке *буквально в последнюю ночь*. По главной лестнице (только что покрытой лаком!) мы тащили наверх огромные стеклянные витрины, будто собирались открывать универмаг, а не музей Художника, в котором самое главное – его картины. Только за эти витрины, выбранные, кстати, Л.В.Ш., было заплачено фирме в Германии более *трёхсот тысяч* долларов. Позднее Шапошникова прикажет их почти все *выбросить* из музея. Некоторые на... свалку, которая располагалась тогда в том помещении, где расположен сегодня гараж МЦР.

В витринах нужно было расставлять бронзовые статуэтки, украшения и другие мелкие экспонаты. Но подставок для них не было. Я предложил Шапошниковой сделать их из дуба. В этой дикой неразберихе уже было не до изысков. Она дала добро, и я полночи строгал дубовые бруски, отпиливал от них на циркулярной пиле кубики разных размеров, снимал фаски, шлифовал их. Сделал около семидесяти подставок. Показал их Л.В.Ш. и сказал, что потом можно будет в спокойной обстановке заменить их на что-то более подходящее. Удивительно, но и спустя 12 лет эти кубики так и остаются в витринах. На них примерно так же расположены экспонаты, как мы их разложили в ту штурмовую ночь. Под утро мы подвешивали тяжеленную люстру в фойе, проявляя обезьянью ловкость и буквально героизм. Слава Богу, что и люстру не уронили, и никто не погиб, хотя ходили по краю... Входя в музей, поднимите голову, посмотрите на эту большую и тяжёлую люстру и представьте себе, как можно было подвесить её *на такой высоте* без лестниц и лесов...

Отвергнувшая профессионалов Л.В.Ш. всё же вынуждена была найти дизайнера, которому платила наличными долларами. Фамилия дизайнера была – Пейда. Помню, что я, хоть и падал от усталости, но всё же зафиксировал этот момент, подумав, что небеса всё видят и подают нам знаки. *Вместо Пророкова и Надёжина – Пейда...* Пейда был один вечер с нами. Он наклеил несколько фотографий, развесил их и растаял в воздухе. За что ему заплатили *такие* деньги, мы так и не поняли...

Жаль, что Шапошникова не послушала совета и не захотела доверить экспозицию настоящим профессионалам. И этого дикого штурма не было бы, и музей в центре столицы не был бы таким лоскутным одеялом, в котором всё спорит друг с другом, в котором она допустила любительские диорамы, уместные разве только в музее уездного городка, но никак не в столичном. Хотя бы не писали, что это сделано по картинам Н.К.Рериха, – настолько слабо и совсем не по-рериховски всё это выглядит.

И *деревянная* мелкая пластика, висевшая годами в Русском зале на стенах *голубого* цвета, больше подходила для ресторана, но никак не для музея Н.К.Рериха. Сибиряки присылали замечательные крупные элементы деревянной резьбы из кедра, но Шапошникова распорядилась их выбросить на помойку. Мы подобрали их и использовали в отделке Оптического театра. Да и диорамы могли бы быть вполне приемлемыми, так как их начал создавать киевский художник В. Козар. Он уже сделал небо для диорамы «Идолы». Это было несравненно лучше того, что потом оставила Шапошникова. Увидев мощные (действительно в духе Рериха) облака, написанные В. Козаром, Шапошникова и их распорядилась выкинуть на свалку. Я не дал разломать эту заготовку на диораму, выполненную в виде полуцилиндра, и забрал её в фойе Оптического театра. Юный 18-летний скульптор С.Титов вырезал из дуба идолов, и мы осуществили свой вариант диорамы по мотивам картины Н.К.Рериха «Идолы», написанной им в 1901 году. Более десяти лет эта диорама украшала фойе Оптического театра, пока её после пожара тоже не приказали выбросить на свалку. Подобрали, конечно, добрые люди... Обещаю восстановить её на Светлояре.

Я уже не говорю о том, что скоро трудно будет понять, чей же это всё-таки музей: Рериха, Шапошниковой или скульптора Алексея Леонова. Практически все картины Николая Константиновича рассмотреть в этом музее очень трудно. В защитных стёклах этих картин отражаются в одних залах люстры и светильники, в других – фриз со светящимися слайдами. На этих больших слайдах – фотографии, сделанные самой Шапошниковой и другими авторами. Так как фризы опоясывают зал со всех сторон (зал Трансгималайской экспедиции), то у посетителей не остаётся никакого шанса найти хоть одну точку, с которой картины Н.К. Рериха не бликовали бы. Зрители годами высказывали своё неудовольствие. Они пришли посмотреть именно *живопись великого Мастера*, а видят всё что угодно, только вот картинами полюбоваться очень трудно. Сейчас почти все стёкла заменены на специальные, которые должны гасить все блики. Но даже это не спасло ситуацию до конца: в антибликовых стёклах всё равно отражается светящийся фриз...

Зал Агни Йоги был закрыт почти три года. Вначале Л.В.Ш. попросила меня найти художника, который сделал бы макет этого зала. По её же замыслу – человек, входя в этот зал, должен был попадать как бы в открытое космическое пространство. Задача в общем виде поставлена, нужно было крепко подумать, как это сделать, раз уж Л.В.Ш. решилась на столь кардинальную переделку этого зала музея.

Обратился к художнику А. Григорьеву, чтобы он взялся за эту очень непростую работу. Помогал ему делать макет, насытив предполагаемое Действо в этом зале светодинамическими композициями. Макет получился очень интересным, и идея на макете выглядела убедительно и красиво. Звёздное небо окружало вошедших в этот зал со всех сторон. Специальное небьющееся стекло должно было покрывать пол этого зала. Под стеклом – чёрный фон, что делало пол идеальным зеркалом. В нём и отражалось бы звёздное небо, которое мы придумали, как сделать ярким и убедительным. На потолке была бы медленно вращающаяся галактика или Млечный путь с сияющим ярким созвездием Ориона. Двери в оба зала закрывались бы на время сеанса. Их перекрывали бы такие же тёмно-синие пластины, какими были бы все стены со сверкающими звёздами, которые после сеанса сдвигались бы, уходя за дополнительную стенку, без которой всё задуманное не получилось бы. В таком сияющем звёздной россыпью объёме человек чувствовал бы себя в открытом космосе, висящим в невесомости среди звёзд.

Кроме этого я придумал совершенно новый способ подачи картин в глубине специальных боксов, имеющих внутреннее освещение и защищающих картину на века от любых случайностей (наводнение, пожар, больные посетители и т.п.). Особенно интересной была стена противоположная входу в зал. Там три больших окна (глубиной 60 см). Этого было достаточно, чтобы в центральном окне сделать либо скульптурное изображение сидящей в кресле Е.И. (вспомним знаменитую фотографию Елены Ивановны в кресле с нимбом), либо знаменитая картина Н.К. «Агни Йога», переведённая в объём, на которой изображена женщина с протянутой вперёд рукой. На ладони у неё горит неопалюющее пламя вечного духовного поиска. По бокам располагались огромные друзы столь любимых Е.И. кристаллов, в которых в различных артефактах отражалась история человечества... А в двух других окнах вполне можно было разместить солнечный инструментарий Оптического театра, с помощью которого на двух просветных экранах зрители увидели бы свето-звуковой поток Мистерии Жизни...

Естественно, наш макет был отвергнут Л.В.Ш. с порога. Она его раскритиковала и приказала выбросить, как уже много прекрасных вещей до этого было выброшено ею. Зато оставлены были в музее далеко не самые лучшие. Тут уж ничего не поделаешь. Человек проявляет *свой* вкус...

Но вот что интересно. Когда зал Агни Йоги, наконец-то, открылся, и я пришёл посмотреть на то, что же там три года изобретала Людмила Васильевна, то был потрясён тем, что она попыталась реализовать *именно наш макет*, присвоив, конечно, авторство себе. О том, что автором является Л.В.Ш., зрителям говорит даже специальная табличка в красивой рамке на стене этого зала. Авторства не жалко. Жаль изувеченной идеи. Истолковав всё чисто по-своему, по-шапошниковски, и не поняв, что всё задуманное можно было быстро, точно и недорого сделать даже своими силами, она долго, дорого и плохо сделала этот зал, исковеркав буквально всё в нашем замысле, добавив от себя устрашающую конусную грудку головок величайших людей, Вестников Эволюции, но расположив их композиционно конусом в духе верещагинского «Апофеоза войны»... Правда, сверху на конусе восседает то ли Мать Мира, то ли сама Мать Агни Йоги, но светящийся вокруг неё нимб из светодиодов говорит об особом вкусе автора этой «горки». В Европе во многих католических храмах вы можете увидеть подобную картину. Там Мадонны и в кольце светодиодов, и

даже «очень прилично» одеты. Но это признак настоящей безвкусицы. Это – кич. Естественно, что такого в нашем макете точно не было. А ведь идею открытого космоса, действительно вначале предложила сама Шапошникова. Но одно дело – абстрактная идея, и другое – её художественное и дизайнерское решение.

Если Л.В.Ш. будет утверждать, что это – гнусные наветы «врагов» и что ВСЁ она сама придумала, то можно её сильно «обрадовать», выставив на суд общественности наш макет... «Рукописи не горят!» Так и наш с А.Григорьевым макет не сгорел во время пожара в театре. Выброшенный за ненадобностью, он уцелел физически и был ещё не весь разобран любителями отвинтить что-нибудь для «дома, для семьи», когда я увидел его в столь жалком состоянии. Из тяжёлой коробки, в которой был заключён весь макет я аккуратно всё демонтировал и перенёс в лёгкий корпус. Жалко было нашей многомесячной работы, которая была бы просто уничтожена, как уничтожено ВСЁ, что составляло наш театр. Когда сотрудники охраны по приказу полковника Стеценко бросали всё, чем был наполнен наш театр, в два огромных мусорных контейнера, они буквально со слезами на глазах просили этого не делать, т.к. многое ещё вполне можно было использовать. Но слепая ярость, жгучая ненависть и желание по сильнее отомстить двигало этим человеком, и он остался неумолим: «Всё на свалку!»

А вот макет остался жив, и любой непредвзятый человек, а тем более специалист, может сравнить то, что мы предлагали, и что сделала Шапошникова. Вот уж где просто вопиет непрофессионализм. Звёздное небо и на стенах получилось тусклым, не говоря уже о потолке. Я мог бы легко и просто сделать живым звёздное небо на потолке этого зала, где мерцали бы, как живые, звёзды. *При этом аппараты не были бы видны вообще.* Кроме этого в центре потолка сиял бы Орион, как это видно и на нашем макете. Всё это придавало бы глубинный смысл, т.к. огромную роль в Учении Живой Этики играет Камень, связанный с Орионом. Шапошникова, чтобы утереть нам нос, заказала за рубежом два огромных слайд-проектора, каждый величиной со средний холодильник. Эти проекторы стоят у противоположных стен зала у всех на виду и попеременно проецируют на потолок звёздное небо, но оно – такое бледное, хилое, что его открытым космосом никак не назовёшь. Сами слайды не очень качественные, некоторые из них даже поцарапаны. И вся эта «красота» должна дать зрителю ощущение живого космоса, Дальних Миров, зов которых был услышан чуткими душами, давшими людям Учение? Видимо почувствовав, что это явно не то, Л.В. приказала отключить эти аппараты. А может быть западная техника уже сломалась. Мои друзья ходили не раз в музей, но так и не увидели звёзд на небе (потолке) вообще.

Зато Шапошникова и в новом зале разместила под потолком фриз из светящихся слайдов, чем окончательно убила идею открытого космоса. Тем более, что этот приём уже был ею использован в других залах: Пакта Рериха и Трансгималайской экспедиции. Но фантазии на большее не хватило. От бликов светящегося фриза в этом зале спасает картины Рериха отчасти то, что Л.В.Ш. всё же велела разместить источники света между картиной и защитным стеклом, как я и предлагал. Но вместо задуманных мною глубоких стальных ящичков, в которых картина видна вместе с рамой (!), она заказала рамы, в которых приклеены ряды столь распространённых сейчас полосок светодиодов. Не знаю, кто её надоумил это сделать, но картины Рериха не только освещены мёртвым светом, но ещё и выглядят при этом *большими самосветящимися слайдами, а не подлинниками!* Мною были продуманы не только 100% защита шедевра от любых повреждений (пожар, прорыв отопления, больные люди), но и *солнечное* освещение полотен для абсолютно точной цветопередачи красок Мастера, ибо цвет играет в картинах Рериха главенствующую роль. Кроме этого хорошо была продумана теплоизоляция картин, поддержание внутри ящика всех параметров, необходимых для продления срока жизни картины (температура, влажность и т.п.). Но даже в таком виде, как сейчас, даже урезанная и искажённая, идея всё-таки работает и способна вызывать удивление зрителей. Ибо картины не бликуют, не отражают светящийся фриз под потолком, а кажутся самосветящимися. Жаль только, что мёртвый (холодный) свет, который дают светодиоды, нейтрализует, редуцирует истинную цветовую гамму полотен Рериха. Мою идею Л.В.Ш. так и не поняла, а гордыня не позволила переспросить или подключить меня, пока я ещё работал в МЦР. Всё делалось от меня в строжайшей тайне (под замком). Ну что ж, поздравим Л.В.Ш. *с авторством.* То, что она сотворила, – это и впрямь её видение, её понимание... Хозяин – барин.

Годами стоял закрытым от посетителей этот зал. Все ждали какого-то чуда. А открытие всё откладывалось. Оказалось, что просчётов и пробоев было предостаточно. Так особые рамы со светодиодами, изготовленные в Германии, оказались меньше размера картин. После выплаты за эти

рамы 17 миллионов рублей получить такой сюрприз для Шапошниковой было, видимо, нелегко. Подвели помощники, которым трудно было измерить истинный размер картин на подрамниках перед отправкой заказа в Германию. Поленились и взяли размеры картин из каталогов (!). И сделал это человек, поставленный вместо Э.Крампа руководить отделом развития музея. Это у них считается профессионализмом... Что же делать? Заказывать снова дорогие рамы или... *обрезать полотна Рериха* на 10-15 см, уменьшив картину до размера рамы. Думаю, что здесь читатель просто онемевает. Возможно ли, чтобы такой вопрос мог всерьёз обсуждаться музейными работниками? Но он обсуждался! Что было, то было. Я уже несколько месяцев не работал после изгнания, но, узнав об этом от одного из сотрудников музея, просил его сделать всё возможное, чтобы помешать этому безумию. Ведь это настоящее преступление. О каком вообще профессионализме правящей «тройки» в этом случае можно говорить? Благодаря упорству и сопротивлению честных людей, пришлось всё-таки отказаться от этого «обрезания» и заказать в Германии дополнительные рамы. Снова, в который уже раз пришлось снова тратить дополнительные средства...

Что касается *профессионализма «главного иерарха»*, то я был (и не однажды) свидетелем таких моментов, когда Шапошникова сурово отчитывала, например, профессионалов-фотографов, утверждая, что слайды картин – плохие и некачественные и что работу они должны переделать. Я сам видел эти слайды, и, имея большой опыт в пересъёмке, тоже мог оценить забракованное ею. Например, передо мной прекрасный слайд переснятой картины, внизу на снимке к раме картины приставлена специальная фотографическая шкала, на которой идеально воспроизведены все цвета. Значит, и на картине, отснятой вместе со шкалой, цветопередача верна. Но только не для Шапошниковой. Она не признавала никаких шкал, и никаких доводов, поэтому сурово требовала переделать. Может быть, особое цветовосприятие, а, может быть, некие... высшие соображения... Ну ладно, со своими можно для поддержания мифа так обходиться, но чтобы войти в историю фигурой, равной великим соотечественницам, нужно марку держать и за рубежом. Иван Платонов в своей статье (см. «Гора гордости») приводит цитату из книги кармического спутника Л.В.Ш. Галины Бибиковой «Я – Шапошникова»:

«В 1994 году мы с Л.В. были в Германии, в общине "Мировая спираль". Это был её первый визит и первое знакомство и с руководителем этой общины, и с самой общиной. Одной из целей командировки было утвердить макет и качество цветоделения готовящегося к совместному изданию альбома картин нашего Музея имени Н.К. Рериха. И вот тут-то они и столкнулись в работе лицом к лицу с Л.В. Рассматривая оттиск за оттиском, она не лила "розовой водицы", не "растекалась мыслью по древу", она просто сурово констатировала факт проделанной работы. У присутствующих, приехавших в мюнхенское издательское производство Р.Ольденбурга в полной уверенности в успехе, в прямом смысле, от неожиданности вытянулись лица, на них больно было смотреть! Да и сама я испытывала чувство раздвоенности в тот момент, надо было как-то снять возникшее напряжение, да ещё так, чтобы не спровоцировать Л.В. на очередную порцию гнева...

Неделю спустя Герхард Гавел вместе с Ингой, его женой, пришли навестить Л.В. Вручая ей огромный букет прекрасных роз, он с радостью ребёнка торжественно произнес:

– Я понял вас! Вы – как Блаватская! Та тоже была кипучая, деятельная. Была добрейшим человеком, но многим от неё доставалось! – и он сделал нарочито грозное лицо: брови его сошлись на переносице, глаза сурово впелись в Л.В., а кулаки сжались и выступили вперёд, как у боксёра на ринге. Все расхохотались дружно и весело.

Вот и я хочу, чтобы и другие поняли Л.В., как сумел понять её с первого же знакомства руководитель этой славной общины».

И опять для тех, кто не знает нашу героиню, а читает о ней такие откровения в книге её подруги или панегирики в журнале «Культура и время», – перед глазами встаёт образ суровой, решительной и принципиальной Л.В. Читатель, может быть, даже испытает чувство гордости. Знай, мол, наших. Мы и немцам спуску не дадим! Я же, прочитав сей пассаж, испытал чувство неловкости. Задним числом жаль было немецких профессионалов, которые опешили перед натиском «Старой Леди № 2». Только поспешил Гавел сравнить Л.В. с Блаватской. И Бибикова напрасно сослалась на милого старого Герхарда. Его стиль общения и его шутки я тоже изучил неплохо, так как побывал в этой славной общине «Мировая спираль» буквально через два года после визита туда Л.В. Наслушались мы вдоволь шуток и прибауток Гавела, его рассказов (даже с трибуны конференции) о своей молодой красавице жене Инге, которой было тогда далеко за шестьдесят. Так что вряд ли Герхард – самый авторитетный источник, чтобы с его слов судить о сходстве Л.В.Ш. и Е.П.Б.

Больше никому в голову как-то не приходило их сравнивать, особенно зная отношение Шапошниковой к Блаватской. Выражалось это отношение не только в том, что она посмела так пренебрежительно обрисовать нашу великую соотечественницу в своей книге «Дни и годы Мадраса». В Интернете есть интересный анализ серьёзного учёного того непостижимого пренебрежения, с которым эту «мошенницу» (Е.П.Б.) описала лихая рука Л.В.Ш. – члена Союза писателей СССР. Но это ещё можно было бы списать на время. Члену КПСС и члену Союза писателей СССР никак нельзя было дать положительный образ гонимой коммунистами Елены Петровны. А повторять байки о том, что она была мошенницей, и т.п. выдумки – можно. Но и в новой «демократической» России, когда уже сама Шапошникова всю ругала марксизм и большевиков, её отношение к Блаватской, по сути, не изменилось. И это тоже было очевидно всем, а не только тем, кто бок о бок работал с Л.В.Ш. десятилетиями.

У меня недооценка Блаватской со стороны Л.В. всегда вызывала, по меньшей мере, удивление. Как же можно не знать и не принимать Е.П.Блаватскую и одновременно считать себя самым большим знатоком Живой Этики? Е.И.Рерих (в отличие от Л.В.Ш.) бесконечно уважала и почитала Елену Петровну. Почитание её было безмерным. Именно Елена Ивановна перевела «Тайную Доктрину» Е.П.Б. И это Елена Ивановна утверждала: «Одна Блаватская знала». Хотя бы из уважения к Елене Ивановне (если Л.В. искренне и по зову сердца занимается Рерихами, а не

вершит *свою* карьеру в новых условиях) можно было историку, учёному, «организатору науки» тщательно проработать труды действительно великой, удивительной и во многом таинственной Е.П.Блаватской. Юбилей Блаватской в МЦР отметили, но как-то малоинтересно. Вроде хотели отделаться или провести мероприятие для «птички», как это часто бывало в советские годы. «Никаких тайн там нет», – в год 175-летия Блаватской пренебрежительно обронила Шапошникова о Е.П.Б. Да, неприязнь старая и закоренелая. И хотя уже не 70-е годы XX века, Л.В.Ш. никак не может простить Е.П.Б. всемирной славы и настоящего признания, по крайней мере, прослойкой думающих и ищущих людей. Она понимает, что у таких людей она никогда не сможет добиться ни признания, ни уважения, хотя бы потому, что масштаб несравним и потому что люди эти помнят, как сама Шапошникова буквально издевалась над Блаватской в своей книге «Дни и годы Мадраса»: «Блаватская никак не могла придумать что-нибудь такое, чтобы превзойти спиритов с их банальными духами. Наконец, подвернулся молодой архитектор Фельт... Фельт обнаружил, что египетские жрецы были великими магами и могли вызывать "духи элементов". Это уже было кое-что. Спириты не могли вызывать духи элементов. Вот тогда и пришла мысль создать Теософское общество. Это случилось в Нью-Йорке в 1875 году. 17 других спиритов дали согласие стать его членами. Новое общество объявило, что только оно владеет тайнами жизни, и потребовало к себе соответствующего уважения. Блаватская выступила с программным заявлением в спиритской прессе. Она сказала, что существует магия, которая делится на белую и чёрную. Спиритические круги Америки были потрясены. Почему они не додумались до такого? Теперь всем было ясно, что Блаватская и Олкотт их обскакали.

Вырождающихся самодуров, страдающих патологическими пороками, она (Блаватская) принимала за представителей особой расы. Князья принимали её по-разному. Одни не пускали её на порог, другие откупались подачками, третьи предлагали деньги, если Блаватская продемонстрирует свою "силу", но это не поколебало её веру в их "избранность".

В 1891 году Блаватская умерла. Олкотт пережил несколько неприятных месяцев, опасаясь, что тень Блаватской навсегда поселится в Адьяре. Но этого не случилось».

Я удивляюсь и возмущаюсь, что «тройка» сегодня оклеветала и изгнала многих светлых людей из приватизированного ею гнёздышка под боком у Кремля. Но ведь приведённая цитата ясно

демонстрирует, что это и есть главное, чем занималась уже тогда Л.В.Ш. В её книге большим тиражом была опубликована именно клевета и пародия на истинно великую, неповторимую Елену Петровну. Но как раз клевета на таких людей и поощрялась партийной верхушкой СССР. Как могла Л.В.Ш. не показать ей свою преданность. Нужно же было отработать то, что именно её А.Н.Косыгин заметил и предложил кандидатуру Шапошниковой на премию им. Джавахарлала Неру. Получив эту премию из рук самой Индиры Ганди, Л.В.Ш. поняла, что пришло время начинать творить миф о собственной исключительности. Вот она и взялась за главного «конкурента». Может быть, потом она и пожалела, что писала о великом человеке в таком недопустимом тоне. Но уж очень ей хотелось принизить роль Е.П. Блаватской, вот почему так издевательски она писала о великой соотечественнице. Если учесть, что в те годы это была единственная публикация о Е.П.Б., то можно только представить, сколько негатива она влила в души тех, кто инстинктивно чувствовал величие Блаватской и доставал её труды, преодолевая все преграды... Пренебрежение, злость и зависть так явно чувствуются в тексте Л.В.Ш., что поневоле перед глазами возникает повесть Ю.К. Олеси «Зависть». Могучее, непобедимое (для властолюбцев) чувство. Борьба с ним, научиться видеть себя в истинном свете Л.В. так и не смогла. А теперь уже поздно.... Интересно, что поддерживает веру самой Шапошниковой в её собственную избранность? Для неё, видите ли, нет никаких тайн в жизни Блаватской. Думаю, что никаких тайн нет и в жизни Л.В.Шапошниковой. А мифы о собственной исключительности, которые она в своих книгах и через собственный журнал так напористо внедряет в сознание тех, кто не может жить без кумиров, вскоре рассеются.

И **памятники во дворе** тоже дело рук незаменимой и гениальной Л.В.Ш. Но только лучше было бы ей и это поручить кому-то, имеющему вкус и понимающему в искусстве скульптуры. Но гордыня и самомнение не позволяет ей доверить кому-то другому, что бы то ни было. «Я сама!» – так и слышишь фразу, которую любят повторять дети в период становления.

Когда привезли первый парный памятник (стоящие рядом Н.К. и Е.И.Рерихи, отлитые в бронзе скульпторами С.В. Манцеревым и В.Ю. Кузнецовым), то его расположили на ночь во дворе под огромным холстом. Утром, придя на работу, я решил залезть под этот холст, но вскоре выбрался оттуда в состоянии лёгкого шока. На беду (или опять судьба) во дворе недалеко от памятника появились Л.В.Ш. со спонсором. Увидев меня, вылезавшего из-под холста, Л.В. сказала: «Ну вот, Зорин уже успел поглядеть». И уже обращаясь ко мне, спросила, понравился ли мне памятник. «Да как вам сказать, – не очень. И Елена Ивановна не очень похожа. Да и глаза ей сделали такие, что я испугался... Может быть, мне так показалось вблизи, да ещё под холстом, но, в целом, не очень...». Тут я осёкся, подумав, кому я это говорю. Шапошникова заказывала и принимала эту работу, а спонсор заплатил за скульптуру немалые деньги. Да ей и неважно было моё мнение, как, впрочем, и ничьё... К этой скульптурной группе за многие годы люди постепенно привыкли...

А вот как описывается момент открытия этой скульптурной группы на сайте МЦР: «Торжественное открытие Мемориала состоялось 9 октября 1999 года во время юбилейных празднеств, посвящённых 125-летию со дня рождения Н.К. Рериха, 120-летию Е.И. Рерих, 95-летию С.Н. Рериха и 10-летию Международного Центра Рерихов. Большое количество гостей Центра-Музея и участников конференции, носившей название "Юбилейные Рериховские Чтения", стали свидетелями этого исключительно важного события. Генеральный директор Музея имени Н.К. Рериха Людмила Васильевна Шапошникова под звуки вагнеровского "Заклинания Огня" заложила в основание монумента титановые капсулы с прахом Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, на поверхности которых были начертаны их имена и знак Знамени Мира.

Этим актом, придающим Мемориалу особую внутреннюю силу и мощь, была исполнена воля С.Н. Рериха, высказанная им в специальном документе».

А куда же вы, господа историки, подевали В.Б. Моргачёва, который вместе с Л.В. Шапошниковой закладывал титановые капсулы в этот памятник? Правда, вы уже и его успели «врагом и предателем» записать и изгнать этого достойного человека с позором из вашего Центра, поэтому считаете, что его можно и из истории вычеркнуть. Номер не пройдёт, ибо всё зафиксировано множеством видеокамер. Снял и я эпизод закладки капсул своей видеокамерой. Двор был настолько переполнен людьми, что встать мне с камерой было негде, и я устроился в углу за памятником, откуда и пришлось снимать это торжественное событие. Если руководство МЦР будет и дальше на своём сайте утверждать, что капсулы закладывала одна Л.В., то мне придётся в

Интернете показать это торжественное событие закладки капсул *в удивительном ракурсе...* Это только один пример того, как перекраиваются реальные события в угоду мифу, творимому Шапошниковой. И примеров таких можно привести много.

Но этой скульптурной группой, изображающей старших Рерихов, дело не ограничилось. Через некоторое время Л.В.Ш. заказала ещё два бронзовых бюста – Ю.Н. Рериха и С.Н. Рериха. Снова состоялось помпезное открытие этих бюстов. Огромное количество приглашённых гостей заполнило двор музея. Недалеко от бюстов Ю.Н. и С.Н. расположился оркестр. На штативах – камеры телевидения. Гости недоумённо переглядываются, перешёптываются, глядя на бронзовые бюсты, пытаюсь понять, кого же изобразил скульптор. Если один бюст хотя бы отдалённо напоминал Святослава Николаевича, то второй не имел вообще ничего общего с Юрием Николаевичем. Торжественно объявили об открытии, грохнул оркестр, выступили приглашённые знаменитости. Слово предоставили и автору скульптур. И снова – судьба (или ухмылка судьбы). Скульптор – Ю.Ю. Гавюк. Я спросил у нашего искусствоведа с большим опытом и безусловным вкусом Т.Г. Роттерт, печально взиравшей на помпезное открытие, понравилось ли ей новое деяние Шапошниковой. Но она только махнула рукой, сказав фразу, которую я даже не могу привести в этом описании, и удалилась, не в силах видеть эти «чудные» скульптуры...

Конечно, Шапошниковой виднее, кого приглашать. Пусть бы были и Пейда и Гавюк, лишь бы толк был от их работы. С Пейдой всё ясно, он сбежал, не успев ничего сделать для экспозиции музея, а с творением Гавюка Л.В. сама решила расстаться, когда увидела, что значит настоящий талант. Через несколько лет в МЦР появился молодой скульптор из Киева Алексей Леонов (просьба не путать с космонавтом). Его самобытный яркий талант был настолько для всех очевиден, что даже Шапошникова с грустью стала взирать на то, что она раньше заказала и одобрила. Пользуясь тем, что в её руки попал настоящий талант, она заказала бюст Юрия Николаевича Алексею Леонову. Он сделал свой вариант быстро и несравненно лучше. Бюст отлили и установили на постамент, сняв предыдущий. Интересно, извинялась ли Л.В.Ш. перед Гавюком за эту замену, или это было уже не столь важно... Только теперь оставшийся бюст Святослава Николаевича сразу «зазвучал» совершенно по-другому. Если раньше он был «истиннее» и смотрелся лучше, чем бюст Ю.Н. Рериха, то теперь все вдруг увидели, насколько суровое и отчуждённое лицо у С.Н. Рериха, что совершенно не характерно для него. Все, кто общался при жизни с этим великим Художником и замечательным Человеком, помнят мудрое и доброе выражение его лица, теплоту его взгляда. Видимо, придётся и этот бюст заменить... Так как Л.В.Ш. и в самом музее бесконечно переделывает экспозицию, иногда годами держа закрытыми реформируемые залы, то к этим переделкам привыкли все: и сотрудники музея, и зрители, и даже спонсор, которому *одну и ту же работу* приходится оплачивать все эти годы по два-три раза.

И конференции – заслуга Шапошниковой. Только с годами стало на конференциях твориться что-то странное. Приехавших издалека специально на конференцию в Москву не только рядовых рериховцев, но и некоторых руководителей рериховских обществ бдительная охрана на порог не пускала. Это я наблюдал неоднократно. Конечно, охрана здесь ни при чём. Ей приказано пропускать только «своих», отобранных Л.В.Ш. и только по приглашениям. Тех, кто смеет думать самостоятельно и не разделяет «генеральную линию» группы отечественных «иерархов», велено не подпускать на пушечный выстрел. Доходило до смешного (или трагического?). Однажды М.Ф. Дроздову-Черноволенко и Е.М. Величко не то что в зал заседаний, даже на территорию музея не пустили (стол со списками допущенных стоял у самих ворот), и они были вынуждены уйти со слезами на глазах. А на следующий год я лично упрашивал охрану пропустить ту же Марию Филипповну, которой снова не оказалось в списках, *под мою (члена правления и директора театра) ответственность* на второй этаж в зал конференции. У меня с ребятами из охраны всегда были хорошие отношения, но и им буквально пришлось поклясться, что поднимусь с ней только на время доклада, в котором речь шла о её муже – великом художнике В.Т. Черноволенко, и через 15 минут я же её сведу вниз, постаравшись не попасться на глаза руководству. Ребята пропустили нас тогда, хотя очень рисковали получить выговор. И при таком отношении Мария Филипповна подарила 101 картину В.Т. Черноволенко (самые лучшие картины!) Центру-Музею им. Н.К.Рериха, полагая, что все мы смертны, а искусство вечно...

И **журнал «Культура и время»** – тоже заслуга Шапошниковой. Правда, вся интеллигенция привыкла, что журналы, в которых действительно появлялись материалы, имеющие отношение к жизни Духа, всегда были внешне неброскими и печатались на газетной бумаге. Все современные

глянцевые журналы у нашей интеллигенции вызывают настороженность и подсознательную неприязнь. Действительно, то, что сейчас читают новые русские (любители гламура), даже в руки не возьмёт интеллигент старой закалки. Л.В.Ш. и здесь выступила новатором. Конечно, в этом глянцево-журнале появляются и добротные, замечательные статьи, но слишком много апологетических, воспевающих саму Шапошникову. Много её статей (это нормально), много хвалебных, где захлёбывающиеся от восторга сладкопевцы уже не знают, какой ещё эпитет найти, чтобы воспеть «космического иерарха», который осчастливил их тем, что они живут в одно время с ним и... знают его лично! Даже предыдущий журнал МЦР «Мир Огненный» и по внешнему виду, и по содержанию был значительно ближе всем рериховцам (и не только им), чем это глянцево-гламурное чудо. Но Л.В., которая может позволить себе не задумываться о затратах (миллионы всегда в её распоряжении), не смогла удержаться от соблазна. А чувство меры, коим природа наградила главного «иерарха», как уже убедили предыдущие примеры, к сожалению, часто ей изменяет.

Глянцевый журнал «Культура и время» у многих вызывает недоумение. Спасает его лишь то, что его оформляет замечательный художник Светлана Чернова, а подбирает материал профессионал Елена Мишина, хотя можно представить себе, насколько им трудно работать под неусыпным контролем Л.В. Шапошниковой. На себе испытал. Тот факт, что журнал делают профессионалы, не только спасает его, но даже выводит на высокие позиции (он вошёл в Золотой фонд прессы). Но те славословия в адрес Шапошниковой, которые публикует полностью подвластный ей журнал, резко снижают его уровень и делают менее привлекательным для истинной интеллигенции. Почти все журналы пестрят фотографиями самой Л.В. во всех ракурсах или фотографиями, сделанными ею десятилетия назад.

Подхалимы прожужжали ей уши: «гуру», «махатма», «продолжатель дела Рерихов», «избранница Учителей», «космический иерарх»... Как рокот прибоя убаюкивает Л.В. поток льстивых речей, которые, соревнуясь друг с другом, генерирует небольшая когорта льстецов. Лидируют среди них О. Лаврёнова и И. Дьяченко. Ирина Дьяченко может выдавать такие рулады в честь сидящей рядом с непроницаемым видом Шапошниковой, вплетать такие цветастые эпитеты, что все сидящие в зале при этом буквально испытывают чувство неловкости. Сам это видел и неоднократно от участников конференций слышал. Неужели «бронзовеющая махатма» не чувствует, что это – дурной тон... Вместо того чтобы осадить подхалимов или перевести всё в шутку, Л.В.Ш. греется в лучах славы, наслаждается перечислением её академических званий и титулов...

Она буквально утонула в последние годы в потоке этих славословий, хотя раньше могла одним львиным рычанием подобные славословия пресечь. Тогда ещё срабатывало чувство меры, она понимала, что окружающие чувствуют чрезмерную лесть, что это не добавляет ей авторитета. А сейчас она потеряла бдительность и адекватность. А жаль... Её бы энергию направить на объединение светлых людей, а не на разделение, вот тогда, действительно, она вошла бы в историю. Только сам человек не должен заботиться о своих «титулах», а честно делать светлое дело, творя Добро и бескорыстно помогая всем вокруг. Пусть потомки решают, кого запомнить, а кого забыть. Тот же, кто страстно мечтает войти в историю, как правило, в «историю вляпывается».

И выставки современных художников организует Л.В. Шапошникова. Часто получается неплохо. Но бывает, что Л.В.Ш. подводит всё тот же недостаток чувства меры и вкуса. Поэтому иногда диву даёшься, что она отобрала и кого пригласила. Но с выставками современных художников, пожалуй, из всего перечисленного ситуация наиболее приемлемая. Л.В. считает себя большим специалистом и в этом вопросе. Приведу цитату из текста, расположенного на официальном сайте МЦР: *«Выступая на открытии выставки художников-космистов в Музее имени Н.К. Рериха, Генеральный директор Музея Л.В. Шапошникова выразила содержание космизма следующими словами: "Нарисованная ракета, или простое отображение звёзд, планет – это ещё не космизм. Можно нарисовать чайник и это будет космизм, т.к. космизм – это нечто духовное, то, что пронизывает форму, проникает в те или иные художественные сюжеты. Увидеть в земном предмете космическую силу и космическую энергию удаётся пока лишь художникам"»*. Что-то сдаётся мне, что как не нарисуй чайник, он чайником и останется... Увидеть в нём нечто духовное или сам «космизм» дано точно не каждому.

И передвижные выставки – тоже заслуга Шапошниковой. Только не она же с ними ездит по огромным просторам России и стран ближнего зарубежья, а энтузиасты, которые, преодолевая зачастую немалые трудности, всё же не бросают это нужное дело, а стойчески вершат свою работу,

понимая, что далеко не все почитатели Рериха могут приехать в Москву (особенно в нынешние времена). Ездить с этими выставками Шапошниковой, естественно, не обязательно. Других дел хватает. Но вот поспособствовать этой группе подвижников, чтобы она имела всё необходимое для своей работы, Л.В.Ш. просто обязана. Что же мы видели на практике? Сначала работа этой группы была не очень эффективной, а руководство ждало от неё повышения доходов. Но вот в МЦР приходит на работу замечательный специалист и Человек Л.В.Сорокина. При ней группа передвижных выставок заработала на полную мощь и стала приносить прибыль в три раза большую, чем до её прихода. Но вот незадача. К Сорокиной потянулись люди. Так не хватало в нашем Центре отзывчивости, доброты, сердечности, что обладающая этими качествами Лариса Васильевна притягивала к себе как магнит. Знаю это и по себе. Всегда спокойная и уравновешенная, прекрасно знающая Учение, Л.В.Сорокина попала тут же в список нежелательных персон. Опять зависть и ревность! Так и слышишь: «Конкурентов нам не нужно!». Конечно, «тройка» сумела найти компромат и на Ларису Васильевну. Группе выездных выставок какой-то спонсор (или меценат) подарил столь необходимый для работы цифровой фотоаппарат. Ребята им пользовались, но Сорокина вовремя его не оприходовала. За этот факт, за это её «преступление» вцепился мёртвой хваткой всё тот же Стеценко, который сумел обвинить эту достойнейшую женщину, знатока Живой Этики, в... воровстве. С этим ярлыком её и изгнали из МЦР, обвинив во всех возможных грехах, назвав тоже предателем. Самое страшное, что сотрудники её группы не стали защищать своего любимого и уважаемого руководителя. Испугались... Подумали бы, *кого* они испугались?! Так ломались судьбы, и сотрудники МЦР превращались в безмолвных, запуганных репрессиями исполнителей.

А сколько можно было бы сделать этой группе воистину беспримерно интересного, если бы Л.В.Ш. не превращала всех в своих врагов. Как было бы здорово обмениваться выставками с Нью-Йоркским музеем Рериха. Я уже писал, что был потрясён шедеврами, которые там собраны. Но не все могут летать в Америку, чтобы любоваться картинами любимого художника. Как обогатилась бы духовная жизнь России, если бы картины из этого музея месяцами путешествовали бы по нашим городам, а картины МЦР в это же время – по Америке. Вот и взаимная гарантия сохранения картин. Да, это очень непросто, есть таможенные преграды, сложно со страховкой картин, но все трудности можно было преодолеть при желании. Только для этого не нужно было превращать директора Нью-Йоркского музея Даниила Энтина во врага, а талантливого руководителя такого непростого направления гнать в шею...

Да и с музыкальными вечерами дело обстоит совсем неплохо. Часто в МЦР выступают замечательные исполнители. И если для постороннего почитателя «главного иерарха» это – заслуга Л.В.Ш., то для знающего реальное положение дел всё выглядит иначе. Есть известное выражение: «не благодаря, а вопреки». Оно вполне подходит для данной ситуации. Проведение музыкальных вечеров отмечено и чувством меры, и безусловным вкусом. Но это заслуга не Л.В.Ш., а Эдуарда Крампа, человека утончённого и музыкально одарённого. Когда он работал в МЦР и руководил отделом развития музея, то проявил инициативу и ещё тогда успешно сочетал свою работу и организацию музыкальных вечеров, которые приносили людям столько радости. Мы сами часто ходили на эти вечера и уходили наполненные прекрасной музыкой с чувством благодарности и к музыкантам, и к организатору. Таким образом, музыкальные вечера, организуемые Э.Крампом, проводятся в МЦР уже давно. Но это замечательное начинание чуть было не погибло для МЦР.

Только бездарные «серые кардиналы», ведущие последние годы Л.В.Шапошникову под руки по жизни, считают, что незаменимых людей нет. Выгоним Крампа – любой другой сможет организовать такие же музыкальные вечера, ничуть не хуже его. Выгоним Зорина – любой сможет вести программы в Оптическом театре, и лучше его. Попробовали бы эти инквизиторы сами хоть что-то создать. Но для этого нужен талант и призвание. У них же одно призвание – преследовать светлых людей, травить их и изгонять с облюбованного гонителями места.

Инквизиторы по природе своей ненавидят утончённых и интеллигентных людей. Крамп именно такой. Вот ему и пришили дело о... воровстве денег, которые он якобы присвоил вместе с начальником технического отдела, когда курировал изготовление фриза из больших подсвеченных слайдов... За эту работу фирма сначала выставила одну сумму, а затем увеличила её, и Крамп... пошёл на это! Вот она – преступная халатность и расточительность! Э.Крампа подвело желание успеть водрузить этот фриз на место в зале Пакта Рериха ко Дню Учителя (24 марта). Старание и инициатива наказуемы, но Эдуард тогда ещё не прочувствовал на своей шкуре эту простую истину и

старался изо всех сил, не думая о последствиях. И напрасно. Наказание последовало незамедлительно, причём в самой жестокой и отвратительной форме. Я тогда ещё (как и сам Э.Крамп) был членом правления МЦР. Загруженный работой в театре, я иногда приходил на заседание правления, совершенно не зная ситуации и очередных подковёрных интриг, поэтому часто попадал впросак и очень раздражал руководство своими вопросами и репликами. Так было и на этот раз.

На заседании правления впервые услышал, что Крамп «присвоил» себе некую сумму или как минимум допустил халатность и ввёл МЦР в перерасход, за что Л.В. тут же предложила изгнать его из членов правления и снять с должности руководителя отдела. Я спросил, доказана ли вина Эдуарда. Оказывается – нет, но руководство чует, что он виновен, поэтому наказание неотвратимо. Поневоле вспомнишь Солженицына, который писал о 58 статье УК, что под её подпункты можно при желании подвести любого. Когда следователи не успевали выдумать, что «пришить» обвиняемому, и не находили состава преступления, то карали по п. 12 «О намерениях», т.е. фактов нет, но следователь НКВД «чуёт намерения»... «Следователи» МЦР всегда чуяли врагов рериховского дела за километры... «Не любите вы Рерихов», – сказал как-то мне Стеценко, сам, видимо, захлёбываясь от любви к ним...

Видя, что руководство учуяло «преступную халатность» Эдуарда, я напомнил о презумпции невиновности и сказал, что столь жёсткие санкции по отношению к нашему коллеге и человеку с безупречной репутацией мне кажутся чрезмерными. Если руководство решило его непременно наказать, то зачем же двойное наказание, тем более что вина не доказана. Но Л.В.Ш. в этой ситуации никогда не слушает никаких доводов и расправляется со всей жестокостью. Э.Крамп был освобождён от должности руководителя отдела и изгнан из правления. После этого он вынужден был совсем уйти из МЦР. И нашёл себе достойное место в московском Доме Музыки... Поразительно. Если за перерасход одной тысячи долларов положено так жёстко наказывать, то какого же наказания заслуживает сама Шапошникова за *явный совершенно неоправданный перерасход* миллионов долларов?

А Э.Крамп показал всем, что значит истинный интеллигент. Благородство души этого человека не способны понять «шариковы». Много лет после его изгнания он продолжал организовывать прекрасные музыкальные вечера в МЦР, справедливо полагая, что зрители, которые с благодарностью посещали эти вечера и привыкли к ним, ни при чём. И он не хочет их наказывать потому, что с ним обошлись так несправедливо. Вот почему я говорю, что музыкальные вечера в МЦР проводятся не благодаря Л.В.Ш., а, скорее, вопреки...

Что касается появления **Оптического театра** в МЦР, то и здесь нужно отдать должное Людмиле Васильевне. Зная, что С.Н.Рерих хотел объединить под одной крышей музей и Оптический театр, и, восхитившись сама увиденными у меня дома композициями, она пригласила меня на работу в СФР в 1989 году. Может быть, о желании Святослава Николаевича она узнала позднее, а пригласила меня по собственной инициативе, но *тогда она искренне хотела*, чтобы Оптический театр был в составе Центра-Музея, и в самом начале помогала его создавать, поэтому её заслугу и участие в разворачивании изобретённого мною театра в МЦР я никогда не отрицал. Но проходили годы, и энтузиазм первых лет погас... Выше уже подробно рассказано о том, какова была помощь от руководства МЦР и как развивались события вплоть до зачисления меня в стан «врагов» и пожара в театре... После того, как нас с сотрудниками изгнали из МЦР, я получил большое количество звонков и писем на сайт и электронную почту. Писали наши зрители, которые чувствовали огромную духовную потерю, искренне нам сочувствовали и спрашивали, когда и где мы снова откроемся.

Кстати, я тоже (как и Э.Крамп) хотел уже после жестокой расправы, когда нас выгнали из МЦР, сделать всё возможное, чтобы Оптический театр в МЦР всё-таки остался и в него вернулись зрители. Назначенный «тройкой» новый директор театра Антон Дьяченко подтвердит, что агрессивности я не проявлял, а хотел помочь весь комплект остающихся в МЦР оптических инструментов настроить, запустить, а потом объяснить новой команде, как всем этим пользоваться. Мои ребята от этого отказались, настолько противно было для них всё, что произошло, настолько невозможной для них была даже мысль остаться под властью *таких* людей. Всю их сущность они увидели на финальном судилище, которое «тройка» устроила надо мной, обязав моих ребят всё это видеть и слышать. Они молоды и чисты душой, поэтому их максимализм понять можно. Но я не мог себе позволить просто бросить на произвол судьбы созданное моими руками детище.

Может подтвердить и А.В. Стеценко, что я думал о том, как сохранить театр в МЦР, а не уничтожить его. Ещё до финального судилища по совету М.Л.Попович – вице-президента МЦР, которая очень хорошо ко мне относилась и не хотела, чтобы я уходил (ибо «тогда театр погибнет»), я предложил тов. Стеценко, который выжимал из меня заявление об уходе по собственному желанию, такой вариант: руководство наказывает меня, снимает с должности директора Оптического театра, но не выгоняет из МЦР, а оставляет, например, дворником. В «иерархии» я никогда не рвался. Любая работа почётна, вот и буду убирать территорию перед театром (что я и так делал многие годы, являясь директором театра, ибо на нас многие годы сэкономили по всем статьям). Останутся в театре мои молодые сотрудники, которым я на общественных началах, естественно бесплатно, буду помогать. По сути дела, я и так все годы работал бесплатно, ибо на мизерную зарплату, которую они мне назначили как директору театра, прожить в Москве было невозможно, поэтому я бы ничего в этом плане не потерял, а, может быть, и выиграл бы. Зарплата уборщицы, дворника и садовника в нашем Центре была и есть намного выше, чем у остальных сотрудников Центра-Музея, тем более она выше, чем у сотрудников Оптического театра... Стеценко выслушал мою просьбу, злорадно ухмыльнулся, но остался неумолимым. Не нужен им (в приватизированном этой «тройкой» Центре в центре столицы) ни в каком виде тот, *кто увидел их истинное лицо*. Гнать, гнать и гнать...

И хотя меня выгнали **с записью в трудовой книжке о моей якобы профнепригодности** и всё у нас отняли, я продолжал спокойно общаться с назначенным вместо меня новым директором Оптического театра Антоном Дьяченко. Всегда относился к этому молодому и очень способному человеку с большой симпатией. Антон – прекрасный знаток астрономии. Зная его профессионализм в этой области, я несколько лет назад пригласил его проводить специальные выступления-лекции в Оптическом театре и был очень рад, когда он согласился. Антон вместе со своим другом и напарником Михаилом Благодаром не один год вели свой цикл лекций вполне профессионально. Лекции А.Дьяченко вызвали живую реакцию зрителей и пользовались неизменным успехом. Сам я с удовольствием слушал его лекции, памятуя, что каждый встреченный в жизни человек может в чём-то быть для нас учителем. И хотя это были не спектакли Оптического театра, и ребята использовали не нашу аппаратуру, а мультимедийный проектор для сопровождения своих лекций, все мы относились к ним с огромной симпатией и воспринимали как единомышленников. Правда, после того как Антон согласился под давлением Шапошниковой стать директором Оптического театра, мои сотрудники сочли его поступок, мягко говоря, неэтичным и общаться с ним не хотели.

Мне же было искренне жаль Антона, который проявил слабость под двойным нажимом (жены – Ирины Дьяченко и Л.В.Ш.) и согласился взяться за то, что ему самому было совершенно не нужно. В той ситуации хорошо было бы ему вспомнить слова мудрой Елены Петровны Блаватской, что ***ни при каких обстоятельствах, ни при каком нажиме нельзя браться не за своё дело, тем более, в ущерб своему любимому делу***. Антон же взялся явно не за своё дело, и это вскоре по нему же и ударило. Но тогда я был даже рад (если можно в этой ситуации радоваться), что Шапошникова назначила именно Антона, так как надеялся на его порядочность и умение логически рассуждать. У меня не было желания мстить Л.В.Шапошниковой. Мне было жаль эту пожилую женщину с кучей болезней, которая и в 82 года никак не хотела уйти на покой, чтобы писать свои книги, передав Дело молодым и достойным преемникам. Тем более, не было желания вымещать обиду на Антоне.

Да и обиды не было. Ведь всё было закономерно и логично. Я сам уже не мог оставаться в этом... генеральном штабе боевых действий. Сам первый резкими высказываниями затронул самолюбие и тщеславие. Чего же можно было ожидать после этого? Всё закономерно. Уход мой был неизбежен. Чего же мне было обижаться во время финального судилища на пираний, которые хотели меня покусать. Сам ведь их потревожил. Но, разговаривая спокойно с Антоном, я мечтал о будущем, в котором пираний не будет, в котором можно будет воплотить в жизнь замечательное предложение С.Н.Рериха. Придут к управлению Центром другие люди и тогда это станет возможным. Именно поэтому я думал, как же мне в ситуации, когда у меня силой отняли мною изобретённый и созданный инструментарий, действовать, чтобы Оптический театр в Центре-Музее Н.К.Рериха сохранился и когда-нибудь начал снова радовать своих зрителей. Ничто не вечно под луной, ситуация может измениться, и мы тогда начнём реанимировать наше детище и всё же создадим ***тандем (музей-театр)***.

Но моим надеждам на реанимацию Оптического театра в МЦР не суждено было сбыться. Наш Оптический театр, на создание которого ушли годы самоотверженного труда, сгорел... Антон с новой командой пробовал показывать хоть что-то без нас, чтобы подтвердить слова Л.В.Шапошниковой,

что МЦР не собирается закрывать Оптический театр. Просто руководство избавилось от создателя этого театра С.Зорина и обученной им команды. Серые и нетворческие люди, которых подобрала себе в помощники Л.В., заверяли её, что ничего там сложного нет, что любой сможет создавать композиции в Оптическом театре. Главное, что в МЦР есть необходимая для этого уникальная аппаратура, отнятая у нас. Технически грамотные люди, мол, разберутся, и в МЦР снова будет работать Оптический театр, но уже без строптивных и непослушных. Идиотизм этого заявления сами руководители МЦР почувствовать не могли, и никого, кто бы попытался вразумить их, в организации уже не осталось.

Если бы начальство, скажем, Мариинского театра выгнало сначала дирижёра Гергиева, а потом и всех оркестрантов, но оставило бы все инструменты симфонического оркестра и набрало бы с улицы штрейкбрехеров, то ни при каких стараниях начальства симфонии больше не прозвучали бы. Даже если платить огромные зарплаты вновь приглашённым, музыки не будет, ибо штрейкбрехеры не умеют даже держать инструменты, не то что играть на них. С Оптическим театром произошла точно такая же ситуация. Но начальство МЦР давило, требовало срочно доказать правоту «космического иерарха», и новой команде некуда было деваться. Ребята лихорадочно пытались выполнить волю пославшей их на «подвиги» Шапошниковой.

Как я уже писал выше, в Оптическом театре несколько лет назад впервые в мире была поставлена пьеса Н.К. Рериха «Милосердие», которую хорошо принимали зрители. В пьесе, поставленной И. Грызловой, играли дети. Было особенно важно, что ребята с раннего детства вовлекались в атмосферу творчества, что они переживали сами и доносили до зрителей идеи борьбы Тьмы и Света, идеи важности сохранения Знаний и Культуры, столь мощно и сконцентрировано данные Н.К. Рерихом в этой пьесе. Как же это было важно для самих детей, в школьные годы приобщающихся к столь высоким идеям! Сотрудники театра (мои ученики) помогали И. Грызловой, подключая возможности нашего инструментария, наиболее ярко раскрыть замысел великого мыслителя. Спектакль уже несколько раз с успехом прошёл в Оптическом театре. Дети играли самозабвенно и всё лучше и лучше. Можно было вместе с замечательным детским коллективом приступать к новой работе, к созданию ещё одной пьесы или сказки, в которой возможности театра раскрылись бы *во всей полноте*. Но этим планам не суждено было воплотиться...

Нагло захватив уникальную аппаратуру, отняв её у автора и заставив случайных, не знающих её людей работать с ней, «тройка» показала всему миру своё истинное лицо. Гримасу на этом лице им хотелось выдать за улыбку миротворцев, поэтому решено было срочно показать именно пьесу «Милосердие» и доказать всем, что и без Зорина с его командой Оптический театр МЦР продолжает работу... Но судьба метит таких людей. Какое милосердие хотели продемонстрировать миру немилосердные инквизиторы? На одной из репетиций три новых члена команды во главе с самим директором театра довели дело до *пожара*. ***А. Дьяченко был мною предупреждён, что включать обогрев без включения вентиляции нельзя***, иначе могут быть неприятности. Выше я описывал, что мы лепили наш театр из чего придётся, в аварийном гараже, без средств, да ещё и в невероятно сжатые сроки. Конечно, я понимал, что это всё не очень надёжно, но выхода тогда у нас не было, да и спонсор говорил, что всё это ненадолго, всё это – времянка. Стоило ли на времянку тратить деньги? Видимо, ещё и поэтому мы не получали денег на развитие театра. На 60 % там действительно всё было со свалки, в том числе, и кабели. Единственное, что нужно было делать в этой ситуации, это соблюдать осторожность. Я отвечал за противопожарное состояние в театре, поэтому строго проинструктировал всех своих сотрудников, и *за 12 лет работы в этом зале с этой же старой проводкой у нас не было не то что пожара, но ни одного ЧП! Если бы мы работали до сих пор, уверяю вас, что не было бы никакого пожара, ибо мы сами там всё сделали своими руками и, зная все тонкости, были всегда начеку*.

Итак, Антон Дьяченко был мною предупреждён о состоянии проводки и о том, что нельзя отдельно включать нагрев и вентиляцию. Он, как человек порядочный, и ***не отрицал*** этого после пожара, когда я пришёл в сгоревший зал и спросил его, как же это могло случиться? Он сказал, что *он-то помнил моё предупреждение*, что нельзя включать отдельно, но включил не он, а другой человек. Но ведь ты же сейчас – директор Оптического театра, кто тебе мешал строго проинструктировать своих сотрудников? А ещё лучше, приостановить работу и дать техническому отделу МЦР заменить всю проводку. Зорина уже нет, теперь Шапошникова денег жалеть не будет, тем более, что ей нужно доказать всему миру, что Оптический театр может работать и без его создателя...

Ну, ладно, довели до возгорания. Но при этом в театре было три человека. Очаг возгорания на сцене был вначале совсем небольшой. Нужно было всего лишь взять один из пяти имеющихся в театре огнетушителей и потушить тлеющий кабель... Не умеете пользоваться огнетушителями – срывайте занавеску из плотной ткани и тушите тканью тлеющий кабель... То ли возникла паника и страх за свою жизнь, то ли Бог отнял разум, но элементарное возгорание, с которым можно было управиться за две минуты, три человека потушить не смогли. Действия их можно расценить или как безумные или... Судите сами. Огнетушитель кто-то из них схватил, но, не умея им пользоваться, бросил. После пожара руководитель технического отдела МЦР И.Г. Филатьев говорил мне о вопиющей безграмотности команды Антона Дьяченко, будто с ними никогда не проводили инструктаж. Придя на пожарище, Филатьев увидел, что ручка брошенного на сцене огнетушителя оказалась согнутой. То есть, кто-то давил на неё изо всех сил, но чеку (предохранитель от случайного срабатывания) так и не догадался выдернуть...

События на той злосчастной репетиции разворачивались так. Возгорание случилось на сцене, из которой две двери ведут в мастерскую и в режиссёрскую комнату. Обе двери, выполняя предписания пожарного инспектора, несколько лет назад я лично обил листами железа на случай пожара. Антон, сидевший до этого в съёмочном павильоне, ворвался на сцену и, увидев задымление, прорвался сквозь дым к режиссёрской комнате, рванул на себя обитую железом дверь и, ОТКРЫВ ОКНО в этой комнате, выскочил обратно, НЕ ЗАКРЫВ ДВЕРЬ. Выбегая на улицу, он не закрыл дверь и в мастерской. Этим он создал идеальные условия для распространения огня и для уничтожения всего, что было на сцене, в зале, в режиссёрской комнате, где как раз и хранились наши слайды. Пламя полыхнуло от сквозняка, и наши «герои» дружно рванули на улицу... В результате до прибытия пожарной команды по московским пробкам выгорело всё, что могло гореть (см. **Приложение № 5** – снимки с места пожара). Огнём были уничтожены все три экрана, расплавились кабели, раскалившиеся обмотки роторов уникальных итальянских микроэлектродвигателей заклинило в статорах во всех светодинамических устройствах, расположенных на сцене. Температура в зале была такой адской, что даже внутри пультов управления, расположенных от сцены в самом дальнем углу, расплавились многие детали, а звуковоспроизводящая аппаратура и усилители расплавились так, будто они были сделаны не из пластмассы, а из воска... Вот и всё «милосердие»...

Милосердия не видно, а *подлость* руководящей верхушки видна. Они посмели выдать ложь на всю страну, разместив на сайте МЦР статью «Не будем умиляться масками». В ней опубликована прямая ложь *«относительно циничного (!) отношения С.М. Зорина к пожару в Оптическом театре МЦР. И связано это не «с кармой», как пытался представить в своём выступлении бывший директор театра С.М. Зорин, а со вполне земными вещами. При строительстве Оптического театра электропроводка была проведена под руководством С.М. Зорина с нарушением всех правил безопасности. Но Сергей Михайлович скрывает данный факт, увольняясь из театра»*. Вот это и есть ложь и *подлость*, желание переложить ответственность на другого. Впервые мне пришлось изменить своё мнение об Антоне Дьяченко. Как человек порядочный, он должен был заявить Шапошниковой, что на сайте МЦР публикуется ложь, что Зорин и не думал скрывать «данный факт, увольняясь из театра». Но, видимо, его не хватило на столь смелый поступок. Если же он набрался храбрости и сказал Л.В.Ш., что я его предупреждал о плохих кабелях, а они всё же поместили на сайте эту явную ложь, то это говорит о том, что самого Антона ни в грош не ставит руководство МЦР.

Подумали бы сами («высокие профессионалы»), как они будут выглядеть перед всем миром, признавая, что заставляли создателя Оптического театра заниматься не развитием театра, а прокладкой электропроводки, подведением воды и канализации. Они же этим признанием окончательно срывают со своих лиц маски миротворцев. Читая их обвинения в мой адрес на сайте МЦР, можно подумать, что Зорина Л.В.Ш. пригласила не работать над созданием тандема (музей–Оптический театр), как этого хотел С.Н., а наняли его, будто какого-то прораба, который был обязан построить театр по всем правилам (но при этом без средств). А этот подлый прораб нарушил все правила, специально сделал плохую проводку и ждал за кустами, когда же загорится театр. А когда полыхнуло, то радости у этого прораба не было границ...

И вторая подлость в той же статье на их сайте – это утверждение, что руководству МЦР *«стало известно, что С.М. Зорин скрывал часть доходов театра»*. Билеты в Оптический театр были недорогими, так как мы хотели, чтобы его могли посещать студенты и пенсионеры. Суммарный

доход театра в месяц был не больше зарплаты одного руководящего работника МЦР (!). Так что утаивать особенно было не из чего. Но дело даже не в этом. Дело в том, что билеты продавал долгое время не наш сотрудник, а человек, назначенный бухгалтерией МЦР. Платили билетёрам мало (300 рублей в месяц), и они у нас часто менялись. Кто будет тратить своё время за такую, с позволения сказать, зарплату? Женщины были разные, у какой-то из них вполне могла возникнуть мысль, а не попытаться ли хотя бы 100-200 рублей от каждого показа как-то себе оставлять. Когда возник разговор, что при столь малой зарплате могут быть какие-то утаивания, я попросил назначить билетёром нашего сотрудника А.Ефремова именно потому, что он – человек честный и принципиальный и никогда не пошёл бы ни на какое утаивание, даже если бы я приказал ему это сделать. Вот почему заявление руководства МЦР о том, что С.М. Зорин утаивал часть дохода театра, иначе как *подлость* расценить невозможно. Вот теперь и я побывал в шкуре Э. Крампа, которого точно так же голословно обвиняли эти люди когда-то в утаивании денег. *Не нужно обо всех по себе судить.*

Расправа с неугодными

Враги, коих находила «тройка инквизиторов» из МЦР, на проверку оказывались людьми творческими, принципиальными и порядочными. Нужно просто посмотреть, кого Л.В.Ш. удалила из правления, выгнала из МЦР.

Первым был изгнан работавший тогда директором Института востоковедения Р.Б.Рыбаков, причём изгнан был в нарушение воли тогда ещё живого С.Н.Рериха. И главной причиной изгнания было то, что Л.В.Ш. никаких конкурентов рядом с собой терпеть не хотела. Вслед за ним была тихо выдвинута из состава правления МЦР старший научный сотрудник Института востоковедения, доктор филологических наук, крупнейший востоковед, известный всему миру японист Татьяна Петровна Григорьева. За что же изгнала Л.В.Ш. человека, которого она знала несколько десятилетий, называла своей подругой, и которого она не могла не уважать? За правду. Стоило только Татьяне Петровне, прекрасно видевшей (в отличие от самой Л.В.Ш.) истинную личину вице-президента МЦР, помощника Л.В.Ш. по вывозу наследия из Бангалора С.Ю. Житенёва, сказать о его делишках, как пострадала сама Т.П.Григорьева.

В то время я тоже был членом правления МЦР, поэтому видел и слышал всё сам, а не пользуюсь пересказом других. На одном из заседаний правления Т.П. со свойственной ей прямоотой и принципиальностью сказала чётко и твёрдо на правах старого друга Л.В.Ш.: «Людмила, неужели ты не видишь, что наш корабль под пиратскими парусами движется уже совершенно не в ту сторону?». Это действительно было так. Житенёв, приватизировавший уже почти треть суммы от выделенных Анатолием Карповым в 1989 году *двух миллионов рублей* (а это огромные деньги по советским временам), был глубоко равнодушен к идеям Рерихов, но зато твёрдо понимал, что такая усадьба в центре Москвы, как усадьба Лопухиных, – это действительно лакомый кусочек.

В СФР у него была своя команда. Со своим дружкой (главбухом СФР) он обсуждал планы отстранения «бабушки» (Л.В.Ш.) от дел. У него были для этого определённые надежды. Ведь он тоже фигурировал в документах по передаче Наследия наряду с Шапошниковой и юридически имел такие же права, как и она, на разворачивание работы с привезённым Наследием в России. *Есть совершенно точные данные, что С.Н.Рерих очень сомневался, назначать ли ему директором музея именно Л.В.Шапошникову.* Вряд ли бы он назначил Житенёва, но и она не была единственной и бесспорной кандидатурой, как это утверждает на сайте МЦР. Напишут свои воспоминания все те, кто был с первого дня рядом с Л.В.Ш., – прояснятся многие детали. А Житенёв, пользуясь тем, что Л.В.Ш. тогда не очень разбиралась в ситуации и не умела контролировать деньги СФР, купил себе яхту, «Мерседес» и квартиру в центре Москвы (!). Со своими дружками он собирался и дальше править бал в этой организации.

Когда Шапошниковой прямо говорили о безобразиях этого лихого комсомольца и о заговоре лично против неё, она только отмахивалась. Однако стоило Татьяне Петровне произнести эту хлесткую фразу, как Шапошникова тут же отреагировала. Гнев её обрушился не на Житенёва, а на того, кто ей при всех сказал правду в лицо. На расправу Людмила Васильевна всегда очень скорая. И вот уже Т.П. Григорьевой нет в составе правления. Естественно, она не протестовала и обратно не просилась. Ей (как и мне) было невыносимо так бездарно тратить драгоценное время на эти «бабушкины» посиделки. Вместо чёткого и делового решения вопросов, на заседаниях правления

часами велись разговоры ни о чём, перемежаемые воспоминаниями Л.В.Ш., в которых она подчёркивала свою выдающуюся историческую роль во всём, что касалось создания СФР и привоза наследия из Бангалора.

Исключение Т.П. Григорьевой из состава Правления МЦР было трагической ошибкой Л.В.Ш., пустившей уже тогда под откос замечательный замысел С.Н.Рериха. Именно Татьяна Петровна, как истинный мудрец, 13 мая 1990 года положила на стол перед членами правления документ – **«Мои соображения о работе Фонда и Центра-Музея Н.К.Рериха»**, в котором изложила своё понимание того, как нужно строить и разворачивать наш рождающийся Центр. *Этому документу нет цены*. Он был тогда архиважен. Если бы для Шапошниковой важным было *дело*, то она перечитала бы этот документ неоднократно, ибо там ценно всё, каждый абзац, каждая строка, и с благодарностью приняла бы такую помощь от Друга. Благо тогда зрение позволяло ей *самой* прочитать этот судьбоносный документ. Но у Л.В.Ш. слишком часто оказывались впереди её амбиции, самомнение и самолюбование. Она не оценила спасительную для неё программу действий, пренебрегла прозорливыми предостережениями...

Каждый желающий может и сегодня перечитать этот уникальный документ и убедиться, как прозорливо в 1990 году описано всё то, что потом и случилось. В **Приложении**, которое я от своего текста не отрываю, чтобы оно не затерялось, привожу этот документ полностью, не изменяя, естественно, в нём ни одного слова. Уверен, что *этот документ и сегодня является спасательным кругом для всего рериховского движения*. С его помощью можно и нужно врачевать больное рериховское движение в России, пострадавшее от произвола «тройки»...

Итак, мудрец был удален, а «нужный человек» – С.Ю. Житенёв – оставлен. Уже тогда Л.В.Ш. продемонстрировала абсолютное непонимание в кадровой политике. Такое положение осталось и до настоящего момента. Опору для себя она находила в *таких* субъектах, что можно было только диву даваться...

Но, наконец, и Л.В.Ш. почувствовала, что комсомольцы разошлись не на шутку, ещё немного – и ей самой не усидеть в СФР. Только тогда она решилась изгнать столь дорогого её сердцу Серёжу Житенёва. Изгнан он был престранно. Из СФР он перешёл прямо в команду Бориса Ельцина. Такими кадрами бывшие партайгеноссе в команде президента не бросаются. То есть, Житенёв резко пошёл на повышение. «И шуку бросили в реку».

А с Т.П.Григорьевой Л.В.Ш. несколько лет вообще не общалась. *Зачем ей умные и самостоятельные, когда ей нужны послушные и исполнительные...* Но лет десять назад она подошла ко мне и, зная о моих прекрасных отношениях с Татьяной Петровной, попросила помирить их. Я ответил, что попробую. Поехал к Т.П., рассказал ей о просьбе Шапошниковой. Нужно знать Татьяну Петровну. Это редких душевных качеств человек. Она жалеет всех заблудших, а не старается им рубить головы с плеча, как её «подруга». Поэтому ответ был в её духе: что она, мол, и не ссорилась с Л.В.Ш., что та сама в одностороннем порядке прервала отношения. «Раз она хочет помириться, то я не против». Мы вместе поехали в МЦР, я ввёл Т.П. в кабинет Л.В. и оставил «подругу» разбираться. Отношения восстановились...

Только теперь я задним числом понимаю, что у Л.В.Ш., которая научилась просчитывать все шаги наперёд, просто так ничего не бывает. Это было не движение души, а прагматичный расчёт. Т.П. Григорьева как выдающийся учёный, пользующийся большим и заслуженным авторитетом, ей понадобилась для её игр. Получив доступ к огромным деньгам, Л.В.Ш., чтобы обессмертить своё имя, начала бойко издавать свои труды на самой дорогой мелованной бумаге и с немислимым количеством иллюстраций, заставляя сотрудников публикаторского отдела месяцами корпеть над подбором этих иллюстраций и доведением их на компьютерах до кондиции.

Хотя, на самом деле, если твои мысли важны и нужны людям, то они с удовольствием прочтут их и на более скромной (дешёвой) бумаге... Книжки получались очень толстыми, с виду очень внушительными (помпезными), но при этом очень дорогими. Покупали их редко, поэтому нужно было через презентации устраивать шумные рекламные кампании, чтобы продвигать товар на рынок. К чьим словам прислушаются люди? Кому нужны восхваления придворных, работающих у самой Л.В.Ш.? А вот мнение человека известного, авторитетного значило, конечно, очень много. Вот для какой цели Л.В.Ш. постаралась помириться и напомнить Т.П.Григорьевой, что они много лет были в дружеских отношениях... И Татьяна Петровна иногда давала положительные рецензии, что и требовалось «космическому иерарху».

Не буду перечислять всех изгнанных из МЦР – их десятки! Скажу только, что, за редчайшим исключением, изгнаны были самые достойные и творческие люди. Оставшиеся быстро научились приспособливаться. Всем стало ясно, что любое слово поперёк генеральной линии, проводимой Л.В.Ш. и её подручными-помощниками, – и ты будешь изгнан с невероятной жестокостью и унижениями.

До сих пор не могу забыть выражение лица ошельмованного второго вице-президента МЦР В.Б. Моргачёва, на которого на общем собрании выливали целые ушаты грязи Стеценко и Фролов, собравшие на него компромат. Их любимые словечки «предатель» и «враг» они приставляли к каждому изгоняемому. Не пожалели они и В.Б.Моргачёва... Где вы были, лихие помощнички, когда Вячеслав Борисович появился в самые первые дни становления СФР и привёз с собой целый арсенал оргтехники. Первый компьютер в СФР, первая видеокамера и ещё много разной оргтехники, – всё это дары Вячеслава Моргачёва. Никаким предателем и врагом он, естественно, не был и много лет тащил на себе всю работу, пока в МЦР не появились Стеценко и Фролов. Если и были у Моргачёва недостатки, так это – чрезмерная доброта, мягкость и отзывчивость. Разве мог он и дальше с такими качествами работать на «режимном объекте», в который тов. А.Стеценко постепенно превращал музей великого Художника? Конечно, нет. Из-за мягкости и отзывчивости второго вице-президента МЦР на «режимный объект» непременно проникнут враги. Вон, они так и кишат со всех сторон. Нет у Моргачёва никакой бдительности, нет твёрдости. Гнать его в шею, травить беспощадно, чтобы другие видели и понимали, что «на войне как на войне!».

Страх – это главное чувство, с которым живут оставшиеся в МЦР сотрудники. Нет, они, конечно, скажут вам, что остались по зову сердца, что готовы на всё, что гневные разносы главного «иерарха» они переносят даже с радостью. Поневоле вспомнишь такую притчу: «Любил царь Горох подданных... по башке колотить. А когда царь состарился, подданные перешли на самообслуживание». Ненормальность ситуации ощущают почти все, но сказать во весь голос боятся, а только шепчутся по углам и тихонько возмущаются. На игры в «иерархов» бывших партаппаратчиков я всегда смотрел спокойно. Да, было немного смешно и грустно видеть, как взрослые дяди и тётки пыжатыся, изображая из себя посланников Иерархии. Но думал, что это явление временное, может быть, наиграются и опомнятся. Но нет. Игры зашли слишком далеко, судеб сломано уже слишком много, чтобы молчать и дальше. Признаки тоталитаризма и культа личности – налицо...

По делам, а не по словам судят... Реальное отношение к Оптическому театру (особенно в последние годы) ясно говорило, что Л.В.Шапошникова не хотела укрепления и развития театра и была бы очень довольна, если бы я ушёл из Центра. Выдавливание началось давно... После изгнания примерно десять лет назад из правления МЦР Н.С.Бондарчук Шапошникова была настолько злой на меня, задававшего неудобные вопросы, что даже перестала здороваться. Почти три года мы не здоровались. (Но это было ещё не так плохо. Удалив Т.П. Григорьеву из правления МЦР, Л.В.Ш. не здоровалась и вообще не общалась с ней лет семь...) Поводом для изгнания Натальи Сергеевны, как объявила Л.В. на заседании правления, было то, что Н.С. пропустила три заседания правления. Этот повод был настолько смехотворным, что я не поверил и стал спрашивать, что же всё-таки является реальной причиной такой жёсткой позиции Шапошниковой. Кстати, в правлении МЦР числился некто Т.Г. Григорьев (председатель исполкома Международной Ассоциации фондов Мира), которого мы за многие годы в глаза ни разу не видели, однако его почему-то не предлагают исключить, а прекрасного знатока Учения, народную артистку России, режиссёра, человека, который объехал вместе с Л.В. Индию и отснял видеоматериал огромной важности, мы вдруг должны изгнать только за то, что она пропустила три заседания... Нонсенс. Это не может быть истинной причиной. Но Шапошникова голосом железной леди предложила поставить вопрос об исключении Н.С. Бондарчук из членов правления МЦР на голосование.

Пока не успели проголосовать, Наталья Сергеевна, которая держалась очень достойно в этой ситуации, обратилась к Ю.М. Воронцову – президенту МЦР – с просьбой дать ей слово. Он не мог, не имел права лишать её голоса. Н.С. дала мощную отповедь Л.В., которой *пришлось всё это выслушать*. Спонсор, который тоже является членом правления, пытался успокоить или остановить Н.С., говоря, что *решения Л.В. не обсуждаются*, но это не возымело действия, и Наталья Сергеевна основательно урезонила генерального директора, после чего спокойно удалилась. Кипя от злости, Шапошникова отчитала меня после заседания, сказав, что я ничего не понимаю. Что Наталья Сергеевна, мол, во время своих творческих выступлений в разных городах объявляет, что выступает

народная артистка России, *член правления МЦР*, а потом несёт всякую ахинею. Читая статьи Натальи Сергеевны, слушая её выступления, смотря её фильмы, я никогда никакой «ахинеи» в её словах не обнаруживал. Наоборот, я ценил её как настоящего знатока Учения. Думаю, что, на самом деле, причиной «разбирательств» опять стала проклятая зависть и ревность Л.В.Ш., с которой она никак не могла и не сможет совладать. *Всё яркое и самобытное должно быть изгнано*, серое и послушное оставлено и приближено.

Тогда и моя судьба была predetermined. Л.В. сказала мне: «С Натальей Сергеевной вы сумели сохранить отношения, а со мной нет». Это правда. Я всегда относился и отношусь к Н.С. Бондарчук не только с огромным уважением, но и с теплотой. Но судьба распорядилась так, что мы ни разу не виделись за все эти годы после того злосчастного заседания... Конечно, уже давно у Л.В. возникло желание расправиться с непослушными. В правлении все должны только дружно поднимать руки, голосуя за предложения Л.В., и не задавать никаких вопросов. Вскоре вслед за Натальей Сергеевной изгнали и остальных «строптивых». Выставили из правления меня и Татьяну Георгиевну Роттерт – принципиального человека, замечательного искусствоведа с огромным стажем работы в крупнейших музеях. Помню, что ушли мы с ней с превеликим удовольствием, ибо выдержать нормальному человеку тягостные заседания правления было очень трудно. Пустяковые вопросы забалтывались. На три-четыре вопроса, на которые при деловом подходе и часа много, уходило всегда несколько часов...

Из правления-то мы ушли, но во власти разъярённой Тигро-Львицы остались. Власть её в МЦР была абсолютной и непререкаемой. По статусу МЦР – это общественная организация, по сути – тоталитарная. Недруги часто называют МЦР «тоталитарной сектой». Думаю, что определение «секта» – несправедливо, а то, что методы управления тоталитарные, – это абсолютно точно. Т.Г. Роттерт заболела и ушла из МЦР. Она бедствовала и остро нуждалась в помощи. Когда она лежала в больнице в общей палате на 14 человек, перенося иногда издевательства со стороны более молодых обитателей палаты, которые избрали «старушенцию» объектом насмешек и унижений, руководство МЦР делало вид, что оно ничего не знает. Хотя вполне могло бы помочь ей хотя бы тем, чтобы её перевели если не в отдельную палату, то хотя бы не в столь густонаселённую. Могли бы и лекарства купить дорогие и действенные. Думаю, что не сильно разорились бы. Но стоило только Татьяне Георгиевне умереть, как тут же показная забота руководства МЦР о ней была явлена миру. Купили ей дорогий гроб, в которых хоронят новых русских. Зачем он был нужен скромной старушке на девятом десятке лет? Лучше бы вы эти деньги при жизни выделили, чтобы жизнь этого замечательного Человека продлить, а переход в мир иной сделать не таким мучительным...

Т.Г. Роттерт ушла сама, а ко мне была применена тактика выдавливания из МЦР. Особенно старались новоявленные инквизиторы, да и сама Л.В.Ш. делала всё для этого. Её желание унижить меня при всех я переносил не просто стоически, но и с долей снисхождения, учитывая возраст мадам и печать, которой судьба отметила её ещё в детстве, о чём так красочно поведала её кармическая подруга Г. Бибикина в книге «Я – Шапошникова». Была она не просто недобрым, но жестоким ребёнком, о чём и рассказывала своей подруге с юмором, а не с раскаянием. Тактика выдавливания была продумана и «тройкой» согласована.

Например, меня пригласили во вновь созданный Объединённый Научный Центр проблем Космического Мышления (ОНЦ КМ), который задумывался вначале как самостоятельный научно-исследовательский центр (институт), но под влиянием различных факторов стал всего лишь отделом Международного Центра Рерихов. ОНЦ КМ создан по решению Международной конференции «Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века» (Москва, 9–11 октября 2003 г.). Туда вошли действительно многие достойные люди и известные учёные, тем более жалко, что такой мощный по замыслу Центр стал придатком МЦР, где под мудрым руководством «тройки» с неизбежностью гибнут со временем все светлые начинания. Мне предложили стать руководителем **секции «КОСМИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ В ИСКУССТВЕ»**. Тема была настолько моя, что я не стал отказываться, хотя понимал, что при моей и без того дикой загруженности в театре это будет дополнительная и очень серьёзная нагрузка. Но я этой темой занимаюсь четыре десятилетия, успел опубликовать около 50 статей и книг по данной (или близкой к ней) тематике (см. **Приложение № 11**), поэтому решил, что отказаться от этого предложения не имею права. Дополнительным стимулом войти в состав ОНЦ КМ для меня послужило решение уважаемой и обожаемой мной Т.П. Григорьевой тоже принять участие в работе этого Центра.

На общем заседании я доложил уважаемым членам этого столь перспективного (так мне казалось вначале) Центра, что я собираюсь площадку Оптического театра использовать как лабораторию для практической проверки гипотез и идей, которые изложил в перспективном плане развития порученной мне тематики. Никто не возражал. Да и как можно было возражать, если сам С.Н.Рерих назвал изобретённый мною Оптический театр ОКНОМ В ТОНКИЙ МИР. Логично было использовать уникальный солнечный инструментарий и все наработки за сорок лет экспериментов в театре-лаборатории и развивать их уже в соответствии с перспективными задачами в рамках Центра Космического Мышления...

С большим энтузиазмом я принялся за новое дело. Внимательно пересмотрел всю работу театра, ввёл в секцию «КОСМИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ В ИСКУССТВЕ» своих сотрудников, благо они были не только талантливыми исполнителями, но и людьми образованными. **Е.В.Зорина** – доктор философских наук, профессор, автор и исполнитель не только нескольких прекрасных спектаклей в Оптическом театре, но и автор многих статей по философии и книги «Русская метафизика и эзотерическая традиция. XX век», изданной в 2000 году. Кроме этого она впервые ввела в фундаментальные энциклопедические издания более двадцати выдающихся философов нашего времени, которых таковыми не признавала большевистская власть (в том числе и имя Е.И. Рерих) (см. НОВАЯ ФИЛОСОФСКОЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 3-й том, Москва, «МЫСЛЬ», 2001, стр.444). Е.В.Зорина, ещё будучи канд. филос. наук, несколько лет возглавляла научный отдел МЦР, пока Л.В.Шапошниковой не сместила её с этой должности. Неужели за прекрасно проведённый круглый стол на конференции в Юрмале... Л.В. после конференции услышала столько хвалебных отзывов от её участников о высоком уровне этого круглого стола, что тут же предложила Е.Зориной... стать рядовым сотрудником отдела, передав бразды правления другому человеку. Надо знать Е.В., её жизненную позицию, спокойствие и выдержку. На такое решение она отреагировала более чем спокойно, сказав только одно слово: «Хорошо».

Было это много лет назад, и я тогда ещё не успел привыкнуть к молниеносным расправам крутого «иерарха». Е.В., конечно, как и Т.П. Григорьева за место в МЦР не держалась, так как основная её работа (преподаватель философии) требовала от неё полной отдачи. Но, тем не менее, она была согласна остаться рядовым сотрудником научного отдела и продолжать работу, но тут уже я не выдержал и попросил её собрать свои вещи и уйти совсем. Всему же должен быть предел. Нельзя безнаказанно оставлять такое, мягко говоря, неадекватное поведение. Если бы гнев был вызван каким-то неэтичным поступком Е.В. или чем-то, заслуживающим наказания, и то можно было руководителю международной Культурной организации вести себя не столь резко и не оскорблять человека, разговаривая с ним таким тоном... Здесь же наказывали за прекрасно проделанную работу. Представлять МЦР в Юрмале поручила Е. Зориной сама Л. Шапошникова, которая в этот период была вынуждена срочно уехать в Индию по делам МТР (Международного треста Рерихов). Е.В. постаралась выполнить *порученную ей работу* наилучшим образом и провела круглый стол на высоком *научном* уровне, за что и была снята с должности руководителя *научного* отдела.

Р.В. Романов (замдиректора Оптического театра, автор оптических спектаклей и светодинамических композиций) уже получил высшее образование и был вполне способен участвовать в работе секции. **Д. Голованова** в это время заканчивала институт. Оба они – педагоги-психологи. Оба имели уже более чем шестилетний опыт работы в Оптическом театре. Именно поэтому я считал, что команда подбирается для работы в секции хорошая. Но я решил усилить эту группу и пригласил для участия в работе секции и в её заседаниях ещё трёх профессоров – **Б.М. Галеева, Ю.В. Линника и В.Ф. Колейчука**, а также кандидата психологических наук **Л.В. Карпенко**. Все они с удовольствием согласились принимать участие в научно-исследовательской работе по столь интересной тематике. Мы устраивали специальные лекции по тематике «КОСМИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ В ИСКУССТВЕ», проводили круглые столы, вместе с В.Ф.Колейчуком проводили эксперименты с принципиально новым музыкальным инструментом «овалофоном», позволяющим извлекать совершенно неземные звуки. Автор этого инструмента проф. В.Колейчук является также родоначальником нового направления в визуальных искусствах (стереоарт). Он ознакомил всю нашу секцию с оригинальными работами в этой области. Десятки его произведений потрясают воображение любого, кто видит это впервые. Над плоскими вращающимися пластинами из самых разных материалов появляются в воздухе объёмные изображения. Это – не фокус, не

голография, не чудо (хотя воспринимается именно как чудо). Это – результат воображения и точного расчета. Больше года приходил в Оптический театр В.Ф. Колейчук для совместных экспериментов.

В конце ноября 2007 года на заседание нашей секции приехал из Казани директор НИИ экспериментальной эстетики при АН Татарстана докт. филос. наук, проф. Б.М. Галеев. Он прочитал очень содержательную лекцию **о роли синестезии** в искусстве будущего. Всю его лекцию и круглый стол с участием практически всех членов секции и приглашённых художников и искусствоведов мы запечатлели на видео, также как снимали на видео и все лекции Ю.В. Линника по тематике секции. Ему эта тема очень близка. Он ещё в 1988 году защитил докторскую диссертацию «**Эстетика космоса**». Это было в советское время, но тематика его докторской была именно такой (без привязки к рабочему классу и прочим идеологическим подпоркам, которые требовались многим в те времена).

Прошёл год нашей интенсивной работы, и в ОНЦ КМ наступило время отчётов. Я тоже написал отчёт обо всём, что нам удалось проделать за это время. Как уже понятно из того, что я описал выше, мне было чем отчитаться. Всё было основано на фактах. После того, как зачитал свой отчёт и поднял глаза, я увидел колючий взгляд Шапошниковой, которая тоже была руководителем секции в этом Центре Космического Мышления, и должна была отчитываться вскоре после меня. Её мой впечатляющий отчёт явно не устраивал, потому что, как оказалось позже, ей отчитываться было абсолютно нечем. Она была перегружена работой по руководству музеем, и работой своей секции не занималась. Не могла же она сразу после моего бодрого доклада сказать о провале работы её секции. Нужна была психологическая перебивка, и она набросилась на меня, обвиняя в том, что я зачем-то рассказываю об экспериментах и лекциях в театре в течение года. Кому это нужно, что это ещё за новшества? *Нет, такой отчёт не годится.* Я напомнил ей, что моё предложение считать наш Оптический театр творческой лабораторией и именно там проводить все эксперименты, связанные с порученной мне тематикой, было всеми одобрено год назад. Поэтому именно там (а где же ещё?) я и проводил всю работу.

Эти мои слова она пропустила мимо ушей и, стараясь, чтобы это прозвучало как можно обиднее, сказала, что Зорин не оправдал её (!) надежд, что доложенное им – это совершенно не то, что она ожидала услышать. На место Зорина, не справляющегося с порученной ему работой, нужно пригласить человека другого масштаба, имеющего учёную степень, который эту тематику поведёт на более высоком уровне, чем Сергей Михайлович, который, в принципе, мог оставаться рядовым сотрудником, но не руководителем секции. Кстати, Л.В.Ш. не являлась руководителем ОНЦ КМ и по статусу своему не имела права вот так сама единолично расправляться с любым членом Центра Космического Мышления. Хотя бы для приличия на голосование поставила вопрос об отстранении меня от руководства секцией. Нет, она – «единовластная хозяйка» не привыкла ни с кем советоваться и учитывать чьё-либо мнение. В любой момент времени она могла круто расправиться с каждым, кто имел несчастье оказаться в структуре МЦР. Столь быструю расправу, опешив от неожиданного нападения, все члены ОНЦ КМ «проглотили», м.б., потому, что не их лично коснулся гнев Тигро-Львицы. Пройдёт время, аппетит Л.В.Ш. вырастет и она примется и за самого руководителя ОНЦ КМ... Но тогда народ робко пошумел, что отчёт не так уж плох, что, мол, они не видят причин так резко со мной поступать. Но портить отношения с суровой «владычицей» никто не захотел...

Так как судьба моя была решена, чему я очень обрадовался, ибо под предводительством Л.В.Ш. и эти заседания (также как и заседания правления МЦР) превращались для меня в пытку, то перешли к следующему руководителю секции. И вот тут Л.В.Ш. объявила, что отчёта у неё нет, так как ей было не до этого... Все «проглотили» и этот её пассаж. Что же поделаешь? Она человек чрезвычайно занятый, ей простительно... И впрямь, заседания правлений, конференции, написание книг. А тут ещё всепоглощающая страсть – многократные переделки экспозиции музея под её чутким руководством, которые превратили музей великого Художника в лоскутное одеяло. Да и «враги» одолевали со всех сторон. Всё это отнимало кучу времени, поэтому можно было научной работой и не заниматься... Так, видимо, всю жизнь Л.В.Ш. хватало времени на всё кроме научной работы...

В перерыве многие члены ОНЦ КМ говорили мне, что отчёт мой был вполне приемлемым, и они не понимают, чего она вдруг взбеленилась. Потому и разъярилась, что отчёт хорош. Унизив меня таким образом, Шапошникова думала, что я так же, как и Е.В.Зорина, уйду из МЦР, но я продолжал терпеливо сносить все её выпады, считая, что не имею права поддаваться эмоциям и бросать то дело, которое, по сути, *мне поручено*. Ведь столь определенное пожелание С.Н. Рериха о синтезе уникальных возможностей Оптического театра и музея нового типа, вполне можно рассматривать как его поручение, которое я не имел права провалить... Если собрать воедино все её

высказывания в мой адрес, то любой нормальный человек понял бы, что нужно иметь невероятное терпение, чтобы *годами* сносить всё это и, тем не менее, не бежать оттуда, сломя голову, а оставаться в этой организации... Конечно, после такого нападения Шапошниковой всякое желание посещать заседания ОНЦ КМ у меня исчезло. Я уже почти два года на них и не хожу. Вместо меня назначили другого, а потом и секцию упразднили. Но всё равно информация о первых годах работы ОНЦ КМ в Интернете есть, в чём нетрудно убедиться. Ссылка: http://cosmic-entality.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=165

Информация о начале работы ОНЦ КМ есть и во многих других местах а Интернете и, если кому-то это интересно, то найти нетрудно. Наберите просто «ОНЦ КМ» и вы получите много ссылок на его работу, хотя сайт временно закрыли, видимо, подчищая там всё после расправ Л.В.Ш. над его членами...

Для меня ясно, что ни Живой Этики (вообще никакой), ни космического мышления в МЦР нет, а играть в их игры с самозванными «иерархами» скучно, когда есть настоящее дело. Игры эти и советы *свыше* мне изрядно надоели за долгие годы работы в МЦР. Помню ещё до переделки нами театра, в котором не было ни вентиляции, ни канализации, мы встретились с Л.В.Ш. во дворе. Уже поднимаясь по ступенькам в административное крыло музея, она остановилась и, глядя на меня сверху вниз, изрекла: «Пора, Сергей Михайлович, переходить из трёхмерного мира в четвёртое измерение. Вот тогда ваши спектакли обретут другое качество». Я поблагодарил её за мудрое указание, сказал, что и сам об этом мечтаю, но мне бы пока решить задачи намного скромнее, но буквально жгучие. Куда в трёхмерном пространстве бегать в туалет моим зрителям, когда всё закрыто в музее после семи вечера, а в самом театре туалета нет. Вот у зрителей и не остаётся иного выбора – или в четвёртое измерение, чтобы никто не видел, или под дерево, растущее возле театра. Если зайти за него, то можно быстро сделать своё дело, тем более, что из окон поликлиники в наш двор выбрасывают кучу всяких бинтов, тампонов и прочей мерзости... Конечно, это не выход для культурной организации. Вот решим самые жгучие проблемы – и я обязательно займусь четвёртым измерением... Дерево по приказу начальства спилили, а мы в 2000 году своими силами основательно переделали театр, после чего гараж стал уже настоящим театриком, столь любимым многими москвичами и участниками всех конференций.

Самое время было после окончания этого ремонта вспомнить мудрую фразу Л.В.Ш. и подумать о переводе на новый качественный уровень всех наших композиций, которые *нас самих в высшей степени не устраивали* (хотя и в таком виде зрители театр очень любили и даже оставили записи более десяти лет назад, что у них такое ощущение после посещения нашего театра, будто они побывали в четвёртом измерении. См. на нашем сайте Книгу отзывов)). Но мы все были недовольны качеством наших же программ и мечтали о переходе на более высокий уровень. Из-за этого и бились за новый инструментарий, делая всё возможное для этого. Но одного энтузиазма и рук, не боящихся работы, мало. Вот бы где мудрому «иерарху» помочь нам, но в планы Шапошниковой это не входило. Театр и так уже посещали не меньше, чем музей, а если ему оказать помощь, то он перетянет зрителей и затмит дивную экспозицию, рождённую самой Шапошниковой. Яркий театр ей был категорически не нужен. Удавить! И удавили...

Машина репрессий в МЦР на мне не остановилась. Она работает и в конце 2009 года, и будет работать всегда, пока Центром руководит эта администрация. Сейчас они выдавливают Дарузе Галину Васильевну – замечательного искусствоведа с огромным стажем музейной работы, которую в своё время (особенно после ухода из жизни уникальной и неповторимой Татьяны Георгиевны Роттерт) так страстно желала заполучить в сотрудники МЦР сама Л.В. Шапошникова.

Не знает Л.В., что Марию Филипповну отдать картины В.Т.Черноволенко в МЦР уговаривали ненавистный ей Зорин и Галина Васильевна. М.Ф. сначала сопротивлялась, сказав, что и трёх подаренных ею картин МЦР будет достаточно. Но мы ей доказывали, что ничего нет вечного под Луной и никто не вечен. И эти руководители, и все мы рано или поздно покинем этот план, а музей Н.К.Рериха останется. Будет ли он общественным или государственным – не столь важно. **Но он будет!** И объединение в веках двух славных имён – Н.К. Рериха и В.Т. Черноволенко – это правильный шаг.

После продолжительных колебаний Мария Филипповна согласилась с нашими доводами, сказав примечательную фразу: «Отдаю картины без страха. Пока вы (я и Дарузе) работаете в МЦР, я за судьбу картин спокойна». Многие зрители видели неоднократно Марию Филипповну на наших спектаклях. Она очень высоко ценила работу Оптического театра, предвещая большое будущее

такому прекрасному и светоносному направлению. Часто она приходила на вечера, посвящённые «Амаравелле», со слезами на глазах благодарила за чудесную свето-звуковую композицию, которую я много лет показывал зрителям. На трёх экранах, как на большом складне, плыла река Вечности. Прекрасные самосветящиеся полотна Черноволенко (на экранах они именно казались самосветящимися) и великолепные галактики и туманности, отснятые с помощью орбитального телескопа «Хаббл», сливались в неповторимый Поток, который сопровождали импровизации на фортепиано самого Виктора Тихоновича... Многие говорили после показов, что они уплывали из этого реального мира в миры высшие, в иное измерение. Так что можно было уже докладывать Л.В.Ш., что её мудрый наказ выполнен. Правда вскоре её безграмотные помощники напишут гнусное письмо-донос, в котором сумеют сконструировать фразу, говорящую об их уровне развития и понимания: «Ввиду последнего план Оптического театра в том виде, как он задумывался С.Н.Рерихом в качестве Окна в Тонкий мир, так и не была реализована директором театра на практике».

Нет теперь ни театра, ни Марии Филипповны. Меня выгнали первым. За мной выдавили и всех моих сотрудников, хотя никто из них и не собирался оставаться без меня в этой конторе.... Честной же и принципиальной Галине Васильевне Дарузе тоже в МЦР не место. Она – истинная Хранительница полотен и Рерихов и Черноволенко. Никто и ни при каких обстоятельствах *при ней* на эти картины покуситься бы не смог. Ничего не получилось бы. Значит, нужно и её выдавить и править бал так, как пожелают новоявленные приватизаторы. Бедная Мария Филипповна... Если бы она знала, как расправится администрация с теми, кого она считала гарантом сохранности картин её мужа, то ни за что не отдала бы эти картины в МЦР. Но я и сейчас уверен, что мы тогда с Дарузе поступили правильно. Именно в музее Рериха самое место многим картинам Виктора Тихоновича. Пена схлынет, а эти имена будут сиять вечно, и радовать людей своим самобытным и изумительным творчеством.

Не выгнать нас просто не могли. В последнее десятилетие моей работы в МЦР я ощущал плохо скрываемую неприязнь ко мне со стороны Л.В.Ш. Она при каждом удобном случае старалась меня побольнее задеть, обидеть, унижить, надеясь, что я не выдержу такого отношения и сам уйду из МЦР. Бдительный читатель удивится и усомнится: «ведь вы же пишете, что Шапошникова могла изгнать любого из МЦР, а тут вдруг она почему-то вынуждена была выдавливать какого-то Зорина вместо того, чтобы немедленно уволить строптивца. Где же логика?». Дело в том, что *десять лет назад* сразу и без причины выставить меня из МЦР ей было действительно трудно. Её останавливала от резких движений и моя давняя дружба с Т.П. Григорьевой, о которой она прекрасно знала. Выгнать меня без причины Шапошникова не могла, рискуя получить гневную отповедь со стороны Татьяны Петровны и новый разрыв отношений с ней. Не могла она не помнить и тот факт, что, по сути, первым в СФР-МЦР пригласил меня С.Н.Рерих. Кроме этого те, кто посещал МЦР, часто восторженно отзывались об увиденном в Оптическом театре при Шапошниковой, чем, конечно, задевали струны ревности, но и останавливали от резких движений. Меня и созданный мною Оптический театр знали все рериховцы и России, и ближнего, и дальнего зарубежья. Просто так вышвырнуть неудобного для самозваных «иерархов» Зорина было непросто. Поэтому для моего изгнания ей нужен был веский повод. Я же стойко переносил все издевательства, считая, что не имею права поддаваться эмоциям и уходить из Центра, в котором действительно можно и нужно было сделать прекрасный Оптический театр, так как *это было желание Мастера*.

Вот почему, страстно желая в последние годы от меня избавиться, всесильная Шапошникова не могла этого сделать мгновенно. Как-то придётся всем объяснять. Нужна была причина. Её выискивали, и почву начали готовить давно. Думаю, что это «под меня» издавались «идиотские» приказы ещё в 2005 году (об этом см. ниже)... Согласно этому приказу все сотрудники МЦР должны были в кратчайшие сроки убрать всё личное имущество из территории МЦР. У кого, кроме меня было имущество, для вывоза которого понадобилось бы несколько грузовиков? Ни у кого, кроме меня. Стеценко рассчитывал, что я на этом его приказе и попадусь. Увезить такой объём старой (но столь необходимой для изобретателя) техники и материалов мне будет некуда. Он же этим приказом объявил, что после определённого срока, всё, не вывезенное за пределы усадьбы, имущество будет считаться собственностью МЦР. Уже в 2005 году я понял, что война переходит в горячую фазу и что начинается буквально вытеснение меня и театра из МЦР, но, завизировав тогда этот приказ, я даже не пошевелился, чтобы убирать свое имущество, которым был набит весь театр и все чердаки. Некуда его было вывозить? Стеценко, узнав об этом, заранее потирал руки, полагая, что позднее

именно этот приказ позволит ему отнять у нас (у меня) всё оборудование театра. Иезуитский ход, но что поделаешь, когда имеешь дело с такими «специалистами» по отъему чужого имущества. С 2005 г. администрация, провоцируя меня, всё ждала, когда же я сделаю неверный ход, чтобы осуществить свой план по ликвидации театра. И дождались!

Когда на заседании правления в конце 2007 года я сам высказал им в глаза всё, что я о них думаю, «тройка», конечно, оскорбилась за критику, но и обрадовалась. Вот оно. *Подставился!* Свидетелей много. Вот теперь запишем во «враги» и добъём уж точно... Действительно, к концу 2007 года я понял, что пришло время выводить «иерархов» на чистую воду. Осознавал, что восстать против администрации МЦР – значит подписать приговор себе и театру. Ясно понимал, что они не просто меня выгонят и ошельмуют, как, может, никого другого, а постараются расправиться со мной по полной программе. Но и молчать дальше уже не было никаких сил... Как начальника отдела – в структуре Центра-Музея им. Н.К.Рериха Оптический театр значился отделом – меня иногда приглашали на некоторые заседания правления МЦР (даже после моего изгнания оттуда). На одном из заседаний я не выдержал очередной расправы и открыто выступил потому, что был глубоко возмущён наглостью администрации, которая только нарастала от безнаказанности и «молчания ягнят».

В этот раз они набросились на заместителя директора по экономике Сергея Анатольевича Аникина. Взрослый достойный человек, который явно не привык, чтобы с ним разговаривали таким тоном, должен был выслушивать, как мальчишка, всю ту ахиною, которую несли А. Стеценко и В. Фролов – главные обвинители во всех процессах. Я смотрел на то, как багровеет лицо Аникина, надуваются жилы на его шее... *Они же знали*, что он недавно из больницы, что у него больное сердце. Неужели элементарного сострадания нет у этих инквизиторов... Понимая, что, если они будут мучить его и дальше, дело может принять трагический оборот, я прервал обвинителя на полуслове, громко сказав, что в нашем духовном Центре установилась какая-то казарменная дисциплина и возобладал армейский дух.

Вся «тройка» развернулась в мою сторону, сразу же позабыв о жертве, которую они терзали. «Так, – сказала Л.В.Ш., – ну-ка поподробнее, что вы имеете в виду?». Тут уже было не до реверансов, и я высказал всё, что наболело, и что давно рвалось наружу. Сказал об идиотских приказах, которые иногда генерирует руководство МЦР, видимо, не очень понимая, зачем такие приказы издаются. На предложение привести примеры таких приказов, я ответил, что время от времени визирую приказы, как и все руководители отделов, которым приносят их для ознакомления и подписи, однако наизусть их номера не запоминаю. Но, если нужно, то поищу в отделе кадров и принесу им для доказательства своей правоты. Сказал также, что ведущаяся кампания по дискредитации В. Росова не добавляет авторитета МЦР, что статья, написанная профессором В. Фроловым по заданию Л.В.Ш., с которой МЦР выступил в Литературной газете, очень слабая. Написана она не очень грамотно, но особенно возмущает лихое словотворчество Фролова, приставившего к имени Н.К.Рериха недостойные эпитеты, которые *он сам выдумал* для этой публикации! «Нам всем должно быть стыдно, что мы вышли в мир с такой статьёй».

На следующем заседании правления руководство включило вопрос, специально посвящённый разбору моего личного дела. А. Стеценко, как председатель комиссии, назначенной Л.В.Ш. по расследованию дела очередного выявленного «внутреннего врага», настаивал, чтобы я написал подробную служебную записку (*справку*) о создании Оптического театра и о его функционировании в составе МЦР. Я не стал отказываться и написал подробнейшую справку, в которой было всё, в том числе и самые положительные отзывы о помощи Л.В.Ш. на первом этапе, когда театр только планировали переместить в СФР-МЦР. Тогда Л.В. Шапошникова сыграла действительно положительную роль, и театр был развёрнут на территории усадьбы Лопухиных. Были в этой Справке и критические замечания в адрес Л.В.Ш., когда она заставила нас в более поздние времена буквально выживать, теряя годы (!) и последние силы на то, что можно было при её хорошем отношении легко сделать за один-два месяца. *И эту справку, и моё письмо лично Шапошниковой могу опубликовать в Интернете.* Когда она болела, а Стеценко выжимал из меня заявление об уходе, я написал большое письмо, которое ей вручили дома сотрудники МЦР, поехавшие поздравлять её с праздником (8 марта 2008 г.). Конечно, мне не хотелось бы больше обращаться к этой теме вообще. И если руководство МЦР больше не будет писать обо мне (по-моему, они достаточно написали уже *после* моего ухода, а я им отвечаю впервые), то и я обещаю больше ни строчки не писать. Тем более, конечно, я не буду выставлять в Интернете все аудио и видео-записи,

которые им явно не понравились бы. Предлагаю прекратить на этом обмен «любезностями», ибо творческим людям есть чем заниматься в этой жизни.

Итак, с моей Справкой поработали основательно только Фролов и Стеценко. Больше никто из членов правления о ней даже не знал! Им *её не показали и не раздали*, что говорит о явном презрении «тройки» к «статистам», которые должны исправно поднимать руки и молча голосовать за «мудрые» решения, выносимые руководством на утверждение правления. Не могла её прочитать и сама Л.В.Ш., так как к этому времени у неё уже было совсем плохо со зрением. Оба «инквизитора» поняли, что пробил час расплаты за их (как они считали) оскорбление этим зарвавшимся изобретателем.

Усадили трудолюбивого Пашу Журавихина за большую работу – распечатку со слуха всего, что было сказано на предыдущем заседании правления, на котором я спонтанно выступил в защиту преследуемых сотрудников и с критикой казарменных порядков в руководимом ими Центре. Итак, фонограмма легла перед ними на стол в виде текста, моя объёмистая справка тоже была в их распоряжении. Умело выхватывая из того и другого текста фразы, раздражающие слух не привыкшего к критике генерального директора, они без труда могли окончательно разозлить Л.В.Ш., а членов правления привести в недоумение и изумление. «Да как же он посмел? И на кого...». В общем, «труженики» обвинительный документ состряпали и радостно ожидали скорой развязки.

Накануне заседания я увидел в руках одного из членов правления собственную речь, произнесённую на предыдущем заседании, которая была распечатана для того, чтобы она могла заранее настроить членов Правления должным образом. Только её и раздали им, больше ничего! Я попросил у члена правления текст со своим выступлением, чтобы подготовиться к предстоящему на следующий день разбору моего личного дела. Человек, которого я знал много лет и к которому всегда относился с большим уважением, вдруг слегка побледнел и сказал, что дать мне этот текст не может, ибо ему влетит от Людмилы Васильевны... Речь я не получил в напечатанном виде, но фонограмма её у меня, естественно, была. Кстати, каждое заседание правления в МЦР все годы записывалось на диктофон, а более ответственные мероприятия всегда снимались видеокамерой, поэтому в МЦР имеется громадный архив, с которым когда-нибудь смогут поработать не только историки, но и общественное обвинение...

На следующий день заседание правления состоялось, и «тройка» уже заранее предвкушала, что вскоре я вылету из МЦР, как пробка из бутылки шампанского. Вот сейчас «инквизиторы», прочтут обвинительное заключение, все дружно проголосуют, и... прощай г-н критикан, нам таких не нужно... Л.В.Ш. предоставила мне слово, спросив, не одумался ли я, критикуя «идиотские» приказы по МЦР и статью «Культура, не политика» в Литературной газете, направленную против В. Росова.

Я сказал, что готов зачитать копии некоторых приказов, чтобы порадовать слух остальных членов правления этими «шедеврами». Накануне пересмотрел *все приказы* (это было, конечно, явное упущение администрации) в отделе кадров и нашёл те, которые называл «идиотскими», снял с них копии, чтобы все увидели воочию их чисто армейский стиль и дух. Приведу только один пример, чтобы и читатель прочувствовал, до какой казуистики и глупости могут додуматься чиновники, которым делать нечего, но нужно же продемонстрировать ИБД (имитацию бурной деятельности). Например, в приказе № 4 от 23 января 2005 года тов. Стеценко подробно расписывает правила использования сотрудниками личного имущества на территории Музея им. Н.К.Рериха. Если сотрудник МЦР захочет принести необходимый ему для работы, например, личный ноутбук или фотоаппарат, то он должен сначала:

«а) написать заявление на имя Генерального директора Музея имени Н.К.Рериха, Вице-президента МЦР и получить на это соответствующее разрешение;

б) получив разрешение на использование личного имущества на территории Музея, сотрудники Центра-Музея должны зарегистрировать данное имущество в эксплуатационно-техническом отделе Музея в "Книге учёта использования личного имущества сотрудников на территории Музея имени Н.К.Рериха";

в) снятие с учёта личного имущества, используемого в служебных целях, вынос (вывоз) его с территории Музея происходит на основании заявления владельцев этого имущества (опять же на имя Шапошниковой. С.З.), соответствующей отметки в "Книге учёта использования личного имущества сотрудников на территории Музея имени Н.К. Рериха" и материального пропуска на вынос (вывоз) этого имущества с территории Музея».

Полагаю, что трёх процитированных пунктов этого «шедевра» вполне достаточно. Все восемь пунктов я цитировать не буду, иначе мне пришьют разглашение государственной тайны с отбыванием наказания на необитаемой планете в Космосе... Обращаясь к Л.В.Ш., я попросил её представить на минуту исполнение этого приказа. Утром к ней толпами пойдут сотрудники с заявлениями на внос на территорию «режимного объекта» личного имущества. На подпись их заявлений она должна будет тратить время, разбираться, нужно ли сотруднику или не нужно в этот день то или иное техническое устройство. Мы (все сотрудники Оптического театра), например, ежедневно носим свои фотоаппараты на работу и с работы, ибо все сотрудники снимают слайды для композиций в Оптическом театре, а МЦР не купил нам за 18 лет ни одного (!) фотоаппарата, поэтому мы и вынуждены использовать «личное имущество». Да и ноутбуки, и другую личную технику мы часто используем всё по той же причине. Получив утром высочайшее разрешение, мы должны будем бежать в технический отдел записывать вносимое оборудование в «Книгу учёта...». Вечером опять должны идти к Л.В.Шапошниковой с заявлением на вынос. Получив от неё разрешение, бежать в технический отдел и становиться в очередь, чтобы получить пропуск на вынос... А если Л.В. уже уехала, то вынос не состоится и, например, запланированная фотосъёмка на другой день уже будет невозможна. Это какая же степень недоверия к собственным сотрудникам должна быть у руководства, чтобы издать в общественной творческой организации такой приказ?

Приказ этот, действительно, идиотский, поэтому с 2005 года он и не выполняется. Тогда зачем было его писать, знакомить с ним руководителей всех отделов и подшивать его в отделе кадров? Приказ этот, как я написал выше, и был придуман лично против меня (задел на будущее, которое трудолюбиво готовили «кукушата»). Но были и другие приказы, наполненные крючкотворством, унижающим сотрудников МЦР недоверием к ним. Этих «шедевров», пропитанных армейским духом, скопилось немало за последние годы, когда всю администрацию уже, по сути, представлял первый помощник ген. директора. Начитался я их вдоволь в отделе кадров. Приводить их нет никакого желания, хотя их копии у меня остались... Это в армии у солдата ничего лишнего, что не соответствует Уставу, не должно быть в его прикроватной тумбочке. Полковник в отставке, видимо, ошибся, перепутав общественную творческую организацию и армейскую казарму. Последние годы тов. Стеценко упорно называет Центр-Музей им. Н.К. Рериха не иначе как *«режимный объект»*.

Л.В.Ш. попыталась спасти столь милых её сердцу помощников, сказав мне, что это она сама придумала эти приказы и нечего, мол, критиковать *её действия*. На это я ответил ей, что хоть под приказом и стоит её подпись, но уши полковника из-за этого приказа видны и их не спрячешь. Она ведь писатель и на такое крючкотворство и такой стиль просто не способна. Это чисто армейский стиль и образ мысли. И непонятно, зачем ей нужно выгораживать своих нерадивых помощников.

После этого Л.В.Ш. спросила меня, не изменил ли я своего отношения к статье «Культура, не политика», которую, по её мнению, несправедливо раскритиковал. На это я ответил, что очень внимательно перечитал ещё раз эту статью, размахивая которой, как флагом, МЦР ринулся в атаку на В.Росова. После такого углублённого анализа могу сказать, что эта статья оказалась ещё хуже, чем мне показалось после первого прочтения. Профессор В.Фролов написал её недостаточно грамотно, что не делает ему чести. Мог бы выложить текст статьи во внутренней сети МЦР, грамотные сотрудники хотя бы поправили стиль и, возможно, отговорили бы объединять имя Рериха со столь негативными словами. Но всё всегда делалось втайне от коллектива, хотя администрация вроде бы выступала от его имени. Фролов в это время смотрел на меня «ласковым» взглядом, а Л.В.Ш. постаралась выгородить и его. Тогда я сказал, что ей самой должно быть стыдно за такую слабую статью, так как, в конечном итоге, именно она отвечает за всё, что исходит от имени МЦР. Больно читать эту статью «защитников» Рериха, которые сами приставляют к этому великому имени недостойные слова. Далее сказал Л.В.Ш., видимо, очень обидные для неё слова, что если в любой организации (тем более, в духовном Центре) всё идет нормально, то руководителя любят и уважают, а её в МЦР большинство сотрудников просто боится.

– Кто меня боится? – раздражённо спросила Шапошникова.

– Многие. Вот, к примеру, член правления, который побоялся мне показать вчера мою же речь на предыдущем правлении. – И я назвал фамилию этого члена правления, сидевшего, кстати, буквально рядом со мной.

– А у вас, что, память отшибло? Вы разве не помните, что говорили на прошлом правлении?

– Помню, конечно, но вам не кажется, что страх, сковывающий сотрудников, – это для общественной организации более чем странно.

Ещё сказал, что Л.В. сама подобрала себе свиту, и показал на двух «иерархов», сидящих рядом с ней. Напомнил известное изречение, что «свита делает королеву», и выразил сожаление, что у неё именно такая свита, которая роняет её имидж...

Л.В. после этого высказывания лишила меня слова и, так как обвинительный акт, в котором часто звучали слова «предатель» и «враг», был уже зачитан товарищем Стеценко, предложила обсудить моё вызывающее поведение и закончить с этим... вопросом. «Тройка» была уверена, что все члены правления единодушно поддержат вынесенное решение и этот инакомыслящий тип, наконец-то, будет выставлен за ворота МЦР. То, что произошло дальше, приятно удивило меня и весьма разочаровало администрацию. Все члены правления, выступая друг за другом, говорили, что, наверное, я в чём-то не прав, но никакого врага они во мне не видят и с выводами «следователей» не согласны. Особенно должно было их разозлить выступление известной лётчицы, героического испытателя крылатых машин Марины Попович. Она сказала, что никаким предателем и врагом делу Рерихов с её точки зрения я не являюсь и что она, приходя в Оптический театр и видя там мои композиции, испытывает такой же трепет и такое же волнение, как и тогда, когда она любит картины Н.К. Рериха. Поэтому, по её мнению, я не враг делу Рерихов, а продолжатель этого дела. За меня, по сути, вступились тогда все, и даже тот член правления, которого я привёл в пример как человека, побоявшегося дать мне мой же текст из страха вызвать на себя гнев Генерального... Таким образом, «тройка», предлагавшая выкинуть меня из МЦР уже на следующий день, *не была поддержана ни одним членом правления.*

Можно только представить, что они испытали в тот момент. Но Л.В.Ш. давно славится своей твёрдостью и решимостью. Не в её правилах прислушиваться к резонным замечаниям. Так было и с Эдуардом Крапом, которого она выгнала из правления и сняла с должности начальника отдела, по сути, за его старание сделать порученное дело как можно лучше и точно в срок. Так было со всеми изгнанными ею из МЦР. Так произошло и в этом случае. Никакие доводы её пронять не могли. Она решила опереться на весь коллектив Центра-Музея, который уже достаточно запуган и (в отличие от членов правления, как она думала) единодушно поддержит её в вопросе с изгнанием Зорина из «святой обители».

Вскоре все сотрудники МЦР *под расписку* были приглашены на общее собрание, на котором администрация рассчитывала покончить со строптивцем. Открыла собрание Л.В. Шапошникова, сказав: «Мы ведём жестокую борьбу [нет, не "борьбу", – "мы ведём войну не на жизнь, а на смерть!" – на всех видеозаписях и фонограммах сохранилась именно такая её часто повторяющаяся формулировка] с врагами, окружающими нас со всех сторон, а в нашем Центре находятся люди, которые наших методов борьбы не разделяют и хотят отсидеться за нашими спинами, пока мы сражаемся на передовой». Дальше она сказала, явно намекая на меня, что пусть, мол, некоторые не думают, что мы собираемся их выгонять (?). Выступил и тов. Стеценко, посмеявшийся сказать всему коллективу, что когда он ещё не работал в МЦР, то ему казалось, что в *такой* организации работают какие-то особые люди, чуть ли не ангелы. Но когда он пришёл в МЦР, то обнаружил, что здесь работает такое..., что ему самому пришлось взяться за нелёгкую работу по расчистке этих «авгиевых конюшен». Сказал он не именно эти слова, но суть их была точно такова. То, что это прямое оскорбление всех сотрудников, рубке-воину как-то в голову не пришло. Далее, вспомнив обо мне, он тоже вслед за Л.В.Ш. горестно посетовал, что *некоторые* не участвуют в защите имени и наследия Рерихов. Странно, но оба так и не назвали моей фамилии.

Однако «иерарх» Фролов положил конец этой неопределённости. Он сказал, что в МЦР происходят странные дела. Например, Генеральный директор музея Л.В. Шапошникова хотела избавиться от директора Оптического театра, а члены правления не поддержали её. «Что же это происходит, – возопил Фролов, – *где же соблюдение законов иерархии?*». Вот это уже ближе к цели. Оказывается, в Центре царит не подавляющая творческий дух тоталитарная система правления, а... *законы Иерархии*. Армия тоже устроена на принципах иерархии, но бездушной и жестокой. Но там всё понятно: это структура для войны и убийства. А здесь чем обусловлена такая бездушная система? Прихотью одного человека, возмнившего, что он – непогрешимый и всезнающий... Поэтому все, кто правила игры Л.В.Ш. не принимает, – это отступники и предатели. Нужно заклеить позором очередного отщепенца и изгнать его всем миром. Боже милостивый, как же всё это напомнило жуткий дух 30-х годов XX века в нашей многострадальной стране... Для того чтобы очистить ряды от позорящих организацию элементов, и было собрано общее собрание. Но и тут поворот событий стал неожиданным для администрации.

После выступления «иерарха» Фролова я решительно вышел на трибуну. Посмотрев на сидящую в президиуме суровую «тройку», я сказал, обращаясь ко всем сотрудникам МЦР, что не могу не выступить, что я просто обязан своим друзьям и коллегам, с которыми проработал 18 лет, рассказать, что же происходит на самом деле. Руководство обвиняет меня в том, что я не защищаю имя и наследие Рерихов. Но повторю ещё раз, что не понимаю саму постановку вопроса. Защищать имена Рерихов вряд ли нужно, так как они сами себя могут защитить той огромной работой и духовными свершениями, которые они оставили всем нам перед уходом в вечность. Я всегда был уверен, что многолетняя кампания по защите «имени и наследия», проводимая МЦР, может дать результаты, обратные ожидаемым. «Защищать» Рерихов такими агрессивными методами, какие демонстрирует наше руководство, точно не нужно. Подлинная защита имён Рерихов состоит в утверждении их идей, идей Культуры, в утверждении Красоты и Гармонии. Этим должен заниматься наш Центр, а не гонениями, разоблачениями и судами. Творением Красоты мы и занимаемся в Оптическом театре.

Но, продолжил я далее внимательно слушающему залу, бывают ситуации, когда необходимо защищать именно имя, честь и достоинство Рерихов. Такая ситуация, в частности, сложилась в 1994 году, когда РПЦ, по сути, предала Рерихов вместе с Блаватской анафеме. Синод заявил, что каждый, кто берёт в руки книги Рерихов, сам автоматически отлучает себя от Православной церкви... Через какое-то время после этой акции в нашем Центре появился корреспондент радио «Свобода» Яков Кротов, которого многие знают как автора программы «С христианской точки зрения». Он же является автором многих афоризмов, среди которых есть и такой перл: «Свобода человека есть свобода не быть человеком». Это очень опытный, умный и коварный журналист. Я сам иногда слушал его передачи по радио. И вот после акции РПЦ против Рерихов он появился в МЦР.

Кротов ходил по всему Центру и вопрошал, не сектанты ли мы? Просил объяснить ему, кто такие рерихиане или рериховцы? Ведь нет же суриковцев или васнецовцев. Это что у вас, вера такая новая? Вы что, против церкви Православной выступаете? Вопросы были разные, но желающих отвечать на его вопросы не было. От него начали просто прятаться. Некоторые даже закрылись в своих комнатах изнутри на ключ. Л.В. Шапошниковой тогда на работе не было. Он говорил, что сотрудники Центра – трусливые зайцы, которые не могут даже защитить своего кумира и Учителя. Не получив ни от кого никакого ответа, он уже хотел уходить, обещая такую передачу об МЦР сделать, что мало не покажется.

Тогда я понял, что отпускать его так нельзя. Он ведь и впрямь выставит перед всем миром нас как сборище трусов, которые при первом же испытании побоялись *хотя бы попытаться* защитить имя Рерихов. Как мы тогда будем людям в глаза смотреть? Буквально преградив ему путь на выходе из усадьбы, я пригласил пройти ко мне в комнату во флигеле для разговора. Он спросил, кто я такой, и, получив ответ, что я являюсь членом правления МЦР и директором театра, согласился брать у меня интервью. Мы проговорили около двух часов. Я призвал его быть в разговоре честным и не бояться критиковать церковь, к которой он уже тогда имел отношение. Сейчас он – священник. По образованию Кротов – историк. Его крестил ещё в 1974 году отец Александр Мень. Не только он мне, но и я ему (как историку) задавал вопросы. Например, спросил его, знает ли он, что в 1903 году синод РПЦ не хотел канонизировать Серафима Саровского и, если бы царь Николай Второй не надавил на синод, то, может быть, святого старца тогда бы и не канонизировали. Вряд ли подобные факты украшают церковь. В этом факте много очень показательного. Церковь всегда (и при царе и сейчас) прогибается перед светской властью, вместо того, чтобы быть истинно независимой и вести за собой, воспитывать паству, в том числе и руководителей государства...

Рассказал ему, как почитали Рерихи Сергия Радонежского, как много в первый период своего творчества Николай Константинович написал картин, в которых им воспета Православная Русь, как много сделал великий художник ещё до революции монументальных мозаик для храмов, росписей и даже икон. Рассказал, что мы сами недавно ездили в село Пархомовку (Украина) и видели своими глазами прекрасные мозаики, созданные на храме Покрова Пресвятой Богородицы по эскизам Н.К.Рериха. Были мы и в бывшем имении княгини Тенишевой в Талашкино, где нас потрясла мозаика «Спаса Нерукотворного» на фасаде церкви, бросающаяся в глаза ещё издали. Это тоже – знаменитая работа Н.К.Рериха, мозаика была создана по его эскизам. Можно было бы ещё много привести примеров храмовой живописи, автором эскизов для которой тоже являлся Рерих. В том же Талашкино Н.К.Рерих собственноручно расписывал стены внутри церкви. Да только советская власть, изуродовавшая десятки тысяч храмов, не пожалела и этот дивный храм. Поэтому роспись

Н.К. до нас не дошла. Чем же эти деяния Рериха не угодны нашей церкви? Говорил ему также о великом вкладе всей семьи Рерихов в мировую культуру, чем они укрепляли во всём мире авторитет России. Довольно резко отозвался я о том, что иерархи нашей церкви этим определением собора от 1994 года по поводу Рерихов сделали хуже не им, а себе...

Много было сказано тогда, всё не передашь сейчас. Кротов записал всё на диктофон и поехал на радиостанцию монтировать программу. Я подумал, что он в студии постарается так смонтировать радиопередачу, чтобы в максимально выгодном свете представить церковь, а Рерихов и МЦР в невыгодном, что он над моими словами при монтаже поработает ювелирно. Но тут я уже ничего не мог поделать... Вскоре передача вышла в эфир на радио «Свобода». Я её, к сожалению, не слышал, но получил много отзывов из разных городов от тех, кто любит Рерихов. Звонили друзья, звонили и незнакомые люди. Они утверждали, что мне вполне удалось отстоять честь Рерихов...

Рассказав об этом событии всем присутствовавшим на общем собрании МЦР, я обратился к «тройке» и сказал им, что тогда ещё не было этой кампании по защите имени и наследия Рерихов. Что ни Людмила Васильевна, и никто другой не приказывал мне бросаться в бой, брать на себя такую ответственность. Но сердце подсказало тогда поступить именно так. Потом я обратился к Стеценко и сказал ему, что, если он так любит рыться в архивах и копать компромат, то пусть обратится в архив радио «Свобода», найдёт эту передачу и убедится, что всё, сказанное мной, – правда.

После моего выступления Стеценко, встав в президиуме и взяв в руки микрофон, сказал, что если я тогда защитил Рерихов, то честь, мол, мне и хвала, но с тех пор прошло много лет, что нужно и дальше защищать (?). Желающих обличать меня и на общем собрании МЦР особенно не нашлось. А два человека набрались храбрости и даже выступили в мою защиту, напомнив «тройке», что «коней на переправе не меняют» и что именно в Оптическом театре впервые в мире поставлена пьеса Н.К.Рериха «Милосердие». Причём, дети-актёры играли всё лучше и лучше, а привлечение всех средств Оптического театра делало эту постановку уникальной... Одним словом, и на общем собрании заговор «тройки» провалился точно так же, как и на заседании правления. Однако Шапошникова отступать не привыкла. В её распоряжении всегда оставался пресловутый административный ресурс, дававший ей право выгнать и меня, и кого угодно. Точнее, того, кто ей не угоден.

После этого я испытал прессинг разных комиссий, которые обрушились на мою голову. Проверяли сначала материальную часть театра, буквально издеваясь над нами... В комиссии, проверяющей материальную часть театра, было четыре человека. Пришли проверять только трое. Я предложил отложить осмотр аппаратуры на другой день, чтобы комиссия была в полном составе. Но мне сказали, что вполне достаточно и троих.

Аппаратура в Оптическом театре располагается сложно и разветвлённо. Проекционные устройства (а у нас 75 (!) независимых каналов, каждый из которых даёт свою проекцию на экран) помещаются и в аппаратной, и в ящиках на стенах, и под потолком. Все они настроены на экран, снимать их трудно, монтировать и настраивать потом ещё труднее. Но нам было сказано, что каждый проектор мы должны представить комиссии, показать их заводские номера, доказать, что они в рабочем состоянии. Инструктаж Стеценко был явно ощутим, поэтому пришлось всё демонтировать. Мы всё честно выполнили, всё сняли, всё показали. Возились целый день. Комиссия была вполне довольна проверкой, всё записали и ушли. Мы *всё* смонтировали обратно, несколько часов настраивая снова все проекторы, чтобы быть готовыми к показу. Нас тогда ещё не закрыли полностью, и показы зрителям продолжались.

Каково же было моё изумление и возмущение, когда комиссия появилась на следующий день и потребовала снова показать *все* проекторы. Я сказал, что они буквально вчера всё видели и всё описали, зачем же нужно это издевательство? Но председатель комиссии сказал, что та проверка недействительна, ибо не было одного члена комиссии, а сегодня все в сборе. Видимо не обошлось без взбучки этой комиссии тов. Стеценко. Зато был повод снова помотать нервы и унижить «отступника». Пришлось опять все проекторы снимать с полок, демонтировать из-под потолка... Я понимал, что это только начало и что нужно запастись терпением и вынести все издеательства стойко. И не ошибся. Материальная проверка была самым лёгким испытанием. Дальше была создана комиссия уже для проверки на идеологическую совместимость. Проверять, что же я показываю зрителям, пришла именно «тройка» – Шапошникова, Стеценко и Фролов.

Эта комиссия была самой страшной, ибо они пришли не смотреть программы, а выискивать, за что именно меня выгнать. Я сказал им, что не могу показывать без зрителей, что мы показываем спектакли *людям*. «А мы кто?» – грозно спросила «тройка». «А вы – комиссия. Мне нужно видеть лица и глаза зрителей, иначе я не смогу провести программу, которая каждый раз является импровизацией на заданную тему и зависит и от моего состояния и, главное, от реакции и приёма зрителей». Но Л.В.Ш. приказала показать им две программы подряд, посоветовав выключить свет в зале полностью, чтобы я не видел их лиц вообще. Видимо, они не читали письмо Е.И. Рерих от 1934 года, в котором она пишет о том, что между тем, кто находится на сцене, и зрителями в зале «шары огненные летают». Это истинное сотворчество. Если его нет, то нет и вдохновляющего произведения. Вот почему я на литературно-сценических композициях обязательно должен видеть лица и глаза зрителей.

Лиц этой «тройки» в темноте я не видел, но вместо огненных шаров – стрелы ненависти, летящие из зала в меня, ощущал вполне. Можете представить, каково вообще было что-то говорить и делать, глядя в чёрный провал, в котором засела «жаждущая крови» «тройка». Но я показал им (как смог) за *четыре часа две* программы подряд, как и было приказано. Другого, может быть, вообще заклинило бы в такой ситуации, а я ещё что-то там произносил, хотя желания не было никакого, и обычно радостные моё общение с публикой, возможно, превратилось в какой-то монолог-бормотание. Не помню, да и со стороны себя не видел... Они встали и молча ушли. Мои сотрудники, провожая их в фойе театра, поздравили с наступающим Новым годом (дело было в самом конце декабря 2007 года), но эта «тройка», *не проронила ни слова*, ушла. Тут, как говорится, без комментариев...

На сайте МЦР они написали в сентябре 2008 года, что «*действие, с которым встречается зритель в Оптическом театре, нельзя назвать театральным даже в отдалённом виде. Это скорее лекции С.М. Зорина в сопровождении слайдов, причём утомительные и малоинтересные, лишённые образности и живой творческой мысли, они не выдерживают никакой критики*». Руководители, называется. Не удосужились за 18 лет узнать, что в Оптическом театре были, есть и будут *разные формы общения* со зрителями. Есть и настоящие *оптические спектакли*, и двое из этой «тройки» – Стеценко и Фролов – заставили их показать именно такой *спектакль* «Маленький принц». После показа они даже восхищались им (есть *видеозапись их реакции* после его окончания).

Кроме спектаклей, у нас есть и *литературно-сценические композиции*, в которых превалирует рассказ ведущего, сопровождаемый красочными проекциями. И эта форма была очень любима зрителями, о чём имеется масса записей в Книге отзывов. В таких композициях нам видится модель школы будущего с яркой запоминающейся подачей материала, причём все проекции дети будут видеть из солнечных инструментов (а не из видеопрокторов), что окажет на них благотворное воздействие. Ещё у нас были (и будут!) уникальные *концерты*, в которых музыка объединялась с проекциями динамической светоживописи. Программа «Музыка сфер» пользовалась у зрителей невероятным успехом. И хотя цены на билеты удваивались по стоимости, зал был не просто переполнен, – он «трещал по швам». Зрители, не вошедшие в зал, могли бы его дважды заполнить. Кто мешал этим... «иерархам» посетить в течение многих лет работы Оптического театра все наши программы (у нас в репертуаре более пятидесяти композиций) и своими глазами *увидеть реакцию зрителей*, поговорить с ними, помочь *своему театру*, если что-то не так. Конструктивную критику (в отличие от этих «титанов духа») я принимал всегда с благодарностью. Могли бы почитать и Книгу отзывов.

Но всю творческую работу Оптического театра за 18 лет его существования «иерархи» перечеркнули с лёгкостью, с какой обычно убивают светлые начинания невежды... Им хватило и пяти композиций их пятидесяти, чтобы вынести свой приговор. С середины февраля они вообще запретили *мне* показывать зрителям что-либо, но разрешили проводить показы моим ученикам, *стараясь нас противопоставить друг другу*. Они говорили всем, что Зорин бездарен, а вот ученики – молодцы. Его нужно выгнать, а их оставить. Но, если ученики выросли до такого уровня, то, наверное, я их чему-то научил. Леонардо писал: «Несчастен ученик, который не превзойдёт учителя». А я добавлю, что несчастен тот учитель, которого не превзошли его ученики. Они обязательно должны его превзойти, тогда будет поступательное движение вперёд и развитие того искусства, которому их обучал учитель...

Итак, мне не разрешили вести программы, которые уже задолго до этого были объявлены в Интернете. Это глубочайшее неуважение, прежде всего, к зрителям. Хотите расправиться с

ненавистным вам сотрудником – успеете. Но людей, которые с удовольствием и радостью приходили к нам многие годы и пришли в очередной раз, – наказывать за что?! Но от руководящей «тройки» дожидаться проявления даже элементарной (не то что Живой) этики невозможно. Поэтому недоумевающие и озадаченные зрители, увидевшие, что вокруг театра творится что-то неладное, но так и не дождавшиеся никаких объяснений, начали переписываться, открыв целый форум в Интернете, где обсуждалась непостижимая для них травля директора Оптического театра.

«Тройка» и это поставила мне в вину, что, мол, весь этот форум в Интернете сам Зорин и организовал. Заявляю, что *до сих пор с моей стороны никаких материалов в Интернете не выставлялось*. Этот текст я пишу *впервые*, пишу для того, чтобы восстановить справедливость, но до начала декабря 2009 г. я не размещал в Интернете никаких материалов об МЦР, так как хотел посмотреть на поведение «тройки»: может быть они всё же одумаются и снимут позорную и лживую статью со своего сайта. Нет, не сняли. Что ж, дорогие «светоносцы», вы сами напросились, чтобы о вас поведали миру правду. Придётся и мне разместить на своём сайте эту статью, хотя повторю, что делаю я это крайне неохотно. Мне нужно работать над воссозданием уничтоженного вами уникального инструментария, хочется заниматься творчеством, а не склоками, в которых вы явно преуспели. И так как *не собираюсь к этой теме больше возвращаться*, то, уж простите меня, читатели, постараюсь *за один раз* описать всё максимально подробно.

Итак, в феврале 2008 г. сам я уже не мог показывать свои композиции, а мои ученики – имели право. Последним в февральском репертуаре был оптический спектакль «Маленький принц», созданный Дарьей Головановой с помощью всех сотрудников театра. Волшебная сказка, показанная зрителям волшебными средствами – солнечными инструментами. Зрители ещё не успели выйти из зала, а дети вынимали из волшебного шара разноцветные многолучевые звёздочки с ключевыми фразами из этой мудрой сказки, как исполнительный Паша Журавихин помчался опечатывать нашу аппаратную, чтобы мы ничего не смогли оттуда взять. Зрители были потрясены увиденным. Они протестовали, говорили, что это – произвол. Но Паша объяснил им, что МЦР не собирается закрывать Оптический театр, а только изгоняет бездарного Зорина. Зрители настаивали, чтобы я подал в суд на руководство МЦР и *отсудил у них миллион за моральный ущерб*. Многие даже оставили свои телефоны, чтобы быть на суде свидетелями. Когда они попросили Пашу представиться и сказать, от чьего имени он выступает, этот «герой» трусливо сбежал. ***Всё это событие*** зафиксировано на видеокамеру, которую мы сначала просто забыли выключить в этой суматохе. Последний спектакль в нашем любимом зале мы решили заснять на видео для памяти. Но потом камеру взял в руки Р.Романов (заместитель директора Оптического театра и талантливый создатель уникальных композиций) и всю эту некрасивую историю с опечатыванием аппаратной, ответами Паши зрителям и его трусливым бегством зафиксировал очень выразительно. Теперь и эта видеозапись тоже останется в архиве Оптического театра. Но можно будет этот эпизод и в Интернете разместить, если снова скажут, что я всё выдумываю.

Так при многих свидетелях была опечатана аппаратная, в которой находился весь инструментарий, привезённый мною в СФР (МЦР) в самом начале его работы в 1990 году, о чём я писал выше. Кроме этого, в аппаратной находились все мои авторские композиции и композиции моих сотрудников, а это сотни и сотни слайдов и множество фонограмм. Многие слайды я снимал ещё в 60-е, 70-е годы и только некоторые – в последние годы, когда с театром пришёл в МЦР. Но и это не лишало меня авторского права на отснятые по всему миру, в Египте, в Европе, в Гималаях и под водами экваториальных морей, уникальные слайды. И всё же эти... деятели культуры (!) посмели лишить нас всей интеллектуальной и материальной собственности только под тем предлогом, что и МЦР тоже давал деньги на развитие театра. Деньги эти были мизерными по сравнению с нашим собственным вкладом, что я уже доказал выше, но это не помешало им поступить именно так.

Это был настоящий административно-правовой беспредел. Многие, узнав, что руководство приказало опечатать весь инструментарий и все слайды, советовали обратиться в суд, утверждая, что дело моё абсолютно беспроблемное и что я, таким образом, посрамлю захватчиков. На такие предложения я не поддавался, прекрасно понимая, что в современной России никакой правды в судах не найду. Да и не для меня это. Никогда ранее не участвовал в судебных заседаниях. И думается, только ребёнку или оторванному от жизни мечтателю может показаться, что я бы легко победил, подав на руководство МЦР в суд. Это далеко не так. Прежде всего, весовые категории не равны. У администрации МЦР – десятки миллионов евро, а у меня – ни копейки. Фемида наша и с

закрытыми глазами купюры считать умеет, о чём свидетельствуют сотни публикаций на тему продажности судов...

Но, главное, мне казалось диким и невозможным подавать в суд на организацию, в которой я проработал 18 лет и которой, памятуя слова, сказанные мне Святославом Николаевичем Рерихом, всегда желал процветания. Конечно, меня и моих молодых сотрудников потрясли цинизм и жестокость, с которой эти три человека расправились с нами. Думаю, что и других, кто знал о ситуации в МЦР, тоже не могла не поразить вся эта история... Многие знали и о чудовищном по цинизму и злобе происшествии, которое произошло 18 февраля 2008 года. Именно в этот день полковник Стеценко выдал из меня заявление об уходе из МЦР по собственному желанию. Но не это чудовищно. Я сам мечтал расстаться с «иерархами», но мне не хотелось уходить «по собственному желанию», ибо такая запись в трудовой книжке означала бы в будущем, что я сам сдался и по собственному желанию ушёл, бросив театр на произвол, не выполнив желание С.Н. Рериха развивать музей и Оптический театр как тандем. Прозорливость Святослава Николаевича я понял значительно позднее, когда на практике увидел, какие возможности открываются от такого Синтеза, который может поднять музейное дело на совершенно новую орбиту... Но, тем не менее, такое заявление в кабинете Стеценко я написал микроскопическими буквами в одну строчку. Кто мне покажет закон, по которому я не имею права писать любой документ микроскопическими буквами? Он взял у меня это заявление, ничего не сказав, ибо оно всё равно его устраивало. К делу можно подшить, значит, и такое пройдёт.

В этот день был день рождения нашей сотрудницы, молодого режиссёра Дарьи Головановой, поставившей оптический спектакль «Маленький принц», который очень любили дети и которым даже Стеценко с Фроловым восхищались. Ей исполнилось 18 февраля 2008 года 25 лет. Первый в жизни юбилей. До 50-ти, а, тем более, 75-ти ждать ещё долго, поэтому мы все готовились в нашем театре целый месяц, чтобы отметить этот юбилей так, чтобы он запомнился Даше. Тем более что её день рождения совпадал с днём рождения великого Рамакришны. Хотелось как-то особенно отметить этот день, тем более что и меня судьба подталкивала *к новому рождению* именно в этот день. Я объявил ребятам, что мне пришлось подать заявление об уходе из МЦР, но объявил таким радостным голосом, что и они не сильно расстроились. Главное, что у нас есть мощная Команда, что *мы всегда будем вместе*. Все трудности преодолеем, поэтому нам ничего не страшно...

Так как наш театр был на отшибе от основного здания музея и работал по вечерам, то нам установили рабочий день с 13-00 до 21-00. Это утвердили и Шапошникова и Стеценко, поэтому подвоха я не ожидал. Мы решили подождать до 18 часов, когда почти все сотрудники музея уходят домой, чтобы спокойно вечером в нерабочее (для музея) время отметить наше торжество. Спектакля в этот день не было, но мы подготовили и видеофильм о нашем юбиляре, и целый импровизированный небольшой спектакль, как это обычно происходило на дне рождения каждого сотрудника театра.

К Даше из далёкого городка за Уралом приехала мать, чтобы порадовать и свою дочь и нас в этот день варениками, пирожками и какими-то иными вкусностями. У нас в театре была маленькая кухонька. Там к концу дня закипела работа. Наконец около семи сели за стол. По обыкновению, на таких торжествах была у нас бутылка шампанского и несколько пакетов сока. Не успели посидеть немного, как в театр вошли верный оруженосец Паша Журавихин, а за ним сам Стеценко. «Прекратить пьянку!» – грозно молвил сей страж нравственности и порядка. В его мозгу, видимо, сложилась такая картина. Так как он заставил меня написать заявление об уходе из МЦР, то мы с горя по этому поводу устроили пьянку. Я попросил его не кричать, успокоиться и объяснил, что сегодня первый юбилей у нашей молодой сотрудницы, и мы его отмечаем. «Всё равно, прекратить пьянку!» – не унимался полковник. Тогда я попросил его внимательно осмотреть стол и весь театр, если пожелает, и убедиться, что кроме шампанского и соков ничего нет. «Вы бы лучше поздравили человека с первым в её жизни юбилеем», – сказал я «грозному владыке». Видимо вспомнив установку Шапошниковой (Зорина гнать, а молодёжь оставить), Стеценко обратился к Даше: «Дарья Ивановна, поздравляю вас с днём рождения, желаю вам здоровья и успехов в обновлённом театре (тут он бросил торжествующий взгляд в мою сторону). Главное, верить!». Во что верить? Кому верить? Непонятно. Но именно эти слова он тогда произнёс и двинулся с Пашей к выходу, вызывая меня на улицу.

Я сидел в рубашке и домашних тапочках (это было самое тёплое помещение в театре), поэтому идти на улицу, где был приличный мороз, мне не хотелось. Но полковник настаивал. Тогда я сказал,

что играть роль генерала Карбышева я не хочу и прошу его высказаться при всех. Но они продолжали стоять во входном тамбуре и никак не уходили. Пришлось мне выйти к ним в тамбур, чтобы за закрытыми дверями снова услышать от Стеценко приказ: «Не напиваться!». Я сказал ему, чтобы он спокойно уезжал домой, всё будет в полном порядке и что в 21-00 нас здесь не будет. В 19-35 они, наконец, ушли. Мы облегчённо вздохнули. Мать Даши решила, что пора варить вареники, а мы пока приступили к поздравлениям. Но в 19-50 позвонил начальник службы безопасности МЦР и сказал, что Стеценко позвонил ему уже с дороги и приказал выкинуть всех нас из театра немедленно, а ему в 20-00 доложить о выполнении его распоряжения. Я напомнил ему, что мы имеем право находиться в театре до 21-00, но он обречённым тоном сказал, что это не имеет значения. Есть приказ, и он его не может не выполнить. Мой сотрудник А.Ефремов, который одно время подрабатывал в охране и знал ситуацию *на режимном объекте* лучше меня, посоветовал всем нам немедленно уходить, чтобы не навлечь гнев на начальника службы безопасности, иначе ему не поздоровится. Мы все относились к этому человеку с симпатией и, конечно же, нам не хотелось подводить его. Но торт только разрезали, вареники ещё не сварились, поздравления ещё не все прозвучали, мини-спектакль ещё не сыграли... Да и собраться всем за оставшиеся шесть минут и уйти тоже было непросто. Но в 20-00 мы были уже на улице. О том, что творилось на душе у именинницы (а, тем более, у её матери), можно только представить.

С территории «режимного объекта» тоже нужно было убираться. Мы вышли на Волхонку, решая, съест ли нам торт на остановке троллейбуса или искать какой-то другой выход в этой дикой ситуации. Мать Даши знала, что меня этот же человек вынудил написать заявление об уходе именно в этот день, и была потрясена тем, что увидела за несколько дней своего пребывания в этой «общественной» организации. А ещё была расстроена тем, что вареники остались на плите и тем, что всеми заготовленными ею вкусностями она не успела нас порадовать. Столько готовилась, ехала в такую даль, чтобы стать свидетелем чудовищного хамства. Она сказала, что такого бесчеловечного отношения она не видела за всю свою жизнь и, обращаясь к Даше, приказала: «Если ты из этого... Центра завтра же не уйдёшь, ты мне не дочь!».

На другое утро 19 февраля Д. Голованова вошла в кабинет А. Стеценко, чтобы объявить ему о своём уходе. Первый помощник генерального директора понял, что он проваливает задание шефа (так ведь все молодые разбегутся), и стал говорить Даше, что она его не так поняла, предлагал повышение зарплаты, говорил ещё о каких-то благах, которые всех молодых ожидают после моего ухода, но она положила перед ним заявление об уходе из МЦР по собственному желанию и ушла. Остальные ребята, узнав, что Даша подала заявление об уходе, пожелали в этот же день тоже дружно положить пачку заявлений, но я попросил их потерпеть. Во-первых, у них ещё были выступления перед зрителями. Это мне запретили показывать свои композиции, но им никто не запрещал, поэтому они не имеют права обмануть ожидания зрителей. Во-вторых, так как весь наш инструментарий держат всё время опечатанным, то ясно, что они попытаются его у нас отнять (что и произошло). Значит, нужно оставаться кому-то до тех пор, пока мы не вывезем хотя бы часть старых слайд-проекторов и материалов, без чего нам будет крайне трудно создать инструментарий для нового театра. Если же мы все подадим заявления в один день, то в начале марта всех уволят *и больше в театр никого не пустят*, и тогда мы потеряем всё. Значит, потерпите столько, сколько нужно будет... Ребята терпели ещё 3-4 недели, и нам за это время удалось спасти примерно половину всех запасов, которые я создавал десятилетиями. Всё, что мы не смогли вывезти в тех адских условиях, которые создала администрация МЦР, было вскоре выброшено на городскую свалку... Так руководители Международного культурного центра расправились с уникальным театром, который снискал настоящее признание и любовь у зрителей. Желаящие смогут на нашем сайте прочитать все записи, сделанные в Книге отзывов за последние 14 лет работы нашего театра...

На притворно-удивлённый вопрос Л.В.Ш. о том, что она просто не понимает, что же произошло с талантливым когда-то Зориным, которого она вынуждена просто выгонять из МЦР (настолько её разочаровали его программы), можно ответить встречным вопросом: «Не странно ли, что в разных залах, созданных Зориным до прихода в МЦР, и в его домашнем театре Зорин всех (в том числе и Л.В.Ш.) восхищал своими композициями, но, попав к ней и работая под чутким руководством самого «космического иерарха», он вдруг сделался бездарным и стал создавать композиции слабее по сравнению с тем, что делал до МЦР?».

Из вышеописанного ясно, как скорее не «благодаря», а «вопреки»... складывалась судьба Оптического театра в МЦР и сколь многие обстоятельства мешали сосредоточенной и творческой работе над новыми программами:

1. Мы потеряли буквально **годы** из-за второстепенных работ, далёких от творческой, театрально-художественной деятельности. Мы и строили своими силами театр, и реконструировали его, проводили канализацию и воду, подключали старым кабелем электричество, потому что на новый денег никто не давал. Мы сами оснащали театр мебелью и необходимым оборудованием (той же вентиляцией и т.п.). Мы вынуждены были своими силами изготавливать практически весь технический инструментарий из-за того, что выделенные после многочисленных просьб средства были категорически недостаточны для его обновления.

2. Мои талантливые молодые сотрудники из-за мизерной зарплаты вынуждены были подрабатывать где только придётся, что почти не оставляло им времени для творческой работы в театре.

3. Реально я выполнял работу за десятерых и мало имел времени для работы собственно творческой... Перегруженный разнообразной работой по театру, показами и ремонтами аппаратуры, я не мог себе позволить идти куда-то подрабатывать, поэтому все годы работы в МЦР остро нуждался в средствах. В итоге, из-за мизерной зарплаты в МЦР я получил ещё и мизерную пенсию (1898 рублей (!) – и это при 43 годах непрерывного стажа работы)... **В ИЗВЕЩЕНИИ Пенсионного фонда о состоянии индивидуального лицевого счёта застрахованного лица** мне сообщили, что мой «среднемесячный заработок в МЦР за 2000 – 2001 годы, учитываемый при назначении пенсии, составляет **1001 рубль 38 копеек**» (см. Приложение № 9). Это ИЗВЕЩЕНИЕ красноречивее всего говорит, как «тройка» оценивала работу изобретателя и директора Оптического театра... За весь 2000 г. я получил **10409 рублей**, а за 2001 – **13623 рубля**. Т.е. за два года я получил за свою работу столько, сколько любой из членов руководства МЦР получал за месяц (особенно с учётом ещё и суммы в конверте от спонсора). В 2001 году даже уборщицы претендовали на зарплату в 8-10 тыс. рублей. И они её получали в том же МЦР, работая от фирмы. Но мне платили 2 тысячи с небольшим. Одну тысячу через Пенсионный фонд, а вторую тысячу в конверте... Шапошникова всегда говорила, что сам Бог велел обманывать эту омерзительную власть. Тут с ней, казалось бы, можно согласиться, но обманутыми оказались, в конечном итоге, мы. Ибо этот обман сказался на размере пенсии.

4. Гонорарную систему Л.В. так и не ввела, хотя просил я её об этом неоднократно более десяти лет. Это было бы прямое материальное стимулирование! Оно могло хоть в какой-то мере спасти ситуацию и дать устоять театру на ногах. Но Шапошникова как раз и не собиралась спасти мой театр. Ей нужно было тихо свести его работу на нет и попытаться сделать свой. Но тихо тоже не получилось. Я взбунтовался, не выдержав многолетних издевательств над людьми, о которых я знал лучше рядовых сотрудников, так как был много лет членом Правления. Все изгнанные из МЦР уходили тихо, стараясь отмыться от этой мерзости и забыть работу в МЦР как страшный сон. Мне стало обидно и за всех этих людей, подвергшихся психологической казни, и за потерянные годы, когда нам обещали после всех строительно-реставрационных работ выделить достаточные средства на модернизацию театра.

5. Я пришёл в СФР в октябре 1989 года, когда мне было 45 лет. Наконец, спустя 18 лет ожиданий (и выхода на пенсию) я понял, что никогда не дождусь обещанного, что, оставаясь в рамках МЦР, никогда не увижу свой инструментарий в заводском исполнении. Необходимо выйти из этой структуры, найти соратников, сделать весь инструментарий, а потом, если судьбе будет угодно, помочь моим ученикам претворить в жизнь идею создания тандема – **музей-театр**, потому что это будет действительно **принципиально новое слово в музейном деле**. Только делать это можно будет в другом музее или даже в этом, но только совместно с истинно творческими людьми, если они когда-нибудь возглавят Центр-Музей им. Н.К.Рериха...

Конечно, я отнюдь не считаю, что всё в нашей работе было идеально или что мы во всём правы. Всегда остро ощущал несовершенство и инструментария, созданного «на коленке», и светозвуковых композиций, и всего, что я (и все мы) делали и показывали зрителям. Часто (ещё до организации «тройкой» всяких комиссий и карательных акций против меня) обсуждал эти вопросы со своими сотрудниками. Мы понимали необходимость повышения уровня всех программ и пытались найти выход. Но причины, сковывавшие наши силы, описаны выше. И, тем не менее, даже в этих условиях были созданы десятки новых композиций, наши зрители уходили довольными, а в

Книге отзывов множились вдохновляющие записи. Когда «тройка» окончательно (как ей казалось) втоптала меня в грязь на глазах моих сотрудников, встал один из них (А.В. Ефремов) и сказал: «Вы бы видели глаза зрителей, которые уходили из театра после показов... Ради этих моментов стоило жить и работать»...

Если быть самокритичным, то, естественно, наша (в частности, моя) работа вполне заслуживала не только похвалы, но и критики. Никто не любит, когда ему указывают на недостатки, но, в отличие от «тройки», я за конструктивную критику в свой адрес не только не обижался, но всегда был искренне признателен тому, кто критиковал меня. Критика, работающая на укрепление дела, на развитие того, чем ты занимаешься, очень полезна.

Чувство неудовлетворённости тем, что он делает, присуще каждому творческому человеку. Тот, кто выдаёт свои работы за совершенство, является либо человеком очень ограниченным, либо больным. Никогда и нигде я не говорил и не писал, что всё создаваемое нами в театре являлось высокохудожественными произведениями, как это пишут в своих статьях и письмах руководители МЦР...

Но есть огромное количество светлых и радостных отзывов других людей о нашей работе. Никто не заставлял и не просил их писать. Получив мощный заряд после наших выступлений и показов композиций, они писали о том, что ощущали в тот момент. В **Приложении № 10** – отзыв космонавта А.Березового, любовавшегося Землёй из космоса более полугода. Он очень показательный. Из этого отзыва следует, что определение С.Н.Рерихом Оптического театра как окна в Тонкий мир было точным и справедливым.

О «*высочайшем уровне*» нового «синтетического вида искусства», представленного в нашем театре, писал и Хосе Аргуэльес (автор книг «Фактор Майя» и «Земля восходящая») и страстный проповедник гармонии вселенной), посетивший наш театр в 2003 году (см. **Приложение № 12**). Его запись в нашей Книге отзывов перевела Мария Филипповна Дроздова-Черноволенко, которая была в восторге от театра и композиций (она, в отличие от Л.В.Ш., пересмотрела практически всё, что было в нашем репертуаре)... Видели, опять же в отличие от Л.В.Ш., наши композиции и все рериховцы, приезжавшие в МЦР на ежегодные конференции. От них я слышал восторженные отзывы и приглашения приехать в их город, край, республику с Оптическим театром. Кроме устных оценок осталось множество записей в Книге отзывов Оптического театра.

И что же мы видим после дикого вандализма, учинённого «тройкой»? В устной форме и в письмах по электронной почте многие сочувствуют, поддерживают меня и говорят о беспределе, творимом в МЦР. Но вот прошло уже больше года, и НИКТО из преданных Центру рериховцев, знавших о театре не понаслышке, не посмел не то что написать на сайт МЦР, но даже устно задать «тройке» вопрос, за что, мол, изгнали всех и почему уничтожили театр? Конечно, на сайте сама «тройка» всем всё объяснила, так что вроде бы и вопросы задавать незачем... Зорин во всём виноват, – вот и всё. И даже в том, что театр сгорел...

Меня особенно поражают старые члены рериховского движения, которые много десятилетий в нём находятся. Когда ещё Шапошникова и не подозревала, что существует Учение Живой Этики, и писала в пренебрежительном тоне о Е.П. Блаватской, эти люди уже были активными сторонниками Живой Этики, её пропагандистами. С некоторыми из них у меня сложились очень тёплые и дружеские отношения... Но и они поверили в эту откровенную ложь и не посмели спросить Шапошникову, не слишком ли круто и незаслуженно она обошлась с автором уникального театра, получившего высокую оценку самого С.Н.Рериха? Страх сковал и их. Поразительно, но они продолжают воспевать «подвиги» Л.В.Ш., посвящают ей свои статьи и стихи, стараются всеми силами продемонстрировать ей свою лояльность и... избегают встреч со мной, не говоря уже о той теплоте и искренности, которая много лет нас связывала. Всё будто сдуло холодными ветрами...

Подумали бы сами, узнав, что меня изгнали за непрофессионализм, где же профессионализм самого руководства МЦР, которое годами вынуждало нас заниматься не своим делом и не создало условий для разворачивания огромного потенциала Оптического театра. Вместо этого оно удушило нас своим нежеланием помочь и посмело выгнать изобретателя театра, да ещё с такой записью в трудовой книжке. А как же тогда «тройка» объяснит тем, кто не скован страхом и спросит их, за что же администрация МЦР наградила Зорина медалью Н.К. Рериха и медалью С.Н. Рериха? Почему она допустила участие Зорина в юбилейных сборниках, вышедших к столетию и П.Ф. Беликова, с которым С. Зорин сотрудничал почти 40 лет назад, и к столетию С.Н. Рериха, с которым Зорина П.Ф.

Беликов познакомил в 1974 году (35 лет назад). С.Н. Рерих подарил Зорину свой портрет с дарственной надписью и назвал его театр ОКНОМ В ТОНКИЙ МИР.

Всё это описано и опубликовано в этих сборниках, прошедших жёсткую цензуру со стороны Л.В.Ш. Она ни за что не пропустила бы эти статьи, если бы эти факты не соответствовали действительности. Почему 18 лет изобретатель Оптического театра устраивал руководство и вдруг в одночасье не просто перестал устраивать, а был подвергнут гонениям и репрессиям, изгнан из МЦР, а сам театр был буквально уничтожен вместе с уникальной аппаратурой? И на это спокойно и отчуждённо реагируют все старые и заслуженные рериховцы... Что-то неладное творится в этом королевстве...

Учение даётся не для того, чтобы его выучить, цитировать и интерпретировать, а для того, чтобы человек, прикоснувшийся к Учению, менялся, чтобы делами своими он осветлял мир. Один из главных критериев истинности мыслей и поступков взрослых людей – это их забота о детях и *повседневная* работа с ними. Провести пару конференций, посвящённых уникальным детям, и пошуметь вокруг этого – нетрудно. А вот годами вести воспитательную работу с детьми, радоваться вместе с ними их успехам, на практике проверять многие прекрасные идеи Живой Этики – это работа души и сердца, которой за 20 лет существования МЦР дети так и не дождались. Разве не показателен такой факт из жизни культурного центра? Более десяти лет непрерывно (но скромно и тихо) просила Людмилу Васильевну Ольга Пискунова, прекрасный художник, имеющая, к тому же, большой опыт работы с детьми, разрешить ей вести художественную студию в МЦР. Все эти годы Л.В.Ш. упорно отказывала ей, ссылаясь на нехватку помещений. Но это не могло быть истинной причиной, так как при желании помещение можно было найти.

В здании музея всё левое крыло занимают кабинеты начальства. Его развелось много, и каждый начальник с амбициями. Кабинеты обставлены дорогой импортной мебелью. Самый большой кабинет (по сути, зал со сводчатым потолком) был выделен для президента МЦР. Он так и именуется – «зал Воронцова». Зал обставили шикарной мебелью, установили огромный полированный стол и рабочий стол президента с помпезным креслом. Сам Ю.М. Воронцов показывался в Центре крайне редко, и этот зал всё время пустовал. Иногда в нём проводились расширенные заседания правления, когда нужно было собрать человек тридцать-сорок.

В этом зале со временем предоставили рабочее место и Ольге Пискуновой, которая сидела в уголочке за столиком с компьютером. Вот ей и пришла в голову счастливая мысль использовать пустующий зал для занятий с детьми. На её предложение Л.В.Ш. отреагировала буквально с возмущением. Да разве можно пускать детишек в этот зал?! Они же могут дорогую мебель испачкать... Так многолетняя мечта Ольги Пискуновой о детской художественной студии в музее Художника и не была реализована из-за более чем странной позиции Генерального директора. Более того, уже замечательно работавший *детский* коллектив, участвовавший в Оптическом театре в пьесе «Милосердие», по прихоти той же непреклонной леди остался без театра и прекратил показывать пьесу Рериха. Вот что реально получили дети от тех, кто обязан был думать о будущем Родины. А будущее – это дети.

Выступать с докладами о детях Нового сознания, писать статьи на эту тему у Л.В.Шапошниковой получалось неплохо, а вот реально подумать о детях и сделать хоть что-то для них – не получалось. Видимо, уже и не получится. Лишние хлопоты не нужны человеку, у которого все помыслы далеки от воспитательного процесса. Несколько детишек можно объявить стипендиатами Фонда Е.И.Р ерих и... достаточно. Нужно ещё столько же «врагов» отыскать и разоблачить, столько книжек написать, что как-то не до детей. Как и в ситуации с молодыми учёными, которых Л.В.Ш. могла сплотить вокруг себя ещё 19 лет назад, так и в случае с детьми, с которыми при желании можно было работать уже с 1990 года, выделив для этого комнатку во флигеле. Но этого в планах «борца за идею» не было. Уже дети этих детей пришли бы сегодня в прекрасный Центр, излучающий свет Доброты и Любви, если бы он был таковым.

Двенадцать лет регулярно возили к нам в Оптический театр своих школьников те учителя, которые увидели в нашем театре прообраз школы будущего. Это были учителя из Москвы, Подмосковья и даже из других городов. Радовала своими рассказами и вдохновляла меня Елена Васильевна Медведева, которая преподаёт физику и астрономию в школе № 1016 в Переделкино. Она сначала удивлялась, что её воспитанники, которых она хорошо знала, выходили из театра

задумчивые и так серьёзно обсуждали увиденное, что она их просто не узнавала. И потом это «послесвечение» длилось ещё долго, вдохновляя ребят на самостоятельную пробу сил в творчестве. Этот феномен я заметил давно. Под воздействием увиденных в нашем театре светозвуковых композиций школьники, как, впрочем, и взрослые, особенно художники и музыканты, начинают буквально фонтанировать разными идеями.

Хорошо об этом написала несколько лет назад в Книге отзывов Оптического театра Галина Михайловна Бугаенко: *«Я бесконечно благодарна судьбе за то, что она подарила встречу с Вами, за то, что есть Оптический театр, который позволяет беречь трепещущую бабочку-мечту и не только мне, но и моим ребятам – ученикам школы № 28 г. Коломны. Вот уже несколько лет мы по несколько раз в год приезжаем сюда, чтобы вдохнуть чистого и светлого, заглянуть внутрь себя, почувствовать прикосновение Вечности, биение сердца Вселенной. Это так нужно в борьбе с телевизионной грязью... Ребята обсуждают услышанное, пишут мини-сочинения, эссе, рисуют, приезжают с новыми вопросами».*

Галина Михайловна из Коломны, до которой более 100 километров, возила школьников довольно часто и ввела посещение Оптического театра даже в план воспитательной работы этой школы. Привозили детей специально к нам в Оптический театр из Калуги, Тулы и других городов... Кстати, нас просили привезти и показать театр в их городе практически все рериховские общества России (заявки оставили десятки городов), Прибалтики и даже дальнего зарубежья.

После показов школьникам я часто выслушивал горестные исповеди замученных отчётами и проверками школьных учителей. Посмотрев у нас в театре, как любую тему можно раскрыть по-новому, ярко, красочно, убедительно и кратко, одна учительница записала в Книге отзывов: *«Мы – взрослые – преступники перед детьми. Имея такую технику, такое открытие, как Оптический театр, даём знания детям чёрными буквами на бумаге... Скучно, тратим столько времени. Всё это можно сделать красиво, точно, доступно... Учитель, член АСТУР, Ю.И. Журкова. 14.12.03.»* И таких отзывов много.

Мы опубликуем на сайте Оптического театра всю Книгу отзывов без изъятий. Слава Богу, нам удалось уберечь её от инквизиторов. Думаю, что более убедительного свидетельства о пользе работы, проделанной нами за 18 лет существования Оптического театра в структуре МЦР, трудно будет найти... Но Оптический театр, плод многих лет труда, театр, так радовавший зрителей, сгорел... Теперь видится в этом пожаре что-то символическое. Огненный уход того, чем не смогли овладеть недостойные руки...

«Тройку» и тех, кто пока признаёт в этой триаде лидеров рериховского движения, на всякий случай предупреждаю, что все фонограммы и все видеозаписи, о которых упоминается в этом тексте, я размножил и отдал нескольким надёжным друзьям. Я пока не хочу всё это размещать в Интернете. **Не хочу и не буду.** Разве что сама «тройка» заставит меня сделать это, продолжая распространять лживые статьи обо мне. Если же со мной что-либо случится, я дал право каждому из друзей, хранящему все эти неопровержимые доказательства истинных мотивов, по которым эта «тройка» с такой лютой злобой преследовала меня и уничтожала театр, разместить их в полном объёме в Интернете. Вот тогда вы изумитесь, господа, когда услышите и увидите себя. В последние четыре месяца гонений, когда стало ясно, что меня они выгонят, а театр уничтожат, мы вели запись всех разговоров сотрудников театра с руководством. Особенно умилительны записи, где моих ребят уговаривают предать меня, за что они получают более высокую зарплату, гонорарную систему и т.п. прелести.

– А почему же вы не повысили Зорину зарплату и не разрешили ему гонорарную систему? – задавали встречный вопрос мои сотрудники. Думаю, что ответ на этот вопрос ясен всем и так. Поведение моих ребят должно было показать всем сотрудникам МЦР, что «тройка» неспособна запугать истинно свободных людей. За последние 6-7 лет мне удалось воспитать не только замечательных исполнителей и режиссёров нового искусства, но и смелых, свободных личностей, которые ничего и никого не боятся. И которые совершенно не способны на предательство, чего так и не поняли руководители МЦР, предлагая моим сотрудникам предать меня и остаться работать в МЦР под их «чутким» руководством. То, что им удалось в других отделах, в которых они смогли оторвать сотрудников от изгоняемого руководителя, в Оптическом театре не прошло.

На последнем заседании, на котором «тройка» три часа поливала меня грязью, вынуждены были присутствовать мои молодые сотрудники. Их обязала присутствовать сама Шапошникова. Пусть, мол, увидят, что за фрукт морочил им головы много лет. Хороший для ребят получился

урок. Историю родной страны можно изучать на наглядных примерах. Именно таким способом обличали «врагов и предателей» в 30-е годы XX века инквизиторы тех времён. Но «тройка» не учла, что время уже другое. И люди (особенно молодые) – тоже другие. Так что весь обличительный пафос администрации вызвал у ребят только отвращение и желание бежать от такого «духовного» центра как можно дальше. Я же только потому не получил инфаркта, что все эти три часа спокойно разглядывал... «рыбок в аквариуме». Если бы обо мне говорили такие плохие слова люди, значимые для меня, то, конечно, это было бы просто ужасно и непереносимо. Но все обвинительные слова инквизиторов я пропускал мимо ушей, представив себе двух главных обвинителей пираньями, которые мечутся в аквариуме и жаждут загрызть жертву. Но она отделена от них толстым непроницаемым стеклом... В конце этого судилища встала Ольга Рябухина (давний сотрудник Оптического театра и прекрасный фотохудожник) и громко, чтобы слышали все присутствующие, сказала, обращаясь к Шапошниковой: «Учтите, Людмила Васильевна! Если вы выгоните Зорина, мы все уйдём из МЦР. Никто не останется». Л.В.Ш. это предупреждение, естественно, не тронуло. Она, давшая сначала своим помощникам задание молодых оставить, а Зорина гнать, видимо поняла, что *этих молодых* им не сломать и не подмять, поэтому передумала и решила никого из моих последователей не оставлять. *Мой* театр ей был не нужен. А обещанный всем *свой* Оптический театр, да ещё на каких-то новых принципах, она сделать неспособна...

Будем ли мы когда-нибудь учиться на примерах истории, делать выводы, думать не о себе любимых, а о других? Именно этому нас учили славянские светочи – Сергей Радонежский и Серафим Саровский. Кто скажет проходящему в Рериховскую обитель: «*Здравствуй, радость моя?*» Как выиграл бы Центр Рерихов, если бы из него на всю Россию исходил тот дивный свет, который излучали наши духовные Светочи. Если бы вместо бесконечных «врагов», которые мерещатся им везде, руководители этого Центра видели людей, души которых тянутся к свету. Да, все мы без исключения несовершенны. И вы, господа приватизаторы вечных знаков, столь же несовершенны, если не больше. Тогда, чем вы кичитесь? И зачем разоряете свою же страну? Забыли слова Преподобного Сергия о *ненавистной розни мира сего* и старательно преумножаете эту рознь, а это и есть разорение страны в духовном плане. Ясно, что вы уже загнали сами себя, что остановиться вам трудно. Но можно напомнить совет мудрой Е.П.Б.: «Пытайтесь».

Выдавлив всех конкурентов, Л.В.Ш. заняла все ключевые посты, решив только в президенты брать крупных чиновников со стороны для прикрытия, а самой скромно занимать должность *первого вице-президента*. И вот, в первые годы она была первым вице-президентом и директором музея. Просто *директором*. Вы можете убедиться в этом, посмотрев «Распоряжение № 4-1 от 16.01.1997 года» (**Приложение № 6**).

Но время шло, амбиции росли, хор «сладкопевцев» пел гимны о её величии, о её академических званиях, адекватность терялась, и вот с какого-то времени она вдруг (как в сказке Пушкина) не захотела быть *простым* директором, а возжелала именоваться *Генеральным директором* с большой буквы. Видимо прорезались на неосознаваемом уровне партийные амбиции. Есть показательный анекдот о мечтах простого парторга. Ему хотелось бы поочередно занимать должности секретаря райкома, секретаря горкома, секретаря обкома, секретаря ЦК КПСС, Генерального секретаря ЦК КПСС, Гениального секретаря и, наконец, Секретариссимуса... Хочется – пожалуйста! МЦР – организация общественная, придумывай себе любые должности и приобретай звания, какие только пожелаешь, и сиди, млей, ублажая свою гордыню. Можно быть хоть пять, хоть восемь раз академиком, тем более, что академий развелось сейчас великое множество. Кстати, для интереса я открыл в Интернете сайт Эрмитажа в Санкт-Петербурге, решил посмотреть, как именуется должность руководителя (М.Б. Пиотровского) этого «небольшого музейчика». Оказывается – просто *директор* без приставки «Генеральный». Его тоже зачислили во враги МЦР... Не смешно ли?

Часто вспоминаю Леонардо. Прошло полтысячи лет, но достаточно произнести *только имя* этого Человека, чтобы все поняли, о ком идёт речь. *Даже фамилия не нужна!* Добавьте к этому имени любое звание – *кандидат наук* Леонардо да Винчи, *доктор наук*, *академик*, *генеральный директор*... – любое звание отпадает. Все они никчёмны и смешны рядом с этим Именем. Звания, лычки, награды нужны слабым и самоутверждающимся. Истинным подвижникам Духа они совершенно ни к чему. Леонардо своей реальной жизнью и неутомимой деятельностью сотворил целые миры. Ему ли млеть от перечисления каких-то выдуманных амбициозными людьми званий... Вспомним и самых значимых для славянского мира за всю его историю духовных подвижников.

Можно ли представить себе, чтобы они кичились какими-нибудь званиями, подобно впадшему в маразм Леониду Ильичу. Конечно, это не представимо... Поэтому, когда слушаешь на ежегодных конференциях, проводимых МЦР, как приспешники *много раз в течение дня* с придыханием перечисляют многочисленные звания Л.В.Ш., а та сидит и млеет, то становится тошно большинству участников. Но чувства меры нет, а гордыня есть. Вот этот поток славословий и не прекращается.

Но это же неприкрытый культ личности местечкового разлива. Спросили бы лучше М.И. Кузнецову, которая все звания Шапошниковой и пробивала, простаивая неделями и месяцами в приёмных разных бонз, выбивая подписи, чтобы к очередному юбилею порадовать обожаемого босса. Видимо за эти старания (или чтобы убрать свидетеля) Л.В. Шапошниковой и выгнала старательную Майю Ильиничну без тени сожаления... Звание, *заработанное самой Людмилой Васильевной*, только одно – кандидат исторических наук. Да и то, если судить по строгим научным меркам, – весьма сомнительное. Далее процитирую очнувшегося от славословий Шапошниковой заслуженного деятеля науки РФ, поэта, доктора философских наук, профессора Ю.В. Линника, который, видя огромные усилия и деньги, затраченные Л. Шапошниковой, пожелавшей доказать, что В. Росов не заслуживает звания доктора наук, решил прочитать и проанализировать кандидатскую диссертацию самой Л.В. Шапошниковой. Вот его заключение: *«Диссертация "Борьба рабочего класса Индии за руководящую роль в национально-освободительном движении накануне Второй мировой войны (1934–1939)" не выдерживает никакой критики. В ней грубо извращена историческая истина. Л.В. Шапошниковой утверждается, что понята в марксистском духе классовая борьба – движитель антиколониальных процессов в Индии; но дело обстояло как раз наоборот: концепция махатмы Ганди о непротивлении злу силой сыграла в этих процессах решающую роль. Скажем прямо: диссертация бесталанна и венаучна. Она свидетельствует о профнепригодности академика Л.В. Шапошниковой»*. Комментировать заключение профессора я не берусь...

Для реальной истории, для духовной жизни народа существует только один критерий распознавания: «По делам их узнаете их». Пошли ли эти дела на пользу народу и Отечеству или служили человеку для самоутверждения... У всех у нас впереди один Судья, Которого не обманешь и не подкупишь, как суд земной. Приходит в жизни каждого такое время, когда уже нельзя не думать об этом главном ответе за все свои деяния среди людей на земле. Пока ещё остаётся хоть немного этого времени, пора от суетных вопросов перейти к вечным... Потом уже не исправить! Не нужно быть востоковедом, чтобы понимать это. А уж востоковед-то должен знать, как воздаётся за всё, что сделал за время своего воплощения. Там стопкой толстых книг не отчитаешься, а только реальными Добрыми Делами, Великим Состраданием и Любовью. Но где же эта любовь к тем, кто годами трудился рядом с тобой? Любви нет, а репрессии продолжаются. Меня уже более полутора лет нет в МЦР и в ОНЦ КМ тоже нет, поэтому «тройке» срочно нужна очередная жертва. «Тройка» жить не может без преследований и бесконечных нравоучений. Сейчас они набросились на Л.М. Гиндилиса, учёного секретаря учёного совета ОНЦ КМ, академика Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского, старшего научного сотрудника Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга Московского государственного университета, страстного любителя и знатока астрономии, специалиста по связи с неземными цивилизациями. Он же ещё и руководитель отдела ОНЦ КМ в МЦР. Низвели всё-таки потенциальный НИИ до уровня отдела музея... По слухам, доходящим до меня из МЦР, он попал в опалу и *пока выдерживает* все измывательства, хотя у него большое сердце... Может быть ему не оставаться в МЦР при таком прессинге, а попросить приюта на другой планете (он – большой знаток проблемы SETI - поиск внеземных цивилизаций), где нет такого концентрированного Зла.

Конечно, ему можно посочувствовать, но нужно понимать, что не он первый, не он и последний. Жертвы будут, враги найдутся. У столь бдительных помощников в каждом глазу по оптическому прицелу. Они не пропустят врагов на «режимный объект», можете не сомневаться... Стольких уже изгнали, столько сил на это положили, но ни один враг и предатель теперь за забор охраняемого «режимного объекта» не проникнет. Помню, когда полковник в отставке А.В. Стеценко ещё только набирал силу, его можно было как-то укоротить. Однажды он, прочитав на доске объявлений Оптического театра, что у нас вскоре состоится лекция философа, директора Музея космического искусства из Петрозаводска Ю.В. Линника, тут же нагло сорвал объявление, стараясь отменить своей властью эту давно запланированную лекцию. Тогда ещё гонений на Росова не было,

и с самим Линником всё было тихо, мирно, но старый кадровик учуял в Линнике врага. Вот учуял и всё тут. Хотел «прихватить на замысле», как любили говорить чекисты ещё в сталинские времена. Но я ему тогда не дал разгуляться. Попросил вернуть афишу на место, а сам показал ему только что вышедшую толстенную книгу Шапошниковой «Тернистый путь красоты».

– Знаете ли вы, Александр Витальевич, что Шапошникова более 15 раз ссылается в этой книге именно на Линника, творчество которого она знает, и в отличие от полковников у неё есть чем оценивать вес и значение человека в мире Культуры... Поэтому повесьте объявление обратно и прекратите партизанить... Для убедительности я показал ему все места многочисленных ссылок на Ю. Линника в книге Л.В.Ш., которые заранее обозначил закладками. Стеценко афишу на место вернул, и Линник в тот раз выступил в Оптическом театре... Тернистым было и издание «Тернистого пути...». Эта толстенная и тяжёлая книга Л.В.Ш. получена методом компиляции. Ссылок не только на Линника, но и на других авторов в ней (как, впрочем, и во всех остальных трудах Л.В.Ш.) предостаточно. Когда же автор пытается высказать *свои* суждения, то часто чувствуется беспомощность. Оно и неудивительно, Л.В. не является профессиональным искусствоведом. Но ей хочется, чтобы её поклонники видели в ней не только рериховеда, но и искусствоведа и философа. За смелость её можно похвалить, но вот с точки зрения настоящего искусствоведа эта объёмистая книга критики не выдерживает.

Я говорил об этой книге с серьёзными знатоками искусства. Их заключение, что это - работа дилетанта в искусстве. Иногда у автора получается неплохо, но местами достаточно беспомощно и непрофессионально. Приведу только один пример. На анализ всей книги, конечно, нет времени. Глава шестая «Унесённые хаосом» посвящена разбору русского авангарда начала XX века. Конечно, никто не может запретить Л.В.Ш. писать на любую тему, но если уж взялся за гуж... Освещение этого великого явления в истории искусства у Л.В.Ш. получилось весьма однобоким. Она ничего кроме *хаоса* в этом течении не увидела, поэтому повторила это слово в шестой главе тысячу раз, смакуя его на все лады. Конечно же, и декаданс и хаос были в это переломное время. И в творчестве художников, безусловно, находили своё отражение. Но как же можно было не почувствовать и величие некоторых из этих первопроходцев, их мощную тягу к первоосновам бытия, к тому хаосу, из которого путём кристаллизации и оплотнения эйдосов Абсолюта родилось всё. Дзенбуддисты прекрасно описывали пустоту (шуньяту), из которой рождаются миры и всё, что мы видим вокруг. Сама же Шапошникова говорила мне, что нужно из трёхмерного мира устремляться в четвёртое измерение, вот тогда композиции театра обретут новое качество. Я с ней согласился, а точнее порадовался, что и она об этом говорит, ибо я об этом думал и писал давно (см. **Приложение № 11**). И вдруг она пишет: «Неведомое и страшное... глядело страшными глазами небытия в картинах» многих художников. «И наконец коснулось своим тлетворным дыханием сути искусства и стало рассыпать и рушить его формы. Распались формы на полотнах крупнейшего русского художника Павла Филонова..., начали падать и сдвигаться (это всё, что она увидела в их попытках отодвинуть занавес реальности-майи. – С.З.) на полотнах Лентулова церкви и дома. Чёрная тьма легла на картину А.Родченка «Чёрное на чёрном», на «Чёрную женщину» А.Волкова, на «Женскую фигуру» К.Малевича, на его же «Крестьянку» и «Крестьян». Даже комментировать эти пассажи не хочется, а искусствоведы получают истинное наслаждение, читая такие откровения об известных художниках... Это сродни её рассуждениям о том, что «можно нарисовать чайник и это будет космизм...»

Думаю, что не очень глубоко проработала Л.В.Ш. книгу Кандинского «О духовном в искусстве». Да и Линника мало читала, особенно его работы об авангарде, в котором он действительно разбирается великолепно. Разве супрематические композиции Малевича не есть такое яркое и самобытное устремление не только в четвёртое измерение, но и в запредельное? Все его супремодромы и супремолёты из далёкого будущего, когда человечество выйдет в многомерность. Но нужно же знать об этом в его творчестве и иллюстрации подбирать не столь тенденциозно... Кстати, Малевич не только нарисовал знаменитый «Чёрный квадрат», но также (как и Кандинский) оставил нам свои размышления об искусстве будущего... Да и Кандинского слишком однобоко увидел наш всезнающий представитель метанауки. Может быть, чувствуя, что далеко не всё ей подвластно в мире искусства, Л.В.Ш. решила компенсировать слабость текста огромным количеством иллюстраций, что с её точки зрения должно придать книге вес (в прямом и переносном смысле этого слова). Что и было сделано. Сотрудники публикаторского отдела месяцами обрабатывали эти иллюстрации в Фотошопе, получая, время от времени, разнос от Хозяйки, когда её зоркий глаз замечал, что они делают что-то неправильно, хотя ребята так поднаторели за годы

непрерывной работы над книгами и журналами, что стали настоящими профессионалами. «Тернистый путь...» по количеству втиснутых в него иллюстраций можно смело размещать в Книге рекордов Гиннеса...

А тов. Стеценко, уже после того как учуял в Линнике врага, съездил к нему домой в Петрозаводск и был радушно принят хозяином. Они проговорили почти целый день (это подвиг со стороны Линника), после чего Стеценко уехал с диссертацией Росова, которую дал ему «заклятый враг» МЦР. Тогда кампания травли Росова только начиналась и «тройке» негде было взять диссертацию этого главного и сверхлютого врага. Вот им Линник и помог... Никогда я раньше не слышал негативных отзывов Линника об МЦР, не говоря уже о Шапошниковой. Ей он посвящал стихи и сонеты. Там были такие перлы, что забыть их невозможно. Например, чего стоит такая фантазия Линника, что заходишь в центре Москвы в МЦР, а выходишь... прямо в Шамбалу. Ничего не помогло. Не поверили искренности Линника, поверили нюху Стеценко. Нужно было долго трудиться «тройке», чтобы Линник, наконец-то, очнулся и увидел их во всей «красе» и стал защищаться.

Но, тем не менее, Ю.В. Линник, невзирая ни на какие нападки на него со стороны МЦР и на его попытки в стихах и брошюрах отбиться от тех, кто присвоил ему звание «лютого врага» и зарится на его наследие, относится и сегодня, в конце 2009 года, к Л.В. Шапошниковой с состраданием. Более того, он написал три венка сонетов (УЧИТЕЛЯ – 18-25.08.2009г., УРУСВАТИ – 2-6.09.2009г., ШАМБАЛА – 27-28.09.2009г.). Все эти венки сонетов посвящены Л.В. Шапошниковой. Зная, в каком состоянии она сейчас находится, он предлагает Л.В. потрясающий выход из патовой ситуации, в которую она сама себя загнала. И ситуация эта видна всем, у кого спала пелена с глаз. Можно, конечно, и дальше надувать щёки и делать вид, что ничего не произошло, но это грозит духовной аннигиляцией. А прослойка неискренних сладкопевцев в самом МЦР, дорогая Людмила Васильевна, вокруг Вас слишком тонка и эфемерна. Она Вас не защитит. Более того, она Вас предаст, как только учует ветер с другой стороны... Верные (пока) вам «шапошниковцы» из других городов и ближнего зарубежья последние годы караулили в Интернете все высказывания о Вас и однообразно, подписываясь скопом, пытались вас защищать. *Но они не всё знали* и, возможно, надеялись, что «тройка» всё же станет вести себя более человечно. Думаю, что им уже надоело караулить. И они вполне могут вам сказать: «Караул устал...». Да и причитания их и о Вашей исключительности и перечисление Ваших наград и званий уже изрядно всем надоело и ничего не меняет. А предложение Линника спасает Вас от бесславного ухода с этого плана. Линник придумал замечательную идею не только для Вас и наших современников, но и для потомков, – создать **триумвират музеев: Музея Востока, Музея им. Н.К.Рериха и Музея космического искусства (г. Петрозаводск)**, в котором только «Амаравелла» представлена более чем 700 единицами хранения. Ни у кого нет богаче собрания картин художников «Амаравеллы», чем в музее Линника. Кроме этого у него есть еще ЧЕТЫРЕ изумительных музея, – настоящий **полимузейон из пяти музеев** и уникальнейшая, бесценная библиотека, которую даже сравнивать не с чем.

Обо всех своих музеях Линник написал в своих многочисленных публикациях, поэтому я не собираюсь рассказывать здесь подробности, хотя был в его квартире-музее неоднократно и испытывал чувство настоящего катарсиса не только от картин «Амаравеллы», но и от неземной красоты отполированных срезов древних аммонитов и от каких-то огромных «инопланетных» бабочек, переливающихся всеми цветами радуги. Узнав об этом предложении Линника, держатели остальной части наследия «Амаравеллы» (П.П. Фатеева и др. художников) сказали, что и они отдадут *все* свои картины в этот объединённый музей. И я бы отдал подаренную Марией Филипповной замечательную картину В.Т. Черноволенко «Семь ступеней». Таким образом, в объединённый музей поступили бы ещё сотни (!) картин художников «Амаравеллы». Получится настоящий музей этой удивительно даровитой группы, создавшей своё неповторимое направление в искусстве XX века. Представьте в одном месте собранные вместе *более тысячи картин* художников «Амаравеллы». Вот это было бы деяние, достойное культурного человека, думающего о Родине, о культуре, о потомках.

Поскольку М.Ф. Дроздова-Черноволенко отдала 101 картину своего гениального мужа в МЦР (только теперь мир узнает правду, почему она, зная истинную цену Л.В.Ш., пошла на этот шаг, изумивший многих), то предложение философа и поэта Ю. Линника кажется оптимальным и замечательным. Нужно сделать из трёх музеев один или триумвират, но – **государственный**.

Линнику отдавать в него все свои сокровища, наверное, не менее психологически сложно, чем Шапошниковой, ибо *его музей – частный* и всё, что он собрал за свою жизнь, принадлежит ему. Шапошникова – генеральный директор вроде бы общественного музея, но, по сути, этот музей – тоже частный. В него вложил десятки миллионов долларов Б.И. Булочник. ***Им двоим решать, как и с чем идти в будущее, кем войти в историю...***

Для выполнения плана Ю.В. Линника от Л.В. Шапошниковой потребуется большое мужество и настоящий духовный подвиг. Слабой я её никогда не считал. Это сильный человек. По крайней мере, таковой я увидел её четверть века назад. Разве только стараниями двух помощников она стала безвольной и послушной этим серым кардиналам. История даёт ей сейчас замечательный шанс... Наверняка, последний...

Конечно, я хорошо помню слова С.Н. Рериха о том, что Музей им. Н.К. Рериха в Москве должен быть общественным, а не государственным. Но жизнь показала, что, к сожалению, представители современной общественности не выдерживают испытаний богатством и славой, сужая общественное до размеров личного... Государственный контроль с его профессиональными службами реставрации, хранения и т.п. при открытости всей документации и постоянной доступности всех экспонатов, а также реальной силой голоса общественного мнения – вот вариант, наиболее подходящий, по всей видимости, для современного музея такого типа, как Музей им. Н.К.Рериха. Но все эти условия могут быть уточнены, оговорены и документально оформлены при создании ***триумвирата музеев...***

Дорогие рериховцы. Обращаюсь и к тем, кто изгнан администрацией из МЦР, и к тем отделениям МЦР, которых отлучила и «предала анафеме» «тройка» за то, что они мало защищали имя (имя Шапошниковой) и не старались защищать наследие (помогать отнимать картины у Музея Востока...). Обращаюсь ко всем, кому дороги имена Рерихов, кто открыл для себя Учение и стремится осветлять мир своими *реальными делами*, а не бесконечным жонглированием цитатами из этого Учения и войной друг с другом.

Всех изгнанных могу утешить сравнением их с катарами (или альбигойцами), которых тоже гнал, преследовал и уничтожал Ватикан. Это были истинные Дети Света, за это они и поплатились, попав под давящий каток инквизиторов. Ватикан не смог простить им инакомыслие, организовал борьбу с ними, нет, не борьбу, ***а войну не на жизнь, а на смерть***, стараясь уничтожить саму идею свободомыслия. Причём, сражаясь за сомнительное величие и всевластие, за достигнутое благополучие, за сладкую земную жизнь, Ватикан хотел смерти именно тех своих оппонентов (катаров), которых *в открытых дискуссиях* победить так и не смог. Война, организованная Ватиканом с 1209 по 1244 год, – это была действительно война не на жизнь, а на смерть, т.к. целью Ватикана было именно полное физическое уничтожение катаров. Ватикан вошёл в историю подлецом, насильником и своими антихристианскими деяниями сыскал себе дурную славу. Это мрачная и позорная страница и в жизни нашей цивилизации, и в истории христианства. Слишком поздно просил Папа Римский Иоанн Павел II прощения у всех народов за прегрешения (читай *преступления*) католической церкви...

Сходство ситуации просто бросается в глаза. Только те (во имя своих целей) прикрывались именем Христа, а эти – именем Рериха. Разве сегодня администрация МЦР не преследует точно так же всех, кто не подчиняется её диктату? Только возможностей (слава Богу) у неё меньше, чем у Ватикана... Пора понять, что ***ровным счётом ничего не зависит в нашей жизни от происков этой «тройки»***, которая после снятия масок явила миру своё истинное лицо. Тех, кто открыл для себя Учение, отлучить от него никто не в силах. Никакие самозванные «иерархи» не способны человека, открывшего для себя зов Дальних Миров, отвлечь от Света, угасить в нём жажду созидать Справедливый прекрасный мир.

Как относиться к этим борцам со всеми, кто не разделяет их точку зрения? Оставить их в покое, не воевать с ними. Они *по-своему* понимают Учение и *по-своему* преобразуют этот мир. Не будем им мешать. Финал и так близок. ***Не будем их судить, как они нас судили. Высший Закон им судья***. От расплаты за несправедливые деяния ещё никто не ушёл. Это их выбор, им и отвечать за всё. Ввязываться в судебные разбирательства с администрацией МЦР неразумно, так как они потратят любые деньги, чтобы добиться победы. Только победа эта – пиррова. На их стороне – сила денег, на нашей стороне – сила Правды... Вместо того, чтобы терять силы и время на бессмысленную и

бесконечную войну «не на жизнь, а на смерть», подумаем лучше о жизни и творчестве, займёмся добрыми и нужными *другим* людям делами.

И я бы не писал этих воспоминаний, если бы не было такого вызывающего поведения этой «тройки» Ведь мои две фразы в деревне о том, что нас выкинули, а наше оборудование отобрали и уничтожили, – были правдой. Это заявление услышали 20 человек. Но снова всё случилось, как и в случае с В. Росовым. Эти 20 человек в деревне, скорее всего, уже давно забыли о моём заявлении, я сам ничего в Интернете писать не хотел (видит Бог!). И друзьям своим, которые меня просили написать о реальной картине за парадным фасадом МЦР, я отвечал, что писать не хочу и не буду. Жалко времени, да и трогать этих «светоносцев» не стоит. Пусть делают своё дело *до конца*, до которого, видимо, осталось не так много времени. Я бы ничего и не написал, если бы эти стратеги оставили меня в покое, чтобы я смог все силы сконцентрировать на возрождении и инструментарии, и театра. Но они никак успокоиться не могут. Что-то в этой лютой злобе есть зоологическое... Взяли и на своём сайте *на весь мир* опубликовали заведомую ложь? Написали гнуснейший донос губернатору, пытаясь сорвать строительство нового Оптического театра. Не отдают моё личное имущество, когда я обращаюсь в МЦР. Совсем недавно (в конце ноября 2009 года) Стеценко топал ногами и кричал на В.А.Родионова, когда тот только заикнулся, что надо бы вернуть Зорину его сварочный аппарат. Он, мол, ему нужен на новой стройке театра. Конечно, полковник рассердился на ничего не понимающего Родионова. Разве можно возвращать что-то «врагу и предателю». «Был приказ в 2005 году? Был. Не успел Зорин вывезти тогда? Не успел. Значит, теперь его имущество – наше!»

Раз вы, господа не желаете успокоиться, пишете такие мерзости и ведете себя столь беспардонно, то тут не выдержит и самый терпеливый. Вот теперь вы заставили меня написать о вас всю правду, тем более, что люди действительно не знают, что же творится за парадным фасадом. Пусть почитают и подумают над фактами, над вашими заявлениями, что я что-то не так сделал при постройке театра, да ещё и утаил при увольнении из МЦР. Не было увольнения. Было изгнание... И уничтожение театра...

И всё же искренне пожелаем МЦР выздоровления от тяжёлого недуга, поразившего голову организации... Следовательно, и тело больно. Люди не могут чувствовать себя комфортно и спокойно, видя вакханалию, которая творится в Центре (особенно в последние годы). О каком тут творчестве можно говорить? Выжить бы и не попасть в список врагов и предателей. Мало ли какая шлея завтра... Приведу слова Линника, которого Л.В.Ш. назвала *лютым* врагом: «*Не рискую быть диагностом, но мне кажется, что корни этой болезни – в квазирелигиозном отношении к Рерихам: каждое новое слово о них воспринимается с ненавистью как покушение на святыню. Сознание такого типа не способно к самокритической рефлексии...*».

Многие уже поняли, что лучше быть подальше от этих «светоносцев». В.Мишин, столько сделавший для Центра и помогавший нам в создании пультов управления для Оптического театра, ушёл сам, *мощно хлопнув дверью*, не дожидаясь пока примутся и за него. Его примеру последуют многие. Армию свою Л.В.Ш. растеряет. Пусть историк Шапошникова вспомнит слова самого Пирра: «*Ещё одна такая победа, и я останусь без войска*». А войско у неё было настоящее в самом начале создания СФР, ибо мощным был призыв С.Н. Рериха «Медлить нельзя», который как магнит притянул многих светлых людей. Вот Л.В.Ш., следуя этому призыву, и растянула реставрацию больше чем на 20 лет, а её подручные доносиписцы разогнали светлых людей и практически всех «стариков». А те, которые случайно остались, *всё видят*, но ничего изменить не могут. Но они (как никто) понимают, что бесславный конец этой структуры неизбежен.

У меня прекрасные отношения с большинством ещё остающихся в Центре людей. Невзирая ни на какие запугивания и селекцию, в МЦР и до сих пор работают, в основном, прекрасные люди. Ведь они пришли в Центр-Музей им. Н.К.Рериха по зову сердца. Им очень больно, что всё приняло такой трагический поворот. Не общаюсь я, пожалуй, только с самой «тройкой» и ещё с тремя-четырьмя субъектами, слившимися с этой «тройкой». Они основательно зомбированы и напитаны негативом... Но весь коллектив ещё, слава Богу, – это люди нормальные, тёплые и контактные. Они жаждут перемен, и перемены эти не за горами.

Если бы администрация МЦР в течение многих лет хотя бы иногда посещала наши показы в театре и беседовала с теми, кто нашёл в нашем театре собственное окошко в мир Правды и Живой Природы, общалась со зрителями, то, может быть, не было бы такого трагического финала. И, прежде всего, тяжёлым и трагическим этот финал является для руководства МЦР, а не для нас,

потерявших всё, – и театр, и инструментарий. Это всё наживное. **Всё у нас будет, и будет лучше,** чем было в МЦР. *А вот для них, потерявших доброту, отзывчивость и человечность, вернуть их будет несравненно тяжелее (если это вообще возможно для инквизиторов).* Если бы они бывали хоть иногда в Оптическом театре, считавшемся неотъемлемой частью Центра-Музея им. Н.К.Рериха (вот ирония судьбы), и читали бы время от времени Книгу отзывов, то они прочли бы запись, сделанную более 12 лет назад: **«Оптический театр – плод Живой Этики, эволюции, цивилизации. Тяжело теперь представить Международный центр Рерихов без Оптического театра; без него Центр утратит окно в будущее... Спасибо Творцу Театра! 7.09.99г. Журналист и поэт Александр Граф»** (см. Приложение № 13).

Как я уже писал, в нашем театре несколько раз была показана зрителям пьеса Н.К. Рериха «Милосердие». Очень важным словом озаглавил Николай Константинович свою пьесу. В Евангелии сказано: «Будьте милосердны, как Отец ваш Небесный милосерд». Это очень глубокое понятие – «милосердие», и люди часто употребляют его всуе. Только призыв «Будьте милосердны» – евангельский призыв – имеет в виду другое: «Как Отец Небесный милосерд». Почему? Да потому что жизнь немилосердна, жизнь полна отчаяния и борьбы, в жизни часто торжествуют жестокость, грубость, тупость, бессмысленность, а вовсе не милосердие. Потому Господь не говорит нам: будьте милосердны, как обычно милосердны люди, а Он говорит «Как Отец ваш Небесный», потому что единственный, Кто может нас научить добру и любви, – это Господь. Он бросает искры добра в чёрные человеческие сердца, в сердца, полные ненависти и себялюбия, зависти и осуждения. Поэтому наш идеал начертан в небе, и небо должно отражаться здесь, в нашей земной жизни.

Приведу в заключение напутствие молодым учёным академика И.П. Павлова: «Никогда не думайте, что вы уже всё знаете. И как бы высоко ни оценивали вас, всегда имейте мужество сказать себе "я невежа". Не давайте гордыне овладеть вами. Из-за неё вы будете упорствовать там, где нужно согласиться, из-за неё вы откажетесь от полезного совета и дружеской помощи, из-за неё вы утратите меру объективности...». Это напутствие пригодится каждому из нас в нашей жизни. Вот бы это напутствие прочитать Л.В. Шапошниковой в молодости и следовать ему до старости. Она *с её потенциалом* могла бы горы свернуть, а не утопать в славословии кучки льстецов на старости лет. Всё доброе и хорошее, что она успела сделать в своей жизни, ей зачтётся. Но всё злое и разрушительное, что она тоже успела сотворить, ляжет на другую чашу весов. Какая чаша перевесит, узнает вечность...

Комментарии к Приложениям, прикреплённым к тексту:

К Приложению № 1 (статья в воскресенской газете). Выслуживаясь, можно перейти все границы порядочности... Можно даже своего кумира... чуть ли не похоронить: «До последнего вздоха Людмила Васильевна...» – это перл из статьи подхалимов.

К Приложению № 2. В этом Приложении представлены записи в Книге отзывов Оптического театра от 1996 года. Павел Журавихин написал после просмотра: «С огромным желанием помочь всем Вашим начинаниям». И дал даже домашний телефон.

Спасибо, Паша! Ты нам помог, чем смог. Спустя 12 лет всеми силами ты помогал двум «кукушатам» уничтожать наш театр. А ведь они появились в МЦР после тебя... Но преданно служить новым хозяевам – это и была твоя суть, а не желание творить Красоту. Мы тебя с удовольствием приняли бы в свою дружную семью 12 лет назад, так как и тебя Господь одарил способностями. Мог бы их прекрасно раскрыть за эти годы. И уже не одну свою авторскую программу сделал бы. Быть шакалёнком при Шер Хане забавно только в мультфильме...

А какие трогательные слова написала Синенко Светлана Петровна ещё до своего перехода в МЦР, приглашая меня с чудесным театром в Среднюю Азию, на озеро Иссык-Куль. Затем она пришла на работу в МЦР и работает там до сих пор руководителем отдела по связям с рериховским

движением. Там она по приказу «тройки» старательно занимается сортировкой рериховцев на «своих» и «чужих». Она же была одной из первых, кто хотел моего изгнания из МЦР из-за выступления в нашем театре несколько лет назад композитора А. Климковского. После этого выступления, которое было встречено зрителями с огромным интересом, потому что мы оба *импровизировали*, Климковский – на синтезаторе, а я на светооргане. Климковский выступил в Интернете со своими впечатлениями от концерта на территории МЦР. Он написал, что, по его мнению, нужно было бы помочь театру, а этот экспериментальный театр руководство МЦР зажимает и не даёт ему возможности по-настоящему развернуть свой потенциал. Я ему не жаловался и не просил это писать. Просто он сам всё увидел. Первой об этом выступлении Климковского в Интернете узнала Синенко С.П. Утром на следующий день она уже готовилась бежать с доносом к Л.В.Ш., чтобы гнали этого Зорина взашей, если из-за него о непогрешимом «космическом иерархе» смеют что-то негативное писать в Интернете. Слава Богу, её опередил сотрудник МЦР, которому она сказала, что сейчас пойдёт к Л.В. и разнесёт в пух и прах этого Зорина. Боясь, что Л.В.Ш. сразу обрушит на меня гильотину репрессий, этот сотрудник прибежал в театр и предупредил меня. Я решил идти к Л.В.Ш. первым. Опередил Синенко на считанные минуты, но сумел тогда разрядить обстановку. Всё, что нестандартно, страшно пугает людей нетворческих, тех, кто превратил музей Художника Рериха в режимный объект.

К Приложению № 3. Это и есть то самое письмо-донос, за которое авторам должно быть не просто стыдно... Нормальный человек сгорел бы от стыда.

К Приложению № 4. В своей новой работе Ю.В.Линник верно подметил, что пакостное письмо руководства МЦР губернатору Нижегородской области войдёт в историю как образец доноса...

К Приложению № 5. Так выглядел наш замечательный театр на второй день после пожара. На одном из снимков Дарья Голованова, стоявшая нарядная и счастливая на этой сцене совсем недавно перед маленькими зрителями, заполнившими зал, со вступительными словами перед началом оптического спектакля «Маленький принц», буквально онемела, увидев, как умеют мстить «инквизиторы» XXI века... Я уже писал, что Стеценко и Фролов были в восторге от этого детского спектакля. Увидев его, они подошли к Дарье Головановой и Роману Романову и хвалили их за замечательный спектакль... Есть видеозапись этой (лицемерной или искренней?) их высокой оценки... Тогда зачем же уничтожили театр, господа?

К Приложению № 6. В своём Распоряжении от 16 января 1996 года Л.В.Шапошникова сама чётко указывает, что Оптический театр был построен силами сотрудников самого Оптического театра и привлечённых ими общественников. Но за 12 лет она сама забыла об этом. А её помощники об этом и не знали. Вот они и опростоволосились, сообщив на сайте МЦР, что строили его нам рериховцы.

Соображения... Т.П. Григорьевой считаю настолько важными, что не хочу отрывать их от своего текста, чтобы это приложение ни в коем случае не затерялось. Помните слова о гордыне: *«...из-за неё вы откажетесь от полезного совета и дружеской помощи, из-за неё вы утратите меру объективности...»*. Читайте внимательно, вдумчиво... Я не имел права изменить хотя бы одно слово, не убрал ни одной фамилии. Многих из тех, на кого ссылается Татьяна Петровна, уже нет в живых. Но этот документ – часть истории. Поэтому я даю его точно в том виде, в котором он появился в мае 1990 года. (У меня есть его подлинник).

Т.П. Григорьева

Мои соображения о работе Фонда и Центра-Музея Н.К.Рериха

13.05.1990 г.

Рериховское объединение начнёт отвечать своему назначению, когда начнётся реальная работа: по секциям, издательская и публикация журнала. Это и будет наше лицо, и по нему будут судить о нас и современники, и потомки, и хотелось бы, чтобы это лицо внушало уважение. Тогда и можно будет говорить о реальном воздействии на сознание людей, чья жизнь, действительно, зависит от нравственного очищения, от расширения сознания. Это единственная возможность выжить в сложившейся ситуации, предотвратить вырождение человеческого рода. Но этой возможностью благотворного влияния на сознание людей обладают пока единицы, и наша *насущная задача – найти этих людей*. Иначе говоря, величайшая ответственность, сверхзадача, лежит на Рериховском объединении, и её решение целиком зависит от того, удастся ли нам привлечь к работе самобытные таланты, умельцев, людей, преданных делу, а не своим частным интересам и амбициям. В противном случае, нас ожидает участь других фондов, общественных образований, не оправдавших доверия и надежды народа (о чём уже написал Д.С. Лихачёв; и это лишь первая ласточка).

С моей точки зрения, две опасности подстерегают рериховское движение. Первая – инерция мышления, неспособность и нежелание отказаться от традиционных структур, обрекающих на провал любое начинание и, тем более, противоречащее смыслу этих структур. Даже помимо воли участников, традиционные структуры сами по себе приводят к гибели дела. Ведомственная логика, усечённое или усреднённое сознание, естественно, отторгает всё не соответствующее, или – всё талантливое и самобытное, – тот Свет знания, Красоты и Культуры, которыми надеялись Рерихи просветить умы человеческие. Сами «злоумышленники» могут и не отдавать себе отчёта в том, что они вызывают крушение, как не отдавал себе в этом отчёта известный чеховский герой, но от этого никому не легче. Тем более что крушение подстерегает всю Россию. Оттого я и вижу одно из главных назначений рериховского движения – *в раскрытии и поощрении талантов* в самом широком смысле: от таланта художника и учёного до таланта организатора, издателя, таланта человеческого общения...

От Таланта всё зависит, он укоренён в Бытии; «ум двигает массу» – говорят древние, а не наоборот. То, что несёт людям высший ум, всегда необходимо, это то, что всё равно будет и смоем всё, ему противоречащее. Известно, отпавшее от Бытия рано или поздно саморазрушается... Словом, если не будет опоры на Талант, которым, кстати, нельзя и не нужно управлять, то и ничего не будет, кроме позора.

Вторая опасность – фанатизм, зацикленное сознание. *Фанатики всегда губили идею, которой поклонялись*. Фанатизм есть крайняя форма несвободы, а в несвободе ничто хорошее не произрастает. Ум, порабощённый даже высокой идеей, губит дело, которому служит. А свободный ум, независимая Личность, способны к полной самоотдаче, к достижению цели.

Успех Дела зависит от самораскрытия каждого, от реализации той Идеи, которую человек вынашивал всю жизнь. Значит нужно предоставить такую возможность; самый большой грех, как мы знаем из Упанишад, «убить в себе Атмана». В этом назначение Центра: пробуждать в человеке веру в себя, в своё индивидуальное предназначение, в свою незаменимость. Уже одно это придаст рериховскому движению высочайший смысл: обновление сознаний с неизбежностью ведёт к обновлению жизни. Насколько я понимаю, в этом суть учения Рерихов: расширение сознания, пробуждение инстинкта Красоты и ощущения всеединства. «Нрав русского народа просветит красота духа», – говоря словами Елены Ивановны. Осуществить же возвращение человеческого достоинства человеку можно лишь, изменив систему отношений, поняв святость каждого. Через Индивидуальное лежит путь к Единству высшего порядка, через реализацию каждой Личности создается Община единомышленников, преодолевая сопротивление социальной инерции, силу тьмы, разрушителей, которые всё поглощают, но ничего не дают ценного, ибо не способны к созиданию.

Подвижники воздвигнут Храм культуры, который будет открыт для каждого, кто приходит с чистым сердцем. Так должны строиться отношения и внутри, и вовне, если мы хотим идти впереди, а не позади времени. Моноцентрическая модель (мы – центр, остальные – периферия) исторически изжила себя. Утверждается новый тип отношений – полицентризм (по закону Целого, по закону Бытия: центр везде, в каждой точке). Тот будет вести за собой, у которого больше реальных дел, служащих общей цели. В противном случае, ни нажитые миллионы, ни даже уникальное наследие не поможет, если примешаются к движению Рерихов люди сомнительной репутации, неопределённых нравственных и ценностных представлений. Сколько уж раз великие начинания кончались крахом

из-за отсутствия нравственного императива. Каков человек, такова и мера, какова мера, таково и дело: может служить высокому, а может служить и низкому, – всё от человека.

Иначе говоря, **то, что провозглашаем, должны осуществлять**. Если говорим в Уставе о космической Эволюции, о возрождении нравственных ценностей народа на основе гуманистических идей Рерихов, то уже не можем отступать от Пути. И если говорим: «Только объединением людей, мыслящих о высоком, сложатся пути в будущее», то, значит, людей, не мыслящих о высоком, не можем привлекать к общему делу, чтобы не дать его загубить, ибо небывалая ещё ответственность за это будет лежать не на них, а на тех, кто знал и не предотвратил катастрофу. (Кстати, некоторые пункты Устава необходимо скорректировать, привести в соответствие с духом рериховских идей, скажем, 8, 19; пробиваются кое-где прежние, ведомственные стереотипы и это, естественно, смущает умы.)

Традиционная структура

Что характерно для традиционной структуры? Прежде всего – её ненормальное положение, перевёрнутость вверх дном, как говорят в последнее время. Отсюда и всё остальное: перевёрнутые ценностные ориентации, малая эффективность или её полное отсутствие, несоответствие затраченных усилий результату работы. Можно сказать, впервые в истории бюрократия оказалась незаинтересованной в повышении производительности труда. И это объясняется, в первую очередь, её количественным несоответствием, т.е. её гораздо больше, чем полагалось бы для нормального ведения дел (около 18 млн., её даже называют новым классовым образованием). Её интересует не расширение сознания, а расширение аппарата. Количество неизбежно должно было перейти в качество, а качество, в свою очередь, удерживается на том же аномальном уровне, чтобы сохранить количество (т.е. не дать своим в обиду). Сам количественный фактор обусловил модель поведения: гарантия существования – не решение проблем, ибо если они начнут решаться, то в этой «силе» вскоре отпадёт необходимость. То есть само качество, сложившаяся психология этого образования, противоречит потребностям общественного развития и просто здравому смыслу.

Противоестественность существования привела к формированию противоестественной логики: пресекать, не давать ход всякому творчеству, всякому проявлению таланта, ибо в этом случае исчезнет мираж и каждому станет ясно, что бурная деятельность нетворческих и некомпетентных единиц есть лишь имитация деятельности, бег на месте. И эта форма деятельности особенно страшна тем, что она втягивает в бессмысленный круговорот, ведущий к пропасти, силы общества, и оно начинает работать и жить впустую, что для нормального человека есть наивысшее наказание и позор. Эта псевдодеятельность не могла не привести к взрыву недовольства и народов, и отдельных личностей. Всё в силу этой противоестественной логики приходит в состояние вражды, а общество в целом впадает в кризисное состояние. Притом страдают и сами соблазнённые так называемой «лёгкой жизнью», когда ни думать, ни делать дело не только не нужно, но вредно. Они сами становятся нравственно ущербными людьми, страдающими синдромом светобоязни. Как сказано в Писании: «Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идёт к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы» – (Ин. 3,20). Но там же сказано: «Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Ин. 15,2).

Иначе говоря, само Бытие отторгает мешающее его стремлению к совершенству, что, как выяснили физики, имманентно самой Материи, обладающей способностью самоорганизации и движения к лучшему порядку. (Тем самым наука доказывает верность учения древних об энтелехии и благе.) Всё, противостоящее человеческому Пути, рано или поздно самоистребляется, но неведение, непонимание этих законов, не зависящих от воли людей, толкают бедолаг на тот путь, который ведёт их к гибели, именно потому, что всё не созидательное, мешающее творческому росту, отсекается. Таков закон Бытия, и мы убеждаемся в его неумолимости. Пришло осознание невозможности подкармливать паразитические образования, о чём уже нередко говорят, – это есть грех, усугубляющий вину и болезнь общества. Значит, придётся менять психологию, отказываться от нетрудовых доходов, от психологии рантье – стрижки купонов. Желающие образумиться могут подключиться к творческому процессу, а не надеяться, что они в очередной раз смогут присвоить себе заработанное другими. Эта парадигма исчерпала себя, хотя нетрудовая логика ещё в силе, что и приводит к провалу всех хороших начинаний, программ и законов. Но время этой популяции истекло.

В таком случае, не нужно ли проявить благоразумие, бдительность и не допустить в нашей собственной работе изжившие себя модели поведения, которые, кстати, обладают удивительной способностью воспроизводиться в благоприятной для них ситуации один к одному. Но результат будет тот же, – тупиковый. Поэтому я и придаю главное значение неповторению ошибок, неследованию изжившим себя моделям, которые в скором времени будут осуждены не только де-факто, но и де-юре. Прежде всего – преодолеть соблазн командования, когда менее знающий и умеющий диктует правила работы более знающему и умеющему, как это было, когда Ахматову учили писать стихи, а Шостаковича – музыку. Каждый должен знать своё место, исходя из своих возможностей, и заниматься своим делом, не вмешиваться в то, в чём он недостаточно компетентен.

Другое дело, что у каждого есть шанс роста, и его место в нашей иерархической, по необходимости, организации будет меняться по мере его внутреннего роста, знания, специализации. Я лично буду руководствоваться в своей работе именно этим правилом: предоставить каждому наиболее благоприятные условия для развития, заложенного в нем таланта, той Идеи, к осуществлению которой он шёл всю жизнь. И, если он не изменял себе, любимому делу, а занимался им, несмотря ни на что, то как я могу ему указывать, как ему вести себя в том, в чём он разбирается лучше меня. Это потребует большой взыскательности, – не брать случайных, не преданных делу людей, – но, если он выдержит испытание, проверку на нравственную и культурную прочность, то остаётся **не унижать его недоверием**, не подвергать мелкой опеке, не мешать высшему его назначению – осуществить своё призвание. Такова парадигма будущего и, в сущности, нет того, что бы нам не позволило осуществить её, пойти новым путём облагороженных человеческих отношений **раньше других** и тем помочь обществу выбраться из кризиса, возродив уважение к каждому человеку, и менее и более развитому, ибо все мы заслуживаем иной участи.

Сумеем поднять уровень, пробудив в каждом его человеческое достоинство и веру в себя, – достигнем цели, нет – придётся туго.

Структура научно-культурного отдела

Для решения общей задачи – просвещения и приобщения к высокому знанию – мне кажется целесообразным вести работу по секциям, по разным радиусам, направленным к единому Центру, духовному обогащению человека. Я исхожу из конкретных предложений, т.е. все упомянутые секции и студии имеют реальных, конкретных исполнителей. (Беру за основу их собственные предложения, изложенные в виде индивидуальных программ.) Можно сказать, программа «Живой этики» в действии, развитие идей Рерихов, привлечение всего, что будет способствовать главной задаче – **очеловечивания человека**, раскрытию его индивидуального начала, его дарования – т.е. способствовать рождению Целого человека, а не функционера, не носителя ущемлённого, зауженного сознания.

1. **Философская секция** (приобщение к мировой философии, в основном, лекционная работа, семинары, обсуждение опубликованных нами материалов. Задача – научить самостоятельно мыслить и уметь отстаивать свою точку зрения).

2. **Секция Живописи** (сравнительные этюды – Восток и Запад, есть возможность создать мастерскую иконописи. Здесь открываются очень широкие перспективы и для творчества, и для сравнительных исследований, и для привлечения в студию молодёжи. Думается, что язык живописи в ближайшие годы станет ведущим. Уже сейчас ощущается острая потребность в этом языке: **через несловесное воздействие, образ, символ**. В неожиданном и благотворном воздействии на душу человеческую этого искусства убеждает, в частности, Оптический театр С. Зорина. Несколько **интересных художников** готовы к работе).

3. **Женская секция**, которую согласна возглавить С.Кайдаш (ущемление женского начала (**инь**) привело к разбалансированию космических сил – одна из причин современного Хаоса. Тема наисущнейшая, воплотится в форме лекций и постоянной рубрики в журнале. Философский и исторический аспект. Интерес к этой проблеме ныне захватил весь мир, и не участникам ли рериховского движения отвечать на эти вопросы).

4. **Секция Эстетического воспитания детей** (Рожкина Светлана, Ашиков Валерий, тел. 497-75-94).

5. **Секция или направление восточной медицины** (В.П. Старшев, Н.А. Лукьянова – руководитель Центра традиционной медицины, тел.276-16-40).

6. **Традиционные учения и практика** (йога, тайцзи-цюань и др. – восточная философия в

действии, в движении, как Путь расширения сознания. В.К. Муравьев, С.Л. Рыкова, Ю.Г. Бухаев. Лекции и практические занятия. Работа с молодёжью, воспитание через этику боевых искусств).

7. **Секция этнографии, традиционных обычаев, культуры** (специалист по фольклору и современной культуре Монголии – К.Н. Яцковская).

8. **Направление «Восток и наука»** – привлечение физиков (лекции, публикации. Чл.- корр. С.П. Курдюмов; И.А. Трубецкая, Е.М. Егорова и др.).

ПРИМЕЧАНИЕ. После вдумчивого прочтения этого удивительного документа, который попал в руки Л.В. Шапошниковой в мае 1990 года, и после того, как мы имеем теперь возможность проанализировать всё, что она сделала после 1990 года, нетрудно решить, читала ли Л.В.Ш. его, прислушалась ли к мудрым советам своего давнего Друга? А **документ этот важен для каждого из нас и сегодня. Он и сегодня так же актуален, как и тогда...**